ВѢСТНИКЪ
ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

К. ГОВОРСКИМЪ.

ГОДЪ IV 18$\frac{65}{66}$.

КНИЖКА II.

ТОМЪ I.

ВИЛЬНА.
Въ типографіи Р. М. Ромма.

1865.

Дозволено цензурою 18 октября 1865 года. Вильна.

№ 2-й.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

1.

Подтвердительная грамота короля Яна Казиміра, данная уніятскому духовенству на права и привиллегіи, дарованныя прежними великими князьями литовскими и королями польскими въ пользу православнаго духовенства 1668 года.

(*Переводъ съ польскаго*).

Во имя Господне. Аминь! Для вѣчной памяти. Мы Янъ Казиміръ Божіею милостію король Польскій великій князь Литовскій, Русскій, Прусскій, Самогитскій, Мазовскій, Инфляндскій, Смоленскій, Черниговскій и наслѣдственный король Шведскій, Готскій, Вандальскій. Объявляемъ сею нашею привиллегіею письменною, всѣмъ вообще и каждому порознь, кому бы

о томъ вѣдать надлежало нынѣшнимъ и въ потомственные вѣки будущимъ людемъ, что предъ насъ представлены чрезъ гг. чиновъ совѣта и управителей двора, въ то время бывшихъ при насъ тогда, разныя привиллегіи выданныя блаженной памяти пресвѣтлѣйшими предмѣстниками нашими, ихъ милостью королями, преподобнѣйшимъ (Przewielebnym) отцамъ митрополитамъ, архіепископамъ, преподобнымъ (Wielebnym) епископамъ, архимандритамъ и всѣмъ церквамъ греческаго обряда, а особенно привиллегія отъ пресвѣтлѣйшаго короля его милости Александра подъ числомъ въ Вильнѣ 1499 г. 20 марта, которою онъ предоставляетъ преподобнѣйшимъ митрополитамъ, архіепископамъ, епископамъ и архимандритамъ судебное управленіе (Administrationem jurizdik) надъ мѣщанами въ замкахъ, городахъ и мѣстечкахъ, живущими на церковныхъ земляхъ съ условіемъ, чтобы онѣ Магдебургскому праву не подлежали, но принадлежали бы къ судамъ духовнымъ. При томъ распоряженіе раздачи всѣхъ церквей по давнимъ обыкновеніямъ никому иному предоставляетъ, какъ только преподобнѣйшему въ Богѣ отцу Іосифу смоленскому епископу и кіевскому и всея Руси митрополиту и по немъ наступить имѣющимъ. Что все послѣ того пресвѣтлѣйшій король его милость Сигизмундъ І-й въ Брестѣ на многолюдномъ коронномъ сеймѣ, подъ числомъ лѣта отъ сотворенія міра 7019 Іюля 2, особенною своею привиллегіею соизволилъ утвердить, а послѣ него обѣ ихъ привиллегіи пресвѣтлѣйшій король его милость Стефанъ подтвердилъ, подъ числомъ въ Варшавѣ, на общемъ (walnom) сеймѣ, также въ многолюдномъ сенатѣ лѣта 1585 февраля 25. А что болѣе пресвѣтлѣйшій его милость король Сигизмундъ III-й господинъ отецъ нашъ, принимая во уваженіе (reassumując) име-

нованныя выше привиллегіи, отъ пресвѣтлѣйшихъ предмѣстниковъ нашихъ какъ великихъ князей литовскихъ, такъ и королей польскихъ выданныя прежде и послѣ духовенству Греческой религіи, особеннаго своего права одобрилъ, подъ числомъ въ Варшавѣ 1605 года, мѣсяца февраля 22 дня. Между прочими привиллегіями, бывшими въ большомъ числѣ, представлены были намъ разные рескрипты пресвѣтлѣйшихъ предшественниковъ нашихъ, какъ-то Сигизмунда I-го, Сигизмунда Августа и Сигизмунда III-го господина родителя нашого королей польскихъ, такъ Гаштольда въ то время виленскаго воеводы и канцлера в. лит. княжества выданные въ разныя времена на имя мѣщанъ виленскихъ и новогродскихъ, чтобы они не вмѣшивались въ суды и распоряженія духовныя надъ подданными по городамъ, и замкамъ, принадлежащимъ митрополитамъ, архіепископамъ, епископамъ и архимандритамъ; въ особенности представлена была намъ корфирмація пресвѣтлѣйшаго его милости короля Сигизмунда III-го господина родителя нашего всѣхъ привиллегій и грамать (Listow) предварительно выданныхъ, подъ числомъ въ Варшавѣ 1617 года 27 февраля, со стороны мѣщанъ виленскихъ, живущихъ на церковныхъ земляхъ, которые должны были имѣть зависимость отъ судовъ митрополитскихъ, а не отъ управленія тогоже виленскаго города. А сверхъ того когда въ прошедшемъ столѣтіи преподобный нѣкогда въ Богѣ отецъ Михаилъ Рогоза, тогда бывшій кіевскимъ митрополитомъ принималъ святое единеніе съ римскимъ костеломъ, то отъ помянутаго пресвѣтлѣйшаго Сигизмунда III-го господина родителя нашего и дана была привиллегія, подъ числомъ въ Краковѣ 1595 года 30 іюля, на вольность духовенству и начальствующимъ унита-

уравнивающая ихъ съ чинами духовными римскаго исповѣданія; тотъ же пресвѣтлѣйшій король его милость Сигизмундъ III-й, касательно свободъ отъ податей греческое духовенство, находящееся уже тогда въ святой уніи, сохранять, соотвѣтственно привиллегіямъ пресвѣтлѣйшихъ предмѣстниковъ нашихъ, особенною своею привиллегіею, выданною подъ числомъ въ Варшавѣ мѣсяца сентября 5 дня 1621 года.

И чрезъ гг. членовъ совѣта (Panów Rad) и управителей нашихъ бывшихъ тогда при насъ, представили намъ просьбу отъ имени тогоже вышеименованнаго преподобнѣйшаго въ Бозѣ отца Гавріила Коленды митрополита всея Руси, чтобы мы всѣ тѣ, выше подробно означенныя привиллегіи и рескрипты, чрезъ которые церкви греческія отъ пресвѣтлѣйшихъ нашихъ предшественниковъ съ благоговѣніемъ наданы права, свободы и вольности, подтвердили, укрѣпили и властію нашею одобрили. Мы тогда охотно и милостиво склонившись на упомянутую просьбу, какъ справедливую, а такъже не менѣе усильно заботясь о томъ, чтобы святое единеніе укрѣплялось (się krzewiła) и чтобы въ немъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе умножалась слава Божія, всѣ эти выше помянутыя привиллегіи и рескрипты, выше поименованными пресвѣтлѣйшими предшественниками нашими польскими королями наданныя въ свое время церквамъ, находящимся въ уніи, положили подтвердить и укрѣпить. Такъ нашею королевскою властію (powagą), чрезъ дипломъ этотъ нашъ подтверждаемъ, укрѣпляемъ, одобряемъ и ратификуемъ при свободахъ, вольностяхъ, преимуществахъ, властяхъ, судопроизводствахъ и обрядахъ церковныхъ, служащихъ унитамъ греческой религіи какъ прежде такъ и послѣ уніи духовенства, нынѣшняго преподобнѣйшаго митро-

полита и имѣющихъ быть на будущее время оставляемъ и охраняемъ въ цѣлости и ненарушимости, повелѣвая то нашимъ и пресвѣтлѣйшихъ наслѣдниковъ нашихъ именемъ, чтобы ни въ чемъ и ни отъ кого не было отмѣнено въ свободахъ, вольностяхъ и церковныхъ правахъ греко-унитскаго обряда и не было бы нималѣйшаго уменшенія въ самой малѣйшей вещи, чего, въ случаѣ нарушенія этой нашей грамоты, преподобнѣйшій въ Богѣ отецъ Гавріилъ Коленда, митрополитъ всея Руси и послѣ него послѣдующіе преемники обязаны будутъ доходить правомъ. На что для лучшаго удостовѣренія и несомнѣнной вѣрности эту грамоту—конфирмацію нашею рукою мы подписали и повелѣли приложить печать Великаго Литовскаго княжества. Дана въ Варшавѣ на всеобщемъ (walnym) сеймѣ 29 Августа лѣта Господня 1663, государствованія королевствъ нашихъ польскаго двадцатаго, а шведскаго двадцать перваго года. Въ присутствіи высокопреподобнаго, преподобныхъ, высокоблагородныхъ, благородныхъ и урожденныхъ: Николая на Празмовѣ Празмовскаго архіепископа гнезненскаго легата Наля и перваго принца, Андрея Кребицкаго, Круковскаго князя сѣверскаго, Казиміра Флоріана, нязя на Клеванѣ Чарторыжскаго, куявскаго и поморсккаго, Стефана вержбовскаго познанскаго, Ивана Гембицкаго плоцкаго, Ѳомы Слезеня леженскаго луцкаго и брестскаго, Андрея Ольшовскаго хелминскаго и короннаго померанскаго подканцлера, Альбрихта Корыцинскаго каменецкаго, Ѳомы Вѣйскаго кіевскаго. Епископовъ Георгія графа на Висничѣ и Ярославѣ Любомирскаго краковскаго, Андрея Жегоцкаго, Владислава графа изъ Лешна Лещинскаго, Ивана изъ Щекаровичъ Тарла сендомирскаго, Ивана Яблоновскаго русскаго, Ивана Гнип-

скаго хелминскаго, Ивана Игнатія Бонковскаго поморскаго, полоцкаго, кіевскаго; воеводъ: Станислава Скаржевскаго— войницкаго каштелана, Іоанна Собіевскаго маршала и великаго короннаго гетмана, Христофора Паца канцлера великаго княжества Литовскаго, Михаила Казиміра Радзивилла князя на Олыкѣ и Несвижѣ подканцлера Великаго Литовскаго княжества, Ивана Клеменса Рушче Браницкаго надворнаго короннаго маршала, Андрея Морштына изъ Ратиборска великаго короннаго подскарбія, Христофора Кершенштейна подскарбія Великаго Литовскаго княжества, Кипріана Павла Бростовскаго, великаго княжества Литовскаго, Ивана Красинскаго короннаго; докладчиковъ (Referendarzów): Валеріана Станислава Юдицкаго архидіакона виленскаго, пробоща троцкаго Ивана Котовича гродненскаго старосты; великаго княжества Литовскаго писарей: Ѳеодора Денгофа короннаго подкоморія, Андрея Московскаго, аббата преметскаго великаго короннаго секретаря, Станислава Липскаго схоластика варшавскаго, Спытка Петроновскаго; канцеляріи коронныхъ регентовъ: Христофора Тирновскаго маршала посольской конторы (Izby Poselskiéj), Кипріана Жоховскаго ордена святаго Василія Вел. доктора богословія, митрополитскаго авдитора, котораго стараніемъ и попеченіемъ исходатайствованъ этотъ деплом̃ъ, и иныхъ многихъ дворянъ обывателей, королевства и Великаго княжества Литовскаго собравшихся на нынѣшній всеобщій (Walny) сеймъ въ Варшавѣ. *Іоанъ Казиміръ* король. Печати висящія двѣ меньшія: Коронная и Великаго княжества Литовскаго. Іоаннъ Волоскій Варменскій и Кульмскій каноникъ, секретарь королевскаго величества, Кипріанъ Павелъ Бржостов-

скій. Референдаръ (докладчикъ) и нотаріусъ Великаго Лит. княжества.

Подлинникъ хранится въ архивѣ бывшихъ греко-уніатскихъ митрополитовъ, при свят. Сунодѣ, подъ № 117; писанъ на четырехъ листахъ обык. писч. бумаги, крупною скорописью по польски. Въ концѣ рукописи королевская подпись: „Augustus Rex“ и печать В. К. Литовскаго, оттиснутая на красно восковой мастикѣ, подъ бумажкою. Листы рукописи сшиты розовыми шелковыми шнурами, концы которыхъ припечатаны печатью.

2.

Присяга и исповеданіе вѣры уніятскаго іеромонаха Іосифа Велямина — Рутскаго, архимандрита виленскаго св. Троицкаго монастыря, при посвященіи его въ санъ галицкаго епископа. 1612 г. (1).

Я Иосифъ Велíаминъ Рутски священноинокъ Божею милостью нареченный во светейшую епископью Галицкую се пишу рукою своею и разумомъ своимъ. Исповедаюся предъ Богомъ и избранными его Ангелы правую и непорочную хрестианскую веру, еже есть исповедание; воймя отца и сына и светого духа, едино Божество, еже есть сице: Верую воединаго Бога отца вседержытеля творца небу и земли видимымъ - же всимъ и не видимымъ, и воединаго Господа Иисуса Христа сына Божыя единороднаго иже отъ отца рож-

---

(1) Документъ этотъ печатаемъ въ доказательство того, что въ началѣ уніи уніаты увлекали въ нее православный народъ молвою, что принявшіе се не переставали быть право-

денного прежде всихъ векъ. Света отъ света Бога истинаго отъ Бога истинаго единосущънаго отцу имже вся быша, насъ ради чловековъ и нашего ради спасения сошедшаго сонебесъ и воплощъшагося отъ духа свята и Марый девы, и вочеловечшася, распятаго заны, прыпонътийстемъ пилате, страдавшаго и погребенънаго, и воскресшаго во третий день announcing писаниихъ, вшедшаго на небеса и седящаго одесную отца, и паки грядущаго со славою судити жывыхъ и мертвыхъ егоже царствия несть конца, и въ духа святаго господа и жывитворящого иже отъ *отча исходящою*, иже со-отцемъ и сыномъ сопокланяема и сославима глаголавшого пророки, и воедину светую соборную и Апостолскую церковъ; исповедую едино крещение вооставленіи греховъ, чаю воскресения мерътвыхъ и жызни будущаго века аминь.

славными, такъ какъ прежнее исповѣданіе вѣры, богослуженіе обряды и обычаи оставались неприкосновенными, за исключеніемъ только подчиненія русской церкви римскому папѣ вмѣсто константинопольскаго патріарха. Поэтому уніятскіе епископы, хотя сами и преданы были душею и тѣломъ папству, но народъ пріучали къ нему исподоволь, незамѣтно вводя въ уніятскую церковь латинскіе обряды и обычаи и долгое время называли себя православными, самый даже символъ вѣры какъ на литургіи, такъ и при присягахъ епископовъ, не смѣли публично читать въ церкви съ прибавленіемъ filioque (и сына) почти до конца 17 столѣтія. Изъ уніятскихъ епископовъ, первый Антоній Селява, при посвященіи его во епископа, прочиталъ символъ съ этимъ прибавленіемъ. А духовенство не стригло волосъ и не брило бородъ до половины 18 столѣтія. Первый изъ епископовъ сталъ брить бороду митрополитъ Флоріанъ Гребницкій, и то не совсѣмъ, а оставлялъ бородку, à la Кавеньякъ. Ред.

Ксему прыймаю вси святыя вселенския соборы иже съ брашася на поучение православные веры со исповедающыхъ иже отъ нихъ повеленнаа прыятно сохранити законъ и святыхъ повеления елико отъ свещенныхъ нашихъ отецъ по многихъ временехъ и летех зачашеся и всихъ елицехъ собравшеся соборно прыяша, и аз прыймаю и елицехъ отвергащася, и аз отвращаюся, и паки церковьный миръ исповедаю и сохраняю, и нинаединъ нравъ сопротивляющихся тых зажывотъ весъ.

Ксимъ же исповедаю и сохраняю и обещаюся и всегда последсътвую и повинуюся господину и владыце моему преосвященному митрополиту Киевскому и всея росии Ипатею. Чысто и право и послущливо вспарѣйе его милости митрополие Киевское, ниякихъ дѣлъ архиепископскихъ неделати. Токъмо вряду моего еписъкопъского зажывати, яко наместникъ его милости; дабы во всемъ власть его милости митрополисъцию и непорушно сохранена была. Сего ради и санътимисы пры посвещеню церъквей мне ненаписовати, токмо именемъ господина моего митрополита Киевскаго и всея росии.

Ксему-же обецую под светымъ послушенствомъ гдѣ ми его милость отецъ митрополитъ повелитъ и на которое месуце досежа быти, повеленеся его милости, яко старшого своего не преслушати мне.

Ксимъ-же исповедую неоставити ми впредѣле от господина и владыки моего митрополиты Киевского мне врученъномъ, ни единого-же отъ нашое православное верве ко Арменомъ свадбы творити и кумоства и брацства и иныхъ еретыковъ, которыхъ вселенские соборы проклязли обещебаюся сострахомъ Божымъ и Боголюбезнымъ хотениемъ дающими стадо на исправление отъ

всякого лукавъства очищати и себе сохранити, елико ми настоит сила. Ащели преступлю что да едино от сихъ всихъ написаныхъ зде лишеня буду сана своего без всякаго слова.

Списана-же вся подписахъ рукою моею власною Иосифъ Велямінъ Рутскій, свещенноинокъ Архиманъдрытъ Божею милостию нареченый восветейшую епископью галицькую, своею рукою подписано. Лета от нарожения Христова тисеча шестъ сот дванадцатого, мѣсяца Іюня . . . . дня.

Іосифъ Велямінъ Рутскій рукою властною.

„На оборотѣ листа помѣтка: отца рудского профессія, пры посвещению на владычество диорное.“

Подлинникъ хранится въ архивѣ бывшихъ греко-униатскихъ митрополитовъ, при св. сунодѣ, подъ N. 301; писанъ на листѣ облек. бум. мелкою схоронись ю, безъ знаковъ.

Примѣчаніе. Въ этомъ архивѣ сохранились присяжные листы и исповѣданія вѣры почти всѣхъ уніятскихъ епископовъ—отъ полоцкаго Гедеона Брольницкаго—и митрополитовъ—отъ Упатія Поцѣя до Іеосафата Булгака—и нѣкоторыхъ архимандриовъ и игуменовъ. Замѣчательно, что до половины 17 столѣтія сумволъ вѣры въ этихъ листахъ писался безъ прибавленія filioque (и отъ сына, а о папѣ вовсѣ не упоминалось.

3.

Продажная запись Стефана Достоевскаго, данная минскому пятницкой церкви священнику о. Евтихію Васидевичу на два плаца въ г. Минскѣ 1580 г. (1)

(*Выписъ съ книгъ ратуши места государскаго менскаго*).

Лѣта Божьего нароженя тисеча пятсотъ осьмдесятаго мца марца десятаго дня.

Передомною Яномъ Грушего лейтвойтомъ Менскимъ и передъ нами Бурмистры Минскими Иваномъ Филиповичомъ райцы и лавники постановившосе обычне въ рачушы земенинъ государски повету Менскомъ панъ Стефанъ Ивановичъ Достоевскій спольнн з малжонкою своею панею Богданою Богдановною одностайно оповедали и сами добровильне до книгъ ратушныхъ вызнали ижъ две дворыщи своихъ властныхъ де-

---

(1) Документъ этотъ препровожденъ въ редакцію при нижеслѣдующемъ письмѣ.

Г. Редакторъ!

Сочувствуя труду вашему для блага и пользы отечества, я рѣшился представить копію документа на бывшіе два плаца при Пятницкой церкви въ Минскѣ. Церковь эта нынѣ не существуетъ; но все-таки хорошо будетъ, если объ ней сохранится память въ русскомъ народѣ западнаго края. Смѣю надѣяться, что эта копія получитъ мѣсто въ вашемъ журналѣ съ прочими древними документами, напоминающими сердцу русскаго человѣка про его святыню, насильно присвоенную и уничтоженную римскою пропагандою и полонизмомъ. Время можетъ истребить и самый документъ на ея существованіе; но не истребитъ вашего труда переданнаго въ печати народу. Благодаримъ автора письма за доставленіе намъ этого документа и просимъ впредъ сообщать намъ подобные.

Ред.

дичныхъ пани Богданы Богдановны посполе лежачыхъ ничымъ никому не винныхъ, ани пенныхъ, которые есть тутъ в местѣ государскомъ Менскомъ подъ присудомъ Местскимъ ратушнымъ противъ церкви святое Пятницы обмежу домомъ Ивана Өеанасевича Огиболовича з другое стороны дворыщомъ небожъчика Макара Шышчыча а от болота через улицу против дворыща Олехня Ханковича Самуйловича продали есть и на вечность отъ тыхъ обудву дворыщ посполе лежачыхъ отступили священнику Пятницкому Менскому отцу Евтихею Василевичу за певные пенези то зъ за десеть копъ грошей монеты и личбы литовское зо всимъ правомъ власъностю и дедичствомъ ничого сами на себе детей потомковъ и всихъ близскихъ кровных и повинных своих там в тых дву дворыщах даходав пожытков и ниякого вступу не зоставуючы але . . . . . и ничымъ непорушне так яко сами тые две дворыща до сего часу мели и держали стым тепер правом ихъ пустили и поступили а на вечные часы напреречонаго священника Пятницкаго самого жону детей и потомков их таковое право влили и им ку держаню вживаню и розшыреню водле воли и бачения их тые две дворыща в границах вышей менованых завели и вже от сего часу им поступили и переднами на враде местскомъ, вздали якож и та пан Стефанъ Достоевскій з малжонкою своего перед нами вызнали иж тую десеть копъ грошей сполна у водличоных пенезех от священника Пятницкого за тые две дворыща до рукъ своихъ взяли съ которых от себе самыхъ и потомков своих свещеника Пятницкого жону детей и потомков их квитовали и их с того на вечные часы волными учинили котороежъ продане оных двох дворыщ и квитоване взятя за нихъ десети коп грошей перед нами

на враде местском есть се стало и за прозбою священника Пятницкаго тутже перед нами будучого до книг ратушныхъ записано о которых и сей выписъ под печатю местькою священнику Пятницкому есть выданъ писан у Минску.

Сергей Матосевичь писар мески Менски. (*М. П.*)

№ 3-й.

МАТЕРІАЛЫ КАСАЮЩІЕСЯ СОСТОЯНІЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ ВЪ 2-Й ПОЛОВИНѢ 18 СТОЛѢТІЯ.

1.

Челобитная игумена мотренинскаго монастыря Мелхиседека, поданная на высочайшее императрицы Екатерины II имя Гервасію, епископу переяславскому и борисподьскому, объ арестованіи его уніятами, разграбленіи его имущества, содержаніи въ тюрьмѣ въ м. Грудку и проч., съ прошеніемъ защиты и удовлетворенія. 1767 г. генваря 13.

Всепресвѣтлѣйшая, державѣйшая, великая государиня императрица Екатерина Алексѣевна, самодержица всероссійская государиня всемилостивѣйшая.

Бьетъ челомъ малороссійской переясловской епархіи имѣющагося в польской области на Украинѣ, в губерніи смѣлянской, благочестпвого святотроицкого мокренинского монастира игуменъ, иеромонахъ Мелхиседекъ, а въ чемъ мое прешеніе, тому слѣдуютъ пункта:

1-е.

Родился я нижайшій в Малороссіи полку лубенского, въ самомъ полковомъ городѣ Лубнахъ, отъ родителей благочестивихъ, зъ фамиліи древнихъ з Костещовъ Яворскихъ, а именно оного полку полкового асаула Карпа Ильича прозваніемъ Значка.

2-е.

Жилъ при тѣхъ своихъ родителяхъ з малолѣтства до совершенного возраста, и обучался по надлежащему русского писма, а притомъ стараніемъ оного моего отца и другихъ язиковъ въ академіи кіевской.

3-е.

Между тѣмъ отъ рожденія моего годовъ какъ бы въ двадцать два по желанію своему пойшолъ въ заграничный благочестивій, къ епархіи переяславской принадлежащій, мотренинскій монастиръ, и тамо за благословеніемъ блаженнія памяти пресвященною Никодима Срѣбнѣцкого, епископа переяславского, бывшимъ тогда въ томъ мотренинскомъ монастирѣ игуменомъ иеромонахомъ Мелетіемъ постриженъ въ монашество 1745 году, и жилъ в томъ монастирѣ неисходно ажъ до 753 года.

4-е.

Тогожъ 753 года оного мотренинскаго монастира братія вся обще согласно, на мѣсто игумена схимонаха Игнатія, мене нижайшого себѣ во игумена избрали и представили къ покойному преосвященному тогда бывшему переяславскому Іоанну для производженія во игумена, по которому представленію, а при томъ еще и по занесенной отъ сіятелного князя Яна

Каетана Яблуновскаго, бывшаго воеводи браславского, старости чигринского къ тому жъ преосвященному интерцессіи, и произведенъ онимъ преосвященнимъ в тотъ мотренинскій монастиръ въ настоящого игумена, того жъ года мая 8-го дня, в коемъ монастирѣ отъ вишписанного года и по нинѣ нахожусь.

5-е.

Между тѣми годами прошлого 761 года зъ духовной его преосвященства, господина Гервасія, епископа переяславского и бориспольского, присланнимъ ко мнѣ указомъ велѣнно тамошніе в полской области, на Украинѣ состоящіе благочестивіе церкви, которіи издревле надлежали къ православной переяславской епархіи, во унѣи жъ и подъ вѣдомствомъ унѣятовъ никогда не бывали, такъ же духовное тѣхъ церквей правленіе и священство принять в свое вѣдомство и что надлежитъ къ благочинію церковному и другимъ порядкамъ наблюдать и какъ лучше устроевать, в силѣ котораго указа я нижайшій оніе благочестивіе церкви, духовное жъ правленіе и священство въ вѣдомствѣ своемъ, какъ повелѣнно, а притомъ и такъ надлѣжало, с показанного года до прошедшого 765 года содерживалъ.

6-е.

А того 765 года, когда безъправніи унѣяти какъ монастирамъ тамошнимъ благочестивимъ, къ епархіи переяславской принадлежащимъ, яко то вишписанному мотренинскому и другому, тамъ же на Украинѣ, въ губерніи мошенской состоящему, вознесенскому мошногорскому, такъ паче онимъ благочестивимъ церквамъ и священству, начали разнообразніе бѣди и гоненія приключать и возможними средствами отъ благочестія

къ своей унѣи клонить и насиловать, то отъ монастирей купно и отъ духовного оnихъ благочестивыхъ церквей правленія о томъ въ обстоятелствѣ доношеніями представленно было къ его преосвященству, господину Гервасію, епископу переяславскому и бориспольскому, с таковимъ прошеніемъ, дабы отъ его преосвященства о защитѣ и покровительствѣ отъ тѣхъ унѣятовъ, куда надлежить, взнесено было.

7-е.

По тѣмъ доношеніямъ его преосвящество того жъ года мая мѣсяца двома доношеніями жъ, чрезъ мене нижайшаго святѣйшему правительствующему сѵноду посланними, о всѣхъ тѣхъ унѣятскихъ своеволниковъ благочестивимъ церквамъ, священству и монастирамъ послѣдовавшихъ злоключеніяхъ представилъ.

8-е.

За представленіемъ з святѣйшаго правительствующаго сѵнода со всѣмъ дѣломъ отправленъ былъ я нижайшій тогожъ года при указѣ въ коллегію вашего императорскаго величества иностранныхъ делъ.

9-е.

Зъ оной вашего императорскаго величества иностранныхъ делъ коллегіи, того жъ года сентября 7-го дня, с имяннимъ вашего императорскаго величества рескриптомъ и пашепортомъ за собственною вашего императорскаго величества печатю, а при томъ и с другими, къ дѣлу принадлежащими писменними документами, отправленъ былъ я нижайшій въ Полщу, въ Варшаву, къ имѣющемусь тамо, отъ двора россійского учрежденному, чрезъзвичайному и полномочному по-

слу, его сіятельству, Николаю Василіевичу князю Репнину, съ тѣмъ, даби двору полскому и министерству учиненно было домагательство въ такой силѣ, чтобъ отъ всѣхъ обидъ и нападеній римскихъ грегороссійскіе исповѣдники, ихъ церкви и монастири совершенно защищаеми и ограждаеми, а напротивъ того римскіе и унѣятскіе своеволники пристойнимъ бы образомъ не толко отъ нападеній, но и отъ угрозовъ воздержани были.

10-е.

А по отправкѣ моей зъ Санктпѣтербурга въ Варшаву во многихъ мѣстахъ на пути отъ поляковъ и унѣятовъ разніе обиди и смертніи приключенія были, какъ то въ городѣ Поволочѣ нѣякойсъ попъ унѣятъ, пришедши въ дворъ ко мнѣ гдѣ роздохъ я имѣлъ, и между прочимъ, какъ будто з пріятелства, поднесъ мнѣ кубокъ меду, которой, какъ я толко маленко напился, велми сталъ вредній, но случившимся тогда заразъ мнѣ виметомъ отъ далшей бѣди спаслся, служитель же мой какъ напился, то по времени ужасно весь роспухъ, а далѣ тѣло на немъ потрѣскалось и отъ того смертію пострадалъ.

11-е.

Отътуда за пріездомъ в мѣстечко називаемое Бялополье, и тамъ также поляки, бывшіи тогда въ томъ мѣстечкѣ на квартерахъ, пришедшіи на мою квартеру съ многимъ ругательствомъ, боемъ и смертію угрожували, а при томъ з тѣхъ же единъ позвалъ былъ мене з квартери къ своему коменданту, которой комендантъ, когда между протчимъ усмотрѣлъ, что при мнѣ нижайшему имѣется вашего императорскаго величества

рескриптъ къ его сіятельству, князю Репнину, а при томъ что и пашепоръ зъ коллегіи вашего императорскаго величества иностраннихъ делъ на проезъ въ Варшаву мнѣ виданній, то не причиняя болѣе какого болшого мнѣ злоключенія, да толко во удоволство своей злоби, при разныхъ же поруганіяхъ, съ жестокимъ боевимъ устращеніемъ принуждалъ отправлять мшу, но и от того принужденія, какими моглъ резонами, свободился и не отправлялъ.

12-е.

Потомъ прибылъ въ Варшаву въ началѣ настоящого 766 года генвара 6-го дня, а за прибытіемъ какъ оной имянной вашего императорскаго величества рескриптъ, при отпускѣ зъ коллегіи иностранихъ делъ мнѣ данній, такъ и другіе, къ дѣлу принадлежащіе, писменніе документы его сіятелству, князю Репнину представилъ, а при томъ, о чемъ и куди надлежало, и самъ являсь представлялъ, и сколко возмоглъ о исходатайствованіи полезной резолюціи старался.

13-е.

Почему того жъ генваря отъ древнихъ королей полскихъ въ разнихъ годѣхъ виданніе, на волное и безпрепятственное содержаніе православно восточному, въ коронѣ полской находящемусь, народу природного своего греческого исповѣданія привилегіи за собственними печатьми его королевскаго величества и подписомъ рукъ великихъ канцлеровъ, зъ королевской метрики, мнѣ нижайшому и виданни, на полскомъ діалектѣ, числомъ всѣмъ, а притомъ и его королевское величество, благополучно нинѣ царствующій король полскій, Станѣславъ Августъ, особливѣйшею подтвер-

дителною граматою всему оному грекороссійскому народу во всемъ прежную въ содержаніи своего православія свободу и волность благоволилъ жаловать.

14-е.

А понеже я нижайшій, еще до полученія оной подтвердителной отъ его королевскаго величества грамоти, извѣстился, яко имѣетъ она быть не во всемъ такого содержанія, какъ оніе древніе королями наданніе, но въ нѣякихсь краткихъ термѣнѣхъ и какъ бы съ вилазками, для того, представляя его сіятелству, князю Репнину, полномочному послу, оніе виданніе уже зъ метрики древніе привилегіи, просилъ о всемѣрномъ стараніи, чтобы не отмѣненную либо въ чемъ, но во всемъ согласную тѣмь древнимъ привилеґіямъ, и у его величества, нинѣшняго короля полскаго, подтвердителную привилегію исходатайствовать.

15-е.

И потому его превосходителство, господинъ вицеканцлеръ, ксензъ Млодзѣевскій вишеупомянутіе древнихъ королей полскихъ привилегіи чрезъ двѣ недели у себе содержуя разсматривалъ, а по разсмотрѣніи за принятіемъ обратно къ себѣ привилегій много обнадеженъ я былъ въ томъ, что подтвердителная отъ его королевскаго величества на содержаніе благочестія привилегія, безъ малѣйшой отмѣни противо тѣхъ прежнихъ, имѣетъ быть виданна.

16-е.

При томъ же я нижайшій, сколко моглъ, старался и гдѣ надлежало просилъ, дабы отъ его королевскаго величества, особливѣйше той привилегіи, о тако-

вомъ свободномъ грекороссійскому народу своего природнаго православія содержаніи благоволенно было еще писать какъ до духовнихъ унѣятскихъ, такъ и до мирскихъ властей, яко то: къ его сіятелству, князю Яблуновскому, Любомирскому, воеводѣ браславскому, къ его сіятелству, князю Сангушку, старостѣ чигринскому и къ его високородію, пану Муравскому, почему и писанно было.

17-е.

По испрошеніи же у его королевского величества онихъ привилегій отъехалъ оттудова зъ Варшави прошедшаго февраля прямо въ свой мотренинскій монастиръ.

18-е.

По отъездѣ же моемъ з Варшави, за пріездомъ подъ местечко Орловецъ, писаръ консистору латинского називаемій Лада, зъ нѣкоторими еще при немъ имѣющимися людьми, в полѣ разбойническимъ образомъ напалъ былъ на мене нижайшого и отбыралъ всѣ древнихъ королей полскихъ и нинѣшнаго его величества Станислава Августа привилегіи, а потомъ и самого мене взялъ подъ караулъ, при разнихъ озлобленіяхъ и наругателствахъ припровадилъ въ мѣстечко Городище, и тамъ, суровѣйшихъ средствъ ко мнѣ употребляя и самою смертію угражая, до нѣсколко разъ и шпагу обнаженную въ рукахъ держалъ, сискуя на мнѣ винность и причину единственно сію, за чемъ ездилъ въ Санктъпѣтербургъ и въ Варшаву, а наконецъ намѣревалъ, заковавши въ железа, отослать въ оной латинской консисторъ, однакъ не отсилалъ, при коемъ всемъ дѣйствіи былъ с онимъ Ладою еще товарищъ партіи украинской, прозваніемъ Пулѣковскій.

19-е.

Между тѣмъ того жъ дни къ оному писару Ладѣ на квартеру прислалъ тамошній городискій губернаторъ отъ себе двоихъ человѣкъ, и оніе, какъ бы подъ караулъ мене взявъ, отъ того писара Лади повели къ губернатору, а за приходомъ и тотъ губернаторъ также до удоволстія своей злоби бранилъ и ругалъ, съ такою при томъ безъчеловѣчною суровостію, что многократно, въхватя въ руки оружье, устращалъ смертію, поставляя и тотъ такъже в причину одно сіе, за чемъ ездилъ въ Пѣтербургъ и въ Варшаву, а наконецъ отобралъ былъ у мене и привилегію, данную отъ его королевскаго величества, нинѣшняго короля полского, и хотѣлъ оную порвать, но по совѣту нѣкоторихъ тогда бывшихъ поляковъ, удоржался, и, отдавъ мнѣ обратно, отпустилъ отъ себе.

20-е.

Потомъ прибылъ я нижайшій въ свой благочестивій мотренинскій монастиръ сего жъ года мая 8 дня, а за прибытіемъ, кромѣ уже того, что имѣлись в ономъ моемъ монастирѣ ругателніе, отъ унѣятов понасиланіе, писменніе види, еще нѣякойсь шляхтичъ, прозваніемъ Хойновскій, пріехалъ въ монастиръ и, прямо ко мнѣ нижайшему въ келію гвалтовническимъ образомъ пришелши, с немалимъ азартомъ и угроженіемъ, потребовалъ у мене онихъ имѣющихся на содержаніе благочестія королевскихъ привилегій; но я снисходя оной неразсудной азартности, когда показалъ ему нинѣшнимъ его величествомъ королемъ полскимъ жалованную привилегію, то тотъ Хойновскій съ необичной и неутулимой своей азартности дерзнулъ и его коро-

левское величество опасними словами поразить такови-ми: и королю голову отрубають, что сизматикамъ ви-далъ привилегію, да при томъ же сказалъ прямо мнѣ, какъ давно хотѣлъ, такъ паче нинѣ намѣреваетъ, гдѣ ни доведется, в пути или в другомъ мѣстѣ, смерти предать, и съ тѣмъ безчеловѣчіемъ отьехалъ.

21-е.

По отъездѣ оного шляхтича Хойновского, сторон-но я нижайшій увѣдомился в скоромъ времени, что они, извѣстившись о віездѣ моемъ з монастира въ ка-тедру переяславскую для представленія привилегій, уже и учредили тайнихъ по дорогахъ стражниковъ с таковимъ намѣреніемъ, ежелибъ толко ехалъ я нижай-шій в оную катедру, то на томъ мѣстѣ, гдѣ довелось бы застигти, первіе отобрать оніе вишеупоминаеміе древнихъ и нинѣшнаго короля полского привилегіи, а потомъ, в конечное виполненіе своей злоби, мене и имѣющихся при мнѣ, безъ всякихъ далшихъ справокъ и обстоятелствъ, тайно умертвить.

22-е.

Почему я нижайшій, съ таковихъ происрастаю-щихъ смертнихъ бѣдъ, возимѣлъ не малое сумнител-ство и опасность, и когда случилось ехагь в духов-ную епископіи переясловской консисторію, то во обе-режность принужденъ былъ тамошнего жъ мѣстечка Жаботина ктитора Диниса Криновскаго просить, что-бы возможнимъ образомъ провелъ мене з монастира в новороссійской губерніи какъ бы верстъ двадцать.

23-е.

Оной ктиторъ Денисъ Криновскій, истинній по благочестіи будучи ревнитель, охотно склонился па мое

прошеніе, и съ тамошнимъ жаботинскимъ же сотникомъ Харкомъ и еще двома добросовѣстними человѣками согласясь, тайнимъ образомъ ночю провели, какъ више значить, з монастира в новороссійскую губернію, а оттудова уже самъ ездилъ в духовную консисторію переяславскую.

24-е.

По проводѣ жъ мене нижайшого, толко что поворотился оной сотникъ в домъ, то жаботинскій же ротмистръ, коего имени и прозванія не вѣдаю, увѣдомлясь о томъ, что уже я з монастира виведенъ онимъ сотникомъ съ другими вишеприсанними в новороссійскую губернію, узлился на сотника, и писменно извѣстилъ о томъ состоящого тогда подъ местечкомъ Олшаною войска партіи украинской рейментару Воронѣчу, а оной рейментаръ, призвавши того сотника къ себѣ в обозъ, приказалъ ночю смертію казнить, голову отсѣкти, и отсѣченно, оніе жъ три человѣка, какъ више значить, бывшіе съ тѣмъ сотникомъ, послихавъ о таковой его казни, убоялись, и оставя жени съ дѣтьми и доми со всѣмъ имуществомъ бѣжали.

25-е.

По того, за пріездомъ моимъ з оной духовной консисторіи опять в монастиръ, оной рейментаръ Воронѣчъ прислалъ отъ своего обозу двоихъ войсковихъ товарищей, едного на прозваніе Бурката, а другаго не могу знатъ, въ мѣстечко, близъ мотренинского монастира состоящое, вишъписанное Жаботинъ, съ таковимъ злоухищреннимъ умисломъ, чтобъ визвавъ мене зъ монастира яко бы для отданія мнѣ отъ его писемъ, подхватить и свое злое на мнѣ нижайшему же-

ланіе виполнить но я, будучи уже совершенно вѣстимъ о таковой ихъ ко мнѣ злой ухищренности, не виходя з монастира, что надлежало, писменно на писма отвѣтствовалъ, и тѣмъ тогда отъ рукъ ихъ спаслся.

26-е.

Прошедшого жъ июля 10 дня сего жъ 766 года, в силѣ присланного ко мнѣ з оной духовной переяславской консисторіи, написанного на височайшее вашего императорскаго величества имя указа, коимъ мнѣ веленно о находящихся тамо въ коронѣ полской благочестивихъ, къ епархіи переяславской принадлежащихъ, мужеских и дѣвичихъ монастирахъ вѣдомости представить, сочинивъ оніе, поехалъ для подачи въ духовную консисторію, и толко что пріехалъ къ рѣкѣ Днѣпру в село Секирну, гдѣ перевозь учрежденъ, то нарочно поставленніе тогда в томъ селѣ Секирной поляки, чтобъ возможнимъ образомъ попасть мене в свои руки, старались, но Божіимъ содѣйствіемъ мене не усмотрѣли, да позаду едучого священника тамошнего жъ села Журавки арештовали были, а разсмотрѣвшись, что я уже на пороме, то хотя было и прибежали къ порому, однакъ, опасуясь множества тогда на поромѣ бывшихъ людей, не начинали болѣе ничего, да толко симъ свое злоухищренное намѣреніе загладили, что яко бы де толко для свиданія со мною прибѣгали, а потомъ и оного священника отпустили.

27-е.

Послѣ того въ недолгомъ времени, того жъ июля, поворотясь з Переясвавля в монастиръ, и опять за приездомъ къ Днепру къ тому жъ перевозу, за неспокойною на Днѣпрѣ погодою, довелось мнѣ нижайше-

му нѣсколко времени простоять, и между тѣмъ нѣякойсь служивой драгунъ, посланній отъ госпожи латинскія ереси, которая, какъ по роспису является, живетъ в Малой Россіи, гдѣ бывали карасѣрскіе заводи, скорѣе мене переехалъ на тую сторону Дѣпра, в мѣстечко Мошни. къ тамошнему губернатору Подгородецкому, и какъ я уже нижайшій опосля сторонно совершенно увѣдомился, оной нарочно отъ той госпожи былъ посланъ до губернатора с обявленіемъ, что я обратно в монастиръ еду.

28-е.

А потому тотъ мошенскій губернаторъ Подгородецкій тоеи же ночи самоскорѣйшимъ нарочно посланнимъ до инстиgатора деканату каневского, попа унѣята Ѳеодора Пѣйского далъ знать, и когда оной инстиgаторъ пріехалъ, то тотъ же губернаторъ нѣсколько человѣкъ казаковъ еще вооруженнихъ поручилъ ему для лучшей помочи ко взятію мене.

26-е.

А какъ толко, того жъ июля 23 дня, я нижайшій переехалъ Днепръ, то тотъ же вишереченній драгунъ, поворотясь отъ оного губернатора къ своей госпожи, встрѣтился со мною въ вишеупомянутомъ же селѣ Секирной и якобы сожалѣя обо мнѣ говорилъ: вотъ де васъ хотятъ попи унѣяти подхватить, и такъ почти не толко при томъ драгунѣ, но при самихъ тѣхъ его рѣчахъ; полякъ нѣякойсь, прозваніемъ Змѣевскій прибѣжалъ и не столко звалъ, какъ насиліемъ попровадилъ мене нижайшого къ находящемусь при томъ же секиранскомъ фарпостѣ ревизору Людовѣку Бардацкому в домъ.

30-е.

За приходомъ моимъ въ домъ одного Бардацкого, самъ тотъ Бардацкій, не ведаю почему, много отъмѣнній лицемъ предо мною показался, и какъ бы оплѣснѣвъ лицемъ, а рѣчь со всѣмъ тѣломъ начала дрожать, и не начиная со мною далшихъ какихъ рѣчей или справокъ только приказалъ ехать оттудова въ Корсунъ до официала Григорія Мокрицкого.

31-е.

Не поспѣшился жъ я нижайшій з изби отъ оного ревѣзора війти, тутъ съ необичнымъ азартомъ и яростію вскочилъ в тую жъ избу унѣятъ попъ Ѳеодоръ, какъ више значитъ, приходу пѣйского, инстигаторъ кановскій, а с нимъ еще нѣсколько человѣкъ поповъ унѣятовъ же, какъ бы разбойники, съ большими кіями, и такъ же не малою одержими яростію, а кромѣ ихъ еще и на дворѣ предъ дверми тоей же изби ординованній жолнѣръ, какъ я уже опосля увѣдомился, отъ пана рейментара Воронѣча партіи украинской, имѣя при себѣ нѣсколько козаковъ, вооруженнихъ списами и оружьемъ, былъ постановленній.

32-е.

И такъ в той ревѣзорской избѣ взявъ мене нижайшого подъ крѣпкій караулъ, вивели на дворъ, а на дворѣ такъ же и весь поездъ мой с имуществомъ и служителями заарештовавъ, прямо оттудова повезли в мѣстечко Мошна, а оттудова в Корсунъ къ вишеупомяненному официалу Григорію Мокрицкому, куда пріехалъ того жъ июля 24 дня.

33-е.

За приездомъ в Корсунъ, оного официала не застали

в домѣ, и такъ де дожидаясь оного чрезъ три дня проживали, содержуя мене нижайшого денно и ночно подъ крѣпкимъ карауломъ.

34-е.

А 26 числа, только что пріехалъ тотъ офиціалъ, заразъ и мене къ нему представили, которой де, увидѣвши мене, безчеловѣчной ярости наполнился и распрашивая о нѣкоторыхъ обстоятелствахъ многими при томъ скверними словами бранилъ и до удоволствія своей злоби ругался з мене.

35-е.

Послѣ того на другой день, то есть 27 июля, той офиціалъ Мокрицкій, коляску мою съ лошадми, и сколко в ней ни было имущества, и скринку съ бумагами, гдѣ между прочтимъ сохраненъ былъ и пашепортъ, выданній мнѣ на проездъ з Санкпетирбурга в Варшаву, за печатю вашего императорскаго величества, забралъ себѣ, менежъ уже своимъ поездомъ подъ крѣпкимъ карауломъ с прокураторомъ отослалъ оттудова въ Радомишль.

36-е.

По отправкѣ отъ оного офиціала, виехавъ отъ Корсуна какъ бы въ милю, тотъ прокураторъ приостановясь в болшое мнѣ нижайшему поруганіе, всю монашевскую мою одежу насилно з мене снявъ и приказалъ надѣть нѣякуюсь негодную старую ксіонзевскую, а при томъ и галстукъ чорній на шію, и убравши мене в оную одежду бывшій тогда инстиgаторъ с другими унѣятами много ругались и насмѣвались, сказуя формалніи сіи слова: нинѣ радуйся царю сизматицкій! а потомъ поехали и пріехали в Радомишль.

37-е.

Тамо въ Радомишлѣ представили мене къ комисару митрополитанскому, прозиваемому Камѣнскій, которой при разнихъ наругателствахъ разъярясь хотѣлъ бить розгами, и уже былъ и заготовилъ, однакъ же не билъ, да ожидалъ пріезду вишеупоминаемого официіала Мокрицкого; за пріездомъ же оного опять былъ вознамѣрилъ оной немилосердной комисаръ бить, толкожъ официіалъ отмѣнилъ его злобу и удержалъ отъ бою, да уже оба вмѣстѣ многими ласкателними словами клонили пристать на унѣю, но когда де я всѣ тѣ злоключенія терпеливно зносилъ, ихъ же желанію не склонился, то подъ видомъ яко бы пріятелства и сожалѣнія обо мнѣ, почтивая медомъ, опоили были такъ, что и болѣзнь з оного почувствовалъ, а потомъ сияли писменной з мене допросъ, в такой силѣ, по чиему ли веленію или самъ отъ себе ездилъ в Пѣтербургъ и в Варшаву.

38-е.

Потомъ тамъ же въ Радомишлѣ еще нѣякойсь шлихтичъ, прозиваемой Сіендзѣцъ, племянникъ унѣятскаго митрополити Володкевича, напалъ былъ ночю на избу, в которой содерживался я подъ карауломъ, и притворився в пянство, часто с ружя стрѣляя, ломался въ избу точно съ таковимъ намѣреніемъ, чтобъ мене застрелить, да и конечне бъ былъ застрѣлилъ, но уже Василій суррогатъ и другій прокураторъ Скулскій, попи унѣяти, прибѣжавъ, не допустили его, и стражникамъ приказали не допускать болѣе до изби.

39-е.

Послѣ того, третого дни прожитія в Радомишлѣ, то есть августа 2-го дня, оной часто упоминаемой официіалъ

Мокрицкій обявилъ мнѣ, что яко бы естъ ему отъ радомишлского унѣятского митрополити повелѣніе, чтобъ мене къ нему прислать в замокъ его, називаемой Ѳрудокъ, и заразъ заготовивъ простій драбинчастій возокъ и приставивъ ко мнѣ двоихъ шляхтичевъ, писара митрополитанского двора, прозиваемого Дубровского, да нѣякогось Мощицкого, и четири человѣка козаковъ, вооруженнихъ списами и оружьемъ, отправилъ в тотъ Ѳрудокъ.

40-е.

По отездѣ з Радомишля какъ бы в милю, оной Дубровскій приостановясь, в конечную мнѣ нижайшему обиду снимая з мене всю одежду и послѣдную вещъ башмаки, трусилъ, и что еще нѣ сискалось, все себѣ забралъ (чего всего, сколко в разнихъ мѣстахъ забрано, реестръ при семъ нижайше сообщаю), а потомъ и в кандали приказалъ заковать, самъ же оной Дубровскій поворотился въ Радомышль, а мене тотъ Мошицкій с казаками попровадилъ в самой Ѳрудокъ, куда настигли августа 6-го дни позно уже ночю.

41-е.

В тотъ Ѳрудокъ толко что приехали, заразъ представили мене къ тамошнему губернатору, прозваніемъ Лашкевичу, которой между протчимъ мене нижайшого приказалъ в каменную избу заперти и содерживать подъ крѣпчайшимъ карауломъ, а потомъ тоей же ночи заразъ послалъ нарочно къ митрополитѣ вишеупомянутому Володкевичу, будучему тогда в своей вотчинѣ, називаемой Купичева, с тѣмъ обявленіемъ, что мене привезено, и что отъ оного митрополити повелѣнно будетъ со мною дѣлать.

42-е.

Потомъ дней в три тотъ нарочно посланній, поворотясь отъ оного митрополити, привезлъ повелѣніе мене замуровать, почему оной губернаторъ и приказалъ былъ уже в той каменной избѣ мене замуровать, да и начали были уже, но понеже я нижайшій, будучи болѣзнію зараженъ еще отъ опою, учиненного мнѣ въ Радомишлѣ, какъ више значитъ, тамошнимъ губернаторомъ да официаломъ, впалъ в такую жестокую болѣзнь, что какъ оной губернаторъ Лашкевичъ и всѣ бывшіи тамо унѣяти и стражники не надѣялись быть мнѣ живу, такъ притомъ и лѣкарь за призивомъ обявилъ, что нетъ уже и малѣйшей надежди къ освобожденію мнѣ отъ оной болѣзни, для того оной губернаторъ, не замуровивая, в другой разъ послалъ къ митрополитѣ, съ тѣмъ уже увѣдомленіемъ, что близъ смерти нахожусь.

43-е.

А потому оной митрополитъ, якобы милосердствуя о таковой моей болѣзни, на мѣсто того, что прежде повелѣлъ былъ замуровать, приказалъ толко подъ крѣпчайшимъ карауломъ содержать, и тогда тотъ губернаторъ приказалъ къ оной каменной избѣ, в которой содерживался я, придѣлать двое дверей и до тѣхъ дверей пять замковъ, и тамо уже подъ присмотромъ десяти человѣкъ содерживался.

44-е.

В томъ заключеніи, отъ 6-го августа до 20-го сентября, я нижайшій, страдая невинно, разніи неудобо терпиміи бѣды и мучителства претерпѣвалъ, гладомъ, хладомъ и другими прекращающими животъ посредствами былъ угнѣтаемъ, которіи однимъ толко Божіимъ о мнѣ

благоволенiемъ безъ смертного заключенiя пройшли; при всѣхъ же тѣхъ удрученiяхъ многiи отъ оного митрополити Володкевича и изъ сторонъ прiездили унѣяти, и многими неправими доводами и вимислами своими лстили пристать на унѣю, обнадежуя притомъ отъ всѣхъ злоключенiй свободою.

45-е.

Наконецъ же всего того, того жъ сентября 17 числа, съехались были, з повелѣнiя прописанного митрополити Володкевича, его жъ митрополити секретарь Михалъ Стопчанскiй, опатъ кляштору дерманского Александръ Iодко, съ другими унѣятоми, для учиненiя по своему злому намѣренiю конечной обо мнѣ невинномъ децизiи; но какъ при самомъ томъ ихъ сездѣ вишеупомянутого радомишлского гутернатора Лашкевича жена, которая зъ жидовъ викрещенна и онимъ митрополитомъ Володкевичемъ зъ малихъ лѣтъ викормленна, однимъ съ онимъ своимъ мужемъ будучи одержима безчеловѣчiемъ, подъ видомъ милосердiя своего и сожалѣнiя обо мнѣ, поднесла была мнѣ в нестерпимой болѣзни страждущему неболшую чарку нѣякогось питя, которое я болше съ принужденiя випивши, вдругъ в такую жестокую болѣзнь впалъ былъ, что послѣднимъ издиханiемъ началъ жизнь свою кончать и вовся нечувствителного стражники витягли з той каменной тюрми на дворъ, то при ономъ моемъ страданiи множество тогда собравшогось народа будучи ужасались, да и тѣ сами сехавшiись, тожъ ужаснувшись, безъ далшого какого произвожденiя, оставивъ по прежнему мене, разехались.

46-е.

Потомъ какъ я нижайшiй от того опою маленко, Божiимъ пособiемъ, в чувство и облегченiе пришолъ, то

третого дни, то есть сентября 20-го дни, оной же митрополитанскій секретарь оттудова з Grудка отпровадилъ мене ночю подъ крѣпчайшимъ карауломъ въ село состоящее верстъ « » називаемое Дермань, и тамъ въ кляшторѣ такъ же в каменной избѣ подъ карауломъ оставилъ, а самъ обратно отехалъ.

47-е.

В томъ дерманскомъ кляшторѣ страдалъ я нижавшій денно и ночно подъ крѣпчайшимъ же карауломъ чрезъ двѣ недѣли, а между тѣмъ оніе безправніе унѣяти, понеже всѣми оними причиненими мнѣ, жесточайшими мучителствами, а при томъ и ласкателными посредствами не возмогли склонить къ своей унѣи, то тутъ еще стараясь змислили в отчаяніе мене привести, и вездѣ пронесли эхо, что якобы ваше императорское величество отъ временнія сея жизни свято почили, н чемъ я нижайшій отъ тамошнего опата дерманского Іодки и отъ другихъ послихавши, вѣдая ихъ многообразніе ко мнѣ зліе и хитріе посредства, не увѣрился, да отдавалъ себе Божіему о мнѣ промислу.

48-е.

Между тѣмъ, не вѣдомо откудова и какимъ случаемъ, прійшолъ ко мнѣ в избу, гдѣ я подъ карауломъ содерживался, нѣякойсь жидъ и обявилъ, что онъ прійшолъ с тѣмъ, дабы мене оутудова возможнимъ образомъ увезти в Россію, а при самихъ тѣхъ моихъ с жидомъ рѣчахъ и купци нѣякіесь россійскіе прислали писмо с тѣмъ же, что и они де жалуютъ отъ тѣхъ мучителныхъ унѣятскихъ рукъ мене нижайшого свободить, и я з онихъ случаевъ безъопаснѣе увѣрившись на писмо купцовъ, жида отправилъ съ тѣмъ, что якобы не не намѣреваю та-

ловымъ посредствомъ отъ оныхъ унѣятовъ свобождается а съ оними купцами согласясь, тайнимъ образомъ ночю вибравсь зъ оного кляштору дерманского, поехалъ, и переездя чрезъ всѣ тамошніи полскіи мѣста оніе христолюбивіи купци содерживали мене между собою подъ видомъ купеческимъ, нарадивши въ купеческое платье, и такимъ посредствомъ провезли ажъ до россійской граници, а отъ оной граници уже въ монашескомъ платѣ привезли въ Кіевъ, а оттудова и въ Переяславль въ катедральній свято вознесенскій монастиръ прибылъ сегожъ 1766 года октябра 31 дня.

49-е.

Кромѣ жъ всего того, в вишеписанныхъ пунктахъ мною нижайшимъ виражениого, какъ попался я въ мучителніе оныхъ самоправнихъ унѣятовъ руки, то тутъ присланній отъ вишеписанного митрополити Володкевича на Украину официалъ Григорій Мокрицкій, с другими своими согласниками, многіе обиди грабителства моему мотренинскому монастиру и братіи, в немъ живущей, причинилъ да и по нинѣ причиняетъ.

50-е.

И такъ я нижайшій отъ оныхъ многоразличныхъ, безвинно мнѣ отъ унѣятовъ послѣдовавшихъ, притѣсненій, а паче отъ трижы даваемой трутизни (яда) со всѣмъ лишился первого своего здоровя, зуби мнѣ повипадали, очима свѣтло не могу видѣть, да и ноги отъ желѣзъ совсѣмъ посинѣли, и въ такой слабости нахожусь, что едва могу ходить, а наконецъ и въ монастиръ мой мотренинскій, в коемъ я чрезъ двадцать два года труждался, и надѣялся въ немъ со временемъ опочить, опасно уже явиться, дабы отъ оныхъ же унѣятовъ и впрямъ не послѣдовала смерть.

И дабы височайшимъ вашего императорскаго величества указомъ, кому надлежитъ, повелѣнно было двору полскому и минѣстерству учинить пристойное домагателство в томъ, дабы забраніе со мною люде именно два служители мои Иоанъ и Ияковъ, которіи и по нинѣ в Радомишлѣ находятся, родимци малороссійскіе, забраніе бумаги и имущество мое возвращенни были, а за гвалтъ и увѣча в силу правъ сатисвакція (удовлетвореніе) учиненна была, да и напредки отъ того своеволства унѣятскіе и римскіе власти вздержанни бъ были, и какъ монахомъ и послушникомъ мотренинского монастира, такъ и мнѣ самому безъправочно не причиняли каковихъ либо еще нападеній и грабителствъ.

Всемилостивѣйшая государыня! прошу вашего императорскаго величества о семъ моемъ челобыттѣ рѣшеніе учинить. 1766 года декабря 1 дня.

Къ поданю надлѣжитъ малороссійской епархіи его преосвященству, господину Гервасію, епископу переяславскому и борисполскому.

Писалъ сію челобитну духовной переяславской консистаріи подканцеляристъ Степанъ Симоновичъ.

Къ сей челобытной благочестивого троецкого мотренинского, къ епархіи переяславской принадлежащого, в коронѣ полской состоящого монастира игуменъ іеромонахъ Мелхиседекъ подписался.

РЕЕСТРЪ.

Какіе именно вещи и сколько чего енеральнымъ официаломъ Григоріемъ Мокрицкимъ и другими унѣятами заграблено:

Коляску.

Въ той колягкѣ бывшихъ лошадей пару со всѣмъ уборомъ.

Сундукъ черною кожею покритой.

Въ ономъ сундукѣ бумаги вси были дѣлніе, какъ то: Грамната выданная отъ преосвященного покойного Іоанна на игуменство, другая грамната ставленная во священство.

Указъ выданній на содержаніе духовного правленія.

Грамната виданная священнику Василію в село Журавку отъ преосвященного Гервасія, епископа переяславского.

Пашепортъ виданній з государственной иностранныхъ делъ колегіи, за собственною ея императорскаго величества печатю, для свободного проезду в Полщи.

Другій пашепортъ виданній зъ консисторіи переяславской.

Облѣкъ виданній на денги, занятіе священникомъ Боровицкимъ.

А прочіихъ бумагъ, за множествомъ, и упомнить не можно.

	руб.	коп.
Ряса черная шолковая новая — — —	40	—
Ряса шолковая черная — — — — —	15	—
Ряса черная новая волняная — — —	12	—
Ряса мухоярная — — — — — — —	2	—
Рубашекъ шесть — — — — — — —	3	60
Ручниковъ шесть — — — — —	3	—
Каѳанъ китаевій новій — — — — —	8	—
Серветъ четири — — — — — — —	—	40
Подушокъ кожею жолтою покритихъ —	4	—
Матерацъ — — — — — — — —	—	—
Простирадло постелное — — — — —	—	70
Трость новая — — — — — — —	—	3
Книгъ три:		
Евангеліе — — — — — — — —	1	—
Апостолъ — — — — — — — —	1	—
Полуставъ — — — — — — — —	1	50
Ножовъ пара и ложка серебренніе в сундукѣ красненкомъ — — — — — — —	4	—
Клубуковъ два:		
Одинъ простой крепи — — — — — —	1	50
Другій Клубукъ шолковій хинской крепи —	4	—
Подкапковъ два:		
Единъ бархату ритого блакитного — —	5	—

	руб.	коп.
А другой бархату черного — — —	3	—
Часи карманніе — — — — — —	30	—
Платокъ бумажній болшій — — — —	2	—
Перчатки лосиніе — — — — —	—	60
Ножъ карманній — — — — — —	15	15
Денегъ — — — — — — — —	40	—
Сапоги добріе — — — — — —	2	—
В. Служителя моего.		
Шуба черныхъ овчинъ — — — —	2	—
Поясъ каламайкы венецкой — — —	1	50
Платокъ полуиталѣянскій — — — —	1	50
Платокъ шолковій красній — — —	—	50
Шапка новая — — — — — —	—	60
Сапоги нѣмецкіе — — — — — —	—	50
Зъ монастира троецкаго мотренин-ского.		
Скота рогатого сто пятъдесятъ штукъ —	900	—
Овецъ шестъ сотъ пятъдесятъ — — —	650	—

Къ сему реестру троецкого мотренинского монастира игуменъ Мелхиседекъ руку приложилъ.

Копія на восьми листахъ. Арх. к. д. к. Дѣло объ исходатайствованіи... привиллегій и проч. N. 147.

— *Въ концѣ слѣд. резолюція Гервасія:*

Сію копію челобитной въ консисторіи нашей пры дѣлѣ оставити: а подлинную при доношеніи отъ насъ въ святѣйшій синодъ представити, съ прошеніемъ о всемъ въ оной показанномъ милостивого и скораго благоразсмотрѣнія и многомощного отъ таковыхъ напраснихъ и невинних отъ унѣятовъ приключающыхся страданій защищенія, не допуская в крайное наругателство и посмѣяніе противникомъ нашимъ.

Гервасій епископъ.

2.

Донесеніе Гервасію, епископу переяславскому и бориспольскому, отъ всѣхъ громадъ губерніи смѣлянской о причиняемыхъ имъ отъ поляковъ и уніатовъ обидахъ и притѣсненіяхъ за исповѣданіе православной вѣры, съ прошеніемъ защиты и объявленіемъ что въ случаѣ окончательнаго подавленія въ Украйнѣ православія они всѣ выселятся за границу. 1767 г. генваря 6.

Ясне въ Бозѣ високопреосвященнѣйшему господину, господину Гервасію, епископу переясловскому и бориспольскому,

высокомилостивому архипастирови нижайшее доношеніе.

Мы нижайшіе епархіи вашего високопреосвященства переяславской, области полской, владѣнія ЮМСІ сіятелнѣйшаго князя, господина Станѣслава Любомирского губерніи смѣлянской всѣ громади, издревле благочестивихъ церквей прихожане, мимошедшого 1766 года, обновившися благочестивою вѣрою, и обовязались присягою быть всенепремѣнно подъ восточною православною церквою в епархіи вашего високопреосвященства переяславской. Но какъ началось, того же года мѣсяца июня отъ первихъ числъ, на насъ за благочестіе отъ ляховъ и унѣятовъ гоненіе:

1. Священниковъ нашихъ за границю позагонили, и имущество ихъ побрали за благочестіе.

2. Съ насъ безмѣрни провенти, которихъ отъ вѣку провентовъ не давали и не слихали, а все чрезъ благочестіе сердячись ляхи великѣ провенти дерли.

3. Подманювали такъ унѣяти, что которая громада присягнетъ на унѣю и подпишется, то з оной нѣ малого провенту не возмутъ ляхи, такъ ми не подписовались, та провентъ великій давали.

4. Въ иних селахъ силою принуждали людей, чтобы подписувались на унѣю, где человѣка едного нападутъ, то за всю громаду принужденъ кресты класти.

5. Инихъ мучили, тиранско били и смертію за благочестіе карали.

6. Поповъ унѣятскихъ до церковъ нашихъ поприставляли, и до церковъ силуютъ насъ ходити и унѣи слушати.

7. Какъ случатся в которомъ приходѣ вѣнчаня, то камись молодикъ и дѣвка и ихъ родители на унѣю не присягнутъ, то поти унѣятъ не будетъ вѣнчати, и чрезъ тую унѣятску присягу не спускаетъ дѣтей до вѣнчаня.

8. Постъ святій настигаетъ, треба говѣти, до церкви ходити, а намъ нельзя йти, за тѣмъ, что присягли вѣчно обрядовъ унѣятскихъ не пріймать и унѣи не слушать, то не едного насъ еще будутъ бити и мучити, а найпаче въ Олшаной Михаилъ Гродецкій, рохмистръ козацкій, такой за благочестіе на громаду гонитель, что не въ едного человѣка убухами здоровя отнялъ.

9. Крайне не можемъ чрезъ уніятовъ тамо жить и всѣ разойдемось за границю, ежели не будетъ въ насъ благочестія.

Того ради съ симъ нижайшимъ доношеніемъ трехъ человѣка насилаемъ з громадъ къ вашему высокопреосвященству, и плачевне просимъ вашего високопреосвященства сотворити намъ милость и представити о нуждахъ нашихъ, где надлежитъ.

О семъ доношеніи нижайше просятъ всѣ громади волости смелянской.

Сіе доношеніе писалъ *Петръ Симеоновъ Ради•илскій.*

1767 года
мѣсяца генваря 6 дня.

Подлинное на листу. Арх. к. д. к. Связка дѣлъ за 1767 годъ № 16. Дѣло о причиняемыхъ губерніи смѣлянской всѣмъ громадамъ грекороссійскаго исповѣданія поляками и уніатами обидахъ л. 1 и 2.

— *Тутъ же слѣдующая резолюція Гервасія:*

Мы всѣми образи и всѣмы силами имѣемо попеченіе сохранити всѣхъ оних благочестивихъ церквей непоколебимо и ненарушимо отъ унѣятовъ благочестіе и вѣру православную цѣлую: и того ради всѣ представленія куда належить, взносятся, и тамо не бываютъ оставленны и не дѣйственны.

И васъ благочестивыхъ церквы православнія и благочестивія синовъ молимъ и увѣщаемъ на Господа и милосердіе его уповати безъ смущенія и униванія, пока Онъ тамъ во дверѣ благости его толкающимъ не отворитъ защищенія и умиренія. Показаннія же ваша по Бозѣ и вѣрѣ святѣй терпѣнія содѣловаютъ вамъ извѣстное на небеси возмездіе и спасеніе.

Гервасій епископъ.

О показанныхъ разореніяхъ и обидахъ просителей отъ насъ святѣйшему сvноду представити.

Гервасій епископъ.

00.

ПОЛЬСКАЯ ЭМИГРАЦІЯ

до и во время послѣдняго польскаго мятежа

1831-1863 г.

(Продолженіе) (1)

ГЛАВА 5-я.

(Окончаніе).

Приближалось роковое 20-е февраля, день въ который *Мѣрославскій* собирался стать въ главѣ возставшей Польши, и званіемъ диктатора, готовилъ сюрпризъ своимъ соумышленникамъ и всей польской эмиграціи. Планы и проэкты, основанные на игривой фантазіи могли только встрѣтить неудачи и привести только къ печальнымъ послѣдствіямъ.

За четыре дня до назначеннаго возстанія, тысячи около полторы помѣщиковъ съѣхалось на ярмарку въ Познань; нѣсколько неосторожныхъ, кичливыхъ фразъ нетерпѣливыхъ соучастниковъ и нѣсколько угрозъ, сорвавшихся у подгулявшихъ пановъ, мечтавшихъ быть на канунѣ власти и самоуправства, возбудили паническій страхъ въ городѣ. Съ быстротою молніи разнеслась молва: „поляки хотятъ рѣзать населеніе; внимательная полиція не зѣвала, принялась за аресты

---

(1) Смотри 9, 10, 11, 12 книжку Вѣстника Зап. Р. за 18$_{64}$/$_{65}$ годъ и 1-ю за настоящій.

и многіе изъ главнѣйшихъ зачинщиковъ были схвачены, въ томъ числѣ литераторъ *Либельтъ*, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ мѣстныхъ коноводовъ возстанія, назначенный членомъ въ новое революціонное правительство въ Краковъ; за нимъ былъ арестованъ и глава-*Мѣрославскій; Курнатовскій*, испуганный карою закона, лишилъ себя жизни.

Начались допросы и слѣдствія; виновныхъ посадили въ крѣпость; слѣдственнымъ и суднымъ коммисіямъ осталось только развязывать узлы заговора и разъяснять похожденія заговорщиковъ.

Въ Царствѣ Польскомъ вся грозная собиравшаяся туча разразилась только тѣмъ, что мелкопомѣстные помѣщики *Потоцкій, Жарскій* и *Косчишевскій*, собравъ человѣкъ 20 заговорщиковъ, напоивъ толпу крестьянъ, привели ихъ въ сосѣдній г. Сѣдлецъ и начали безчинствовать: одна партія кинуласъ къ гаубтвахтѣ, гдѣ убила часоваго; инвалиды стали отстрѣливаться; другая направилась къ созданію клуба гдѣ въ этотъ день былъ балъ; но къ началу суматохи крестьяне имѣли время протрезвиться, а начала буйства ихъ окончательно отрезвили. Разобравъ въ чемъ дѣло, они разбѣжались, коноводамъ оставалось только слѣдовать ихъ примѣру. Полиція успѣла тотчасъ же многихъ догнать и перевязать; ихъ отправили судить въ Варшаву. Главные три дѣйствующія лица были судомъ приговорены къ казни и повѣшены; прочіе сосланы въ Сибирь. Назначенный губернаторъ *Домбровскій* бѣжалъ.

Въ западномъ краѣ Россіи заговоръ не успѣлъ созрѣть до мятежа. *Реръ*, молодой инженеръ, познанскій уроженецъ, прежній эмиссаръ, привезшій *Мѣрославскому* 28-го января столь утѣшительныя вѣсти, былъ имъ назначенъ губернаторомъ Литвы и на другой день былъ посланъ въ свое губернаторство обратно, приготовить его окончательно къ дѣйствію и поднять знамя мятежа, какъ только онъ загорится въ Польшѣ. Наша система, сказалъ ему на прощаньи *Мѣрославскій*,— система семилѣтней войны; какъ можно скорѣе надо составить массу; начинай сей-часъ *партизанку;* лишь только *станешь собирать массы, высылай ихъ къ ближайшей колоннѣ.*"

Когда *Реръ* прибылъ вторично въ Литву и отъ словъ нужно было перейти къ дѣйствіямъ, жаръ въ ревнителяхъ простывалъ и пылкая готовность оставила многихъ. „*У насъ недостаточно припасено оружія, нѣтъ пуль и пороха*,“ го-

ворили литвины. „*При отважности и самоотвержені*, получили они въ отвѣтъ, *косъ и сѣкиръ довольно, чтобъ уничтожить москалей и отстоять отчизну.*“

Если дошло до того что *Реръ* сказалъ своимъ горячимъ поклонникамъ: „*какая глупая ваша Литва и какая здѣсь глупая молодежь*,“ то вѣроятно лекарь *Реніеръ*, ксендзъ *Серавскій* и *Скаржинскіе* писали свои рапорты эмиграціи, смотря въ увеличительныя стекла. *Реръ* надѣялся также на работниковъ фабрикъ Бѣлостока; управляющіе близь лежащихъ имѣній отсутствующаго *графа Красинскаго* и помѣщиковъ *Оссолинскаго* и *Старжинскаго* стали пріятелями *Реру*, онъ и былъ арестованъ по сосѣдству.

Слухъ носился о шныряющемъ эмиссарѣ; мѣстная полиція удвоила вниманіе и *Ольшанскій*, письмоводитель становаго пристава, схватилъ его 27-го февраля въ Кнышинѣ. Пути разъѣздовъ *Рера* нѣсколько указывали на нѣкоторыхъ сообщниковъ; слѣдствія раскрыли гораздо болѣе; виновные преимущественно были изъ гродненской губерніи; ближайшіе мѣстные сотрудники *Рера* были молодой помѣщикъ брестскаго уѣзда, отставной офицеръ Аппол онъ *Гофмейстеръ*, знакомый *Реру* по Берлину, и шляхтичь Іосивъ *Богуславскій*, бывшій студентъ. По произведенному суду, *Реръ* былъ прогнанъ сквозь строй и сосланъ на 12 лѣтъ въ каторжную работу; на 15 лѣтъ въ каторгу былъ осужденъ лекарь *Реніеръ*, отставной подпоручикъ Апполонъ *Гофмейстеръ* на *Богуславскій* на 10. Прочіе виновные были также посланы въ каторгу, а менѣе соприкосновенные къ бунту, отданы въ солдаты.

Въ Галиціи событія разыгрались гораздо плачевнѣе. Согласно розданныхъ инструкцій, заговорщики западной Галиціи 18-го февраля должны были собираться въ назначенныхъ мѣстахъ, созвать населеніе, которое ксендзами было приглашено прибыть съ косами, вилами и цѣпами, объявить имъ о возстановленіи Польши, о льготахъ имъ даруемыхъ революціоннымъ правительствомъ и о демагогическихъ началахъ, на которыхъ оно устанавливается, о дарѣ имъ поземельной ихъ собственности и о вольной продажѣ табаку и соли. Ораторы свѣтскіе должны были дѣйствовать на грубыя страсти простолюдина, а ксендзы были обязаны духовными увѣщаніями поколебать совѣсть своихъ прихожанъ и дѣйствовать на ихъ воображеніе и религіозную ихъ сторону. Увлеченныя толпы, подзадоренныя обильнымъ угощеніемъ виномъ, роспитымъ съ

новыми ихъ гражданскими братьями — панами, должны были немедленно кинуться на города. Съ своей стороны дворянство почти повсемѣстно по городамъ назначило въ этотъ день балы, на которые были приглашены всѣ мѣстныя власти. Внѣшніе союзники должны были находиться на своихъ мѣстахъ къ полуночи, ихъ прибытіе было сигналомъ для начала дѣйствій. Музыка должна была заиграть мазурку. Дамы обязались заставить танцовать даже и не танцующихъ австрійцевъ, дабы поставить ихъ въ необходимость снять оружіе, и въ это время, по данному сигналу, должна была начаться *общая единовременная бойня* австрійцевъ во всѣхъ мѣстностяхъ западной Галиціи. Но настойчивыя приглашенія на балъ возбудили подозрѣнія, а мѣстная полиція, во многихъ городахъ, встревоженная тогдашнимъ настроеніемъ умовъ, запретила публичные балы.

Паны съѣхались на сборныя мѣста, сдѣлали воззваніе къ населенію, населеніе дѣйствительно, собралось, по повелительному приглашенію съ косами и цѣпами; но недовѣрчиво оно повсемѣстно собралось уже съ заднею мыслью „что отъ поляковъ крестьянамъ нечего ждать а милости исходятъ только отъ одного императора.“ На ярыя рѣчи и призывы къ возстанію былъ, только одинъ отвѣтъ—молчаніе. Тогда паны перешли къ угрозамъ, на нихъ возникли возраженія; по указаніямъ ли эмиграціи или по собственнымъ соображеніямъ, паны, на свою гибель, предварительно рѣшили, въ случаѣ отказа, угрозы поддержать дѣйствіями; но это были роковыя для нихъ мѣры: вслѣдствіе панскихъ выстрѣловъ, крестьяне принялись за косы, вилы и цѣпы; началась страшная бойня. Заговорщики искали спасенія въ бѣгствѣ, но расвирѣпѣвшіе крестьяне, распаленные панскими угощеніями, кинулись въ погоню, отыскивали ихъ по усадьбамъ, начались убійства и грабежъ. Съ быстротою молніи отъ села до села разнеслась молва, что паны стрѣляютъ въ мужиковъ, все народонаселеніе поднялось на ноги и толпы неистовствовали три дня, въ теченіи которыхъ пало болѣе 10,000 шляхетныхъ жертвъ. Съ величайшимъ трудомъ мѣстныя власти могли успокоить забушевавшія массы народа, погибли самою ужасною смертью цѣлыя семейства, изрѣзанныя косами, исколотыя вилами, съ головами разможенными ударами цѣповъ. Семейство *Богушъ*, къ которому принадлежали самые ярые революціонеры, считало шесть жертвъ, начиная отъ 87-ми лѣтняго дѣда до 14-ти лѣтняго внука. Чтобы составить себѣ

общее понятіе о цѣломъ мятежѣ приведемъ подробности одной мѣстности, типирующія общее галиційское возстаніе.

Въ тарновскомъ округѣ жилъ командующій войсками дряхлый старецъ фельдмаршалъ-лейтенантъ баронъ Чолихъ, но исправникомъ округа (Kreishauptmann) былъ Іосифъ *Брейнлъ* фонъ-*Валлерштернъ*, энергическій, дѣятельный, образованный, развитой богемецъ, извѣстный своимъ усердіемъ и служебнымъ тактомъ. По личнымъ своимъ качествамъ *Брейнлъ* пользовался уваженіемъ какъ отъ мѣстнаго дворянства, такъ и отъ населенія. Онъ зорко слѣдилъ за продѣлками революціонеровъ, открылъ уже прежде нѣсколько кружковъ заговорщиковъ и схватилъ нѣкоторыхъ агентовъ. Въ теченіе 1845 года, эпохи самой напряженной дѣятельности подземныхъ козней, *Брейнлъ* не переставалъ предупреждать правительство объ опасности, грозящей общественному порядку, хотя всѣ эти предупрежденія были оставляемы безъ вниманія. Тарновскій округъ былъ именно тотъ, въ которомъ заговоръ насчитывалъ наибольшее число сторонниковъ, потому что въ немъ проживали главные заводчики революціи, у которыхъ эмиссары, высылаемые изъ Франціи находили самый гостепріимный пріютъ. Въ имѣніяхъ графа *Францишка Вѣселовскаго* и его брата *Михаила*, котораго очаровательная жена была одною изъ самыхъ ретивыхъ ревнительницъ польскихъ затѣй, происходили съѣзды мѣстной аристократіи, которую тамъ обработывали для дѣла повстанія, эмиссары демократической партіи *Дембовскій*, *Весніовскій* и *Тысовскій*. Этими съѣздами помѣщиковъ и дѣятельностью эмиссаровъ, тарновскій округъ пріобрѣлъ огромное число распаленныхъ въ пользу возстанія головъ между дворянствомъ, арендаторами, управляющими и мелкими служащими; но съ другой стороны въ той же мѣрѣ росли подозрѣнія и не довѣрчивость крестьянъ. *Брейнлъ* между тѣмъ не зѣвалъ и, не добившись отъ правительства усиленія тарновскаго округа войсками, обратился къ генералу *Чолиху*, убѣждая его принять противъ возстанія всѣ мѣры осторожности. При назначеніи 18-го февраля днемъ возстанія, графъ Францишекъ *Вѣселовскій*, какъ будущій революціонный губернаторъ Галиціи, переѣхалъ въ Тарновъ и, помѣстясь въ гостинницѣ, призывалъ сотрудниковъ для совѣщаній къ предстоящимъ дѣйствіямъ. Прозорливый *Брейнлъ* догадывался, что *Вѣселовскій* стоитъ въ главѣ мѣстнаго заговора и сдѣлалъ распоряженіе о его арестованіи, но по-

лицейскій коммисаръ предувѣдомилъ *Вѣселовскаго* во время, и тотъ успѣлъ скрыться въ Гумнискъ, имѣнье *князя Сангушко*, находящееся въ сосѣдствѣ.

Въ Гумнискѣ *графъ Вѣсоловскій* сдѣлалъ окончательныя распоряженія; тогда было выговорено послѣднее слово: *всѣмъ помѣщикамъ было объявлено что они обязаны 18-го числа собрать у себя свою, подготовленную къ заговору домащнюю челядь: управляющихъ, арендаторовъ, прикащиковъ, служащихъ и прислугу, пригласить мѣстныхъ ксендзовъ уже посвященныхъ въ тайны заговора съ церковными прислужниками, и къ вечеру созвать всѣхъ крестьянъ имѣнія. Съ помощію ксендзовъ, помѣщикъ долженъ уговорить ихъ къ содѣйствію и рѣшительно обѣщать имъ даровой надѣлъ земли, прекращеніе всякихъ поземельныхъ повинностей, свободную продажу соли и табаку, равенство и свободу.* Къ каждому помѣщику кромѣ того заблаговременно были назначены *особые дозорцы, которые строго должны были наблюдать, чтобъ изъ пановъ-землевладѣльцевъ, кто нибудь не запнулся при исполненіи, но чтобы всѣ они на дѣлѣ выказали туже готовность, принести все въ жертву дѣлу ойчизны, которую они на словахъ съ такими увлеченіями, за бокаломъ венгерскаго, обѣщали на шляхетскихъ съѣздахъ.*

Всѣ помѣщики тарновскаго округа должны были тронуться въ саняхъ съ коноводами революціи и новообранцами съ такимъ расчетомъ времени, чтобы къ 11 часамъ вечера, быть на сборныхъ мѣстахъ, назначенныхъ въ Кликовѣ, Тарновицѣ и Гумнискѣ. Зажженіе деревни *Лысая гора* лежащей на возвышенной мѣстности, должно быть сигналомъ общаго движенія всѣхъ мѣстныхъ шаекъ къ городу Тарнову. Въ Кликовѣ собрались главные коноводы — два брата графы Францишекъ и Михаилъ *Вѣселовскіе*, два брата графы *Ромеры* и Станиславъ *Стоіовскій*. Отставной маіоръ *Чеховскій* долженъ былъ, какъ главный военачальникъ, сдѣлать распоряженіе къ нападенію послѣ полуночи на пѣхотную казарму, со стороны холернаго кладбища, а отставной капитанъ *Эйзенбахъ*, съ другой шайкой, долженъ былъ единовременно ворваться въ казарму кавалеріи, въ которой, для увеличенія испуга и безпорядка, предполагалось изъ имѣющагося запаса, бросить въ конюшню нѣсколько зажженныхъ ручныхъ гранатъ. Для прекращенія свободнаго движенія въ ночной темнотѣ по улицамъ, предписано было взять съ собою запасъ боронъ,

которые разложить зубьями къ верху. Союзникамъ изъ тарновскихъ жителей было поручено, подъ начальствомъ арендатора Изидора *Возинскаго,* съ началомъ нападенія на городъ, устремиться на городскую гаубтвахту, истребить караульныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, особыми на этотъ предметъ партіями, убить опаснѣйшихъ мѣстныхъ чиновниковъ, въ томъ числѣ окружнаго начальника *Брейнла.* Съ нарочными довѣренными лицами *Вѣселовскій* разослалъ эти приказанія по округу; у него было въ распоряженіи болѣе 2,000 заговорщиковъ, и онъ расчитывалъ, что, по меньшей мѣрѣ, это число будетъ усилено 10,000 крестьянъ; онъ надѣялся на совершенный успѣхъ нападенія на Тарновъ, потому что во всемъ округѣ находившееся число солдатъ не превышало 800 человѣкъ, да и тѣ большею частью были изъ польскихъ областей.

Только въ Вѣнѣ могли себя убаюкивать мыслью, что волненія въ Галиціи были однѣ праздныя затѣи: мѣстные служащіе видѣли, что страшная гроза виситъ у нихъ надъ головою, и въ это судорожное время *Брейнлъ* былъ единственный человѣкъ, который не потерялъ голову. Баронъ *Чолихъ* и штабъ-офицеры почитали дѣло окончательно проиграннымъ и ожидали, что ихъ переколятъ ихъ собственные солдаты; *Брейнлъ, напротивъ, увѣрялъ ихъ, что они должны вполнѣ довѣряться своимъ нижнимъ чинамъ, потому что большинство солдатъ поступило изъ крестьянъ, того класса народа, который не измѣнитъ долгу. Брейнлъ* настоялъ, чтобы всѣ по деревнямъ квартировавшіе кавалеристы были призваны въ городъ; по счастью это приказаніе было отдано и исполнено въ тотъ же день — 18-го февраля, въ который, кромѣ того, нѣсколько унтеръ-офицеровъ-поляковъ пѣхотнаго барона Гайнау полка, за невоздержныя рѣчи, были арестованы и заключены въ оковы; кара сильно подѣйствовала на нижнихъ чиновъ.

Назначенный въ Тарновѣ балъ, по настоянію *Брейнла* былъ отказанъ. 18 февраля ксендзы начали съ утра пламенными рѣчами возбуждать народъ. Помѣщикъ въ Олесно *Котарскій,* по его увѣреніямъ, былъ крови Собіесскаго, и обладалъ шлемомъ, который, будто бы, король Собіескій имѣлъ на головѣ при освобожденіи Вѣны. Созвавъ и вооруживъ свою челядь, онъ призвалъ около полудня крестьянъ, сѣлъ на коня и надѣвъ шлемъ, объяснилъ его значеніе и за тѣмъ провозгласилъ крестьянамъ вольность, права, льготы, даровую

землю, требовалъ возстанія и развернулъ предъ ними богатое, блестящее своими вышивками, польское знамя. Крестьяне посмотрѣли на шлемъ и на знамя; но отвѣчали, что они противъ своего добраго императора Фердинанда не подымутся. *Котарскій* вернулся въ домъ, а его рѣчи разнеслись по окрестнымъ деревнямъ, населеніе совѣщалось; крестьяне отвсюду стали стекаться толпами на панскій дворъ; къ нимъ вышелъ ксендзъ олеснинскаго прихода, но проповѣдь ксендза не имѣла большаго успѣха, не смотря на новыя щедрыя обѣщанія *Котарскаго*. Крестьяне, напротивъ того, кричали, что панъ-мятежникъ и что его надо вязать. За неудавшимися приманками послѣдовалъ быстрый переходъ къ брани и къ угрозамъ; крестьяне кинулись, связать помѣщика, челядь кинулась его защищать и начала стрѣлять; произошла драка и бой; крестьяне принялись за косы и цѣпы; убили самыхъ ярыхъ: помѣщика, ксендза и еще двухъ пановъ, ранили и перевязали человѣкъ 30 изъ свиты, сопровождавшей *Котарскаго*; остальные разбѣжались. Крестьяне плѣнныхъ и раненыхъ уложили въ сани и повезли въ Тарновъ.

Въ то время, когда такъ плачевно началось возстаніе въ Олеснѣ, около двухсотъ заговорщиковъ съѣхалось къ лысогорской корчмѣ. Пріѣхали графы *Вѣселовскіе*, главный военачальникъ *Чеховскій*, графы *Ромеры*; крестьяне были собраны и, по приказанію ксендзовъ, вооружились кто чѣмъ могъ. Ксендзъ *Моргенштернъ* держалъ проповѣдь, затѣмъ выступилъ графъ Францишекъ *Вѣселовскій* съ рѣчью освобожденіи Польши и увѣрялъ крестьянъ, что у нихъ цѣль только одна, *сдѣлать народъ вольнымъ*, что они для того только и намѣрены поднять мечь, и что они надѣятся на содѣйствіе крестьянъ тѣмъ болѣе, что они ихъ осыпятъ благодѣяніями. Онъ объявилъ крестьянамъ что онъ новый губернаторъ, назначенный отъ правительства Польши, — не старой Польши, но новой, которая уже не будетъ подъ вліяніемъ чужеземцевъ. Впредь поляки, говорилъ онъ имъ, должны быть *всѣ равны, какъ Богъ ихъ создалъ, какъ дѣти одной матери*, что онъ, какъ губернаторъ, даритъ имъ отъ имени правительства земли и освобождаетъ отъ всякихъ повинностей, казенныхъ и частныхъ, на вѣчныя времена и обѣщаетъ вольную продажу соли и табаку. Крестьяне слушали молча и, казалось, раздумывали; тогда сельскій судья *Штельмахъ* крикнулъ толпѣ: хочетъ ли она идти противъ импера-

тора за пановъ, которые ихъ станутъ опять запрягать, какъ они теперь запрягаютъ своихъ коней и воловъ. На слова слова Штельмаха послѣдовали одобрительные возгласы. Въ эту рѣшительную минуту *Стоіовскій*, чтобы подѣйствовать на толпу, повалилъ выстрѣломъ крестьянина, который рѣзко сталъ возражать на возмутительныя рѣчи. Слѣдствія этой выходки были совсѣмъ не тѣ, которыхъ ожидалъ *Стоіовскій*. Крестьяне кинулись на пановъ, паны защищались пистолетами и ружьями противъ косъ и цѣповъ; съ обѣихъ сторонъ падали убитые и раненные паны разбѣжались, оставивъ до 40 человѣкъ однихъ плѣнныхъ, большею частью раненныхъ, которыхъ связали и снесли въ корчму и тоже отправили въ Тарновъ; въ томъ числѣ были и графы *Вѣселовскіе, Ромеры* и *Стоіовскій*. Подобная сцена повторилась и въ другихъ мѣстностяхъ; отпускные солдаты были большею частью предводителями крестьянскихъ полчищъ. У Партыка, всѣ съѣхавшіеся 19 пановъ, которые вздумали отстрѣливаться отъ собравшихся вязать ихъ крестьянъ, были косами и цѣпами зарѣзаны и избиты до послѣдняго и крестьяне уложивъ ихъ тѣла на сани, повезли въ Тарновъ.

У отставнаго капитана Эйзенбаха, владѣльца Плесна, собрались сосѣди, которые подъ его начальствомъ должны были съ южной стороны, по сигналу пожара деревни Лысая-гора, двинуться на Тарновъ и напасть на казармы кавалеріи. Къ обѣду съѣхалось уже до сотни гостей. Въ то время когда провозглашались частые тосты за успѣхъ предстоящаго дѣла, созванные изъ сосѣдства до 300 поселянъ, были обильно угощаемы виномъ. По окончаніи пира, мѣстный ксендзъ *Цієцкевичъ* сказалъ поселянамъ, что послѣ угощенія надо вспомнить и о костелѣ и пригласилъ ихъ къ 10 часамъ на церковную службу, сказавъ, чтобы они пришли съ косами и цѣпами. Крестьяне исполнили его просьбу. Послѣ обѣда число гостей увеличилось прибывшими; многіе, съ своими домочадцами, привели и верховыхъ лошадей; всѣ были отлично вооружены. У Эйзенбаха было до 450 человѣкъ, изъ нихъ до 50 конныхъ. Въ костелѣ явился *Цієцкевичъ* съ распятіемъ и опоясанный саблею; воодушевленный винными парами, онъ произнесъ пламенную рѣчь о любви къ *отчизнѣ* и обязанности прихожанъ за нимъ слѣдовать и торжественно провелъ процессіей богомольцевъ на панскій дворъ; тамъ паны уже были готовы. Эйзенбахъ устроилъ свою шайку въ ряды

и, съ музыкою во главѣ, шайка двинулась процессіею. Крестьяне недоумѣвали, участвуютъ ли они въ духовной процессіи или въ какой то панской затѣѣ. Всадники ѣхали авангардомъ впереди, за ними шли рядами крестьяне, въ хвостѣ шли паны и ихъ челядь съ ружьями; музыка гремѣла; но хитрость Эйзенбаха вовлечь въ бой напоенныхъ и ослѣпленныхъ крестьянъ не удалась; крестьяне съ удивленіемъ увидѣли, что въ рядахъ идущихъ сзади, появилось развивающееся польское знамя. Они остановились. Отпускные солдаты первые спросили, куда ихъ ведутъ и, получивъ въ отвѣтъ, что надо избавить ойчизну и завладѣть Тарновымъ, они рѣшительно отказались отъ дальнѣйшихъ похожденій и повернули домой. Вооруженный ружьями авангардъ хотѣлъ ихъ остановить силою; крестьяне забушевали. Подоспѣвшій ксендзъ *Цієцкієвичъ,* съ распростертыми руками, съ распятіемъ въ одной и саблею въ другой, хотѣлъ ихъ удержать; но онъ палъ первою жертвою; на дорогѣ завязался бой; паны, видя перевѣсъ силы на сторонѣ крестьянъ, и гибельные взмахи ихъ косъ и цѣповъ, отъ которыхъ падали ихъ отважнѣйшіе бойцы, разбѣжались. Крестьяне, взваливъ себѣ на плечи до 30 тѣлъ убитыхъ повстанцевъ, возвратились въ Плесно.

Въ Яворцахъ было также приказано собраться крестьянамъ, откуда заговорщики намѣревались слѣдовать на мѣсто сбора — въ Тарновицъ; но здѣсь паны, убѣдившись, что крестьянъ рѣшительно нѣтъ возможности склонить къ мятежу и видя ихъ грозныя намѣренія, поспѣшно усѣлись въ сани и поскакали одни въ Тарновицъ; запоздавшіе заговорщики, при видѣ по большой дорогѣ крестьянъ, задерживающихъ ихъ дальнѣйшій путь, съѣхались къ яворцкой корчмѣ. Тутъ хотѣли они склонить собравшіяся толпы, если не на свою сторону, то по крайней мѣрѣ къ свободному ихъ пропуску; но слѣдствія переговоровъ не были успѣшны; прибыли крестьяне, отъ которыхъ ускакали первые, и требовали, чтобы по крайней мѣрѣ были и связаны задержаны. Попавшіеся паны отступили въ корчму, приперли двери; но какъ крестьяне стали врываться силою, то они изъ оконъ начали отстрѣливаться. Въ это время подъѣхали еще новые паны и, чтобы выручить своихъ, стали тоже стрѣлять въ мужиковъ. Послѣдніе видя себя между двухъ огней, разбѣжались; выручённая изъ корчмы братья размѣстилась въ саняхъ своихъ избавителей; но какъ, при торопливомъ поѣздѣ, двое

саней опрокинулось, то крестьяне напали на вывалившихся и всѣхъ, въ числѣ 13 человѣкъ, положили на мѣстѣ.

При этихъ событіяхъ и подобныхъ стычкахъ между панами и крестьянами, въ ночь съ 18-го на 19-е февраля до 1200 заговорщиковъ въ одномъ тарновскомъ округѣ пали жертвами косъ, вилъ и цѣповъ. Изъ двухъ братьевъ графовъ *Броневскихъ* одного *Теодора* толпа разъяренныхъ крестьянъ застала на дворѣ усадьбы и буквально перемолотила ему ребра, руки и ноги и потомъ косою раздвоила черепъ. Ворвавшись въ домъ, они заставили жену другаго брата, *Яна* свѣтить, пока мужу отрѣзали уши и носъ, выкололи глаза и, разрѣзавъ живому кожу на головѣ, обнажили черепъ и потомъ покончили его цѣпами. Помѣщица *Игасъ* хотѣла спасти мужа и спрятала его въ сундукъ; но крестьяне его доискались, связаннаго уложили въ сани, впрягли въ нихъ несчастную женщину и обоихъ ихъ колотили до тѣхъ поръ, пока тѣ не испустили духъ. Графиня *Дембицкая*, не смотря на свою беременность, была заколочена крестьянами до смерти. Изъ этихъ и тысячи подобныхъ имъ случаевъ можно видѣть, до какихъ ужасовъ могутъ доводить разбушевавшіяся страсти разъяреннаго народа; но, повторяя слова свидѣтеля галиційскихъ убійствъ, „кто виноватъ?— правительство развѣ могло карать галиційскихъ крестьянъ за то, что они, не внимая искушающимъ рѣчамъ буйныхъ головъ и сторонниковъ революціи, заявили себя, противниками замышляемыхъ переворотовъ, заявили себя сторонниками покровительствующей ихъ спокойствію, законной власти? Могло ли правительство признать крестьянъ виновными за то, что они принялись за цѣпы, когда паны и деспотическіе агенты польской эмиграціи, стали въ нихъ стрѣлять за то что крестьяне не поддались обману, что они отказались отъ навязываемыхъ имъ благодѣяній, когда населеніе знало цѣну обѣщаній и понимало истинный ихъ смыслъ? Если населеніе, при видѣ родной своей крови, обагрявшей свѣжіе снѣжные сугробы, сбросило узду и въ ярыхъ порывахъ убійствъ искало мести надъ уродливыми выродками человѣческаго общества, лицемѣрными и коварными друзьями народа, кто былъ тому причиною? Поляки, не найдя сочувствія, стали стрѣлять въ крестьянъ, а потомъ ихъ же упрекать за то, что они, защищаясь, простерли свою месть слишкомъ далеко и сурово. Увлекаются иногда, мстя за смерть товарищей и на приступъ идущіе

солдаты, а крестьяне — не были обученные воины, и не знали сигналъ *отбоя*. Виновны въ галицiйской рѣзнѣ тѣ, которые возбудили буйныя страсти человѣческой натуры, желая обратить простолюдина въ орудiе своихъ честолюбивыхъ бредней и властолюбивыхъ замысловъ. Въ жилахъ польскаго революцiонера слилась кровь прежняго шляхтича и новаго демагога; по его мнѣнiю народъ — безсмысленная толпа, а всякiй противникъ его велѣнiямъ, самостоятельный, не согласный быть слѣпымъ исполнителемъ его воли, только ослушникъ, котораго, во имя фантастическаго прогресса, онъ считаетъ себя въ правѣ убить, какъ послѣднюю скотину."

Поднявшiеся крестьяне по всѣмъ дорогамъ къ Тарнову ловили мятежниковъ, изъ которыхъ къ городу прибыло только человѣкъ около 200, собиравшихся у Кликова. Эйзенбахъ, съ 300, ускакавшими отъ крестьянъ, да шайка въ 350 человѣкъ, собравшаяся у Гумниска. Всего 850 напрасно ожидали они сигнала пожара *Лысой горы*; событiя ночи спасли крестьянъ этой деревни отъ ея сожженiя; ускользнувшiе отъ крестьянъ паны привозили только извѣстiя о плачевной участи постигшей ихъ товарищей. Прибывшiе ночью къ Тарнову сошлись на Мартиновой горѣ, въ числѣ около 850 человѣкъ. Французъ *Леншанъ* предложилъ себя въ главные начальники, на мѣсто связаннаго крестьянами Чеховскаго; но паны признали свои силы недостаточными и отложили нападенiе на Тарновъ.

Городъ проснулся 19 февраля въ страшной тревогѣ: съ разныхъ сторонъ прибывали разнорѣчивыя вѣсти, глухiе разсказы о ночныхъ свалкахъ между панами и крестьянами и извѣстiя, что со всѣхъ сторонъ сформированныя шайки приступаютъ къ городу, что у Мартиновой горы видѣли несмѣтныя полчища повстанцевъ. Войско было поставлено подъ ружье. Тарновцы были въ лихорадочномъ ожиданiи; въ 10 часовъ утра сцена перемѣнилась: показался поѣздъ нѣсколькихъ саней, — это былъ первый транспортъ 19 человѣкъ, избитыхъ у Партина. Зрѣлище было страшное, при видѣ труповъ изможженныхъ цѣпами, изрѣзанныхъ косами, исколотыхъ вилами. На однѣ сани былъ посаженъ повстанецъ, еще живой, но въ предсмертныхъ судорогахъ, а на его колѣняхъ лежали двѣ головы съ размозженными черепами, почти до нага раздѣтыхъ двухъ труповъ. Всѣ 19 человѣкъ оказались помѣщики, экономы и дворовые. За этимъ первымъ

поѣздомъ, вереницей стали прибывать другіе и загромоздили всѣ улицы, ведущія къ присутственнымъ мѣстамъ; сани были наполнены связанными, захваченными, раненными и убитыми, нѣкоторыхъ плѣнныхъ крестьяне везли привязанными за ноги къ санямъ, такъ что головою они стучали по снѣжнымъ ухабамъ. Зрѣлище было ужасное! Раненые крестьяне большею частію были поражены насѣченнымъ свинцомъ или крупною дробью; раны же ихъ противниковъ представляли слѣды дѣйствія сельскихъ ихъ орудій, случайно обратившихся въ оружіе.

Сдѣлавъ немедленныя распоряженія о подачѣ помощи тѣмъ изъ раненныхъ, которымъ она еще могла быть полезною, разсадивъ плѣнниковъ въ надежныя мѣста, *Брейнлъ* тотчасъ принялъ мѣры къ возстановленію порядка; масса привозимыхъ жертвъ удостовѣряла, что уже должно было опасаться не нападеній, а нужно было поспѣшно спасать зачинщиковъ мятежа отъ мести разъяреннаго народонаселенія, изъ Тарнова были разосланы служащіе успокоить крестьянъ и поставить ихъ въ границы обязанностей; съ чиновниками были посланы маленькіе отряды кавалеріи, для конвоированія взятыхъ въ плѣнъ народомъ повстанцевъ и спасенія ихъ отъ неистовствъ толпы. Къ сожалѣнію, власти не могли располагать многимъ, тѣмъ болѣе, что въ Лысую гору почли нужнымъ послать цѣлый эскадронъ, такъ какъ согласно показаніямъ крестьянъ, тамъ собралась цѣлая армія бунтовщиковъ. Неутомимо разъѣзжали посланные отъ *Брейнла* по цѣлому округу, и только на третій день имъ удалось возстановить полную тишину и спокойствіе.

По вѣроятнѣйшимъ исчисленіямъ, на совѣсти польской эмиграціи было до 10,000 жертвъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ, погибшихъ въ Галиціи подъ ударами крестьянъ. изъ этого числа болѣе 4,000 относятся къ одному тарновскому округу. За то, съ другой стороны, предписанную сицилійскую вечерню постигло совершенное фіаско: не только не могли состояться нападенія на города, но панамъ было и не до отдѣльныхъ убійствъ. Погибъ только одинъ бургомистръ въ Пимнѣ *Марклъ*. Для его убійства были назначены нѣсколько мелкопомѣстныхъ, тамъ служащихъ шляхтичей, но главный назначенный распорядитель сбора пильзинской шайки, канцеляристъ Іосифъ *Капучинскій* пожелалъ самъ руководить этимъ убійствомъ. Однимъ изъ заговорщи-

ковъ, почтовымъ экспедиторомъ, были приготовлены кареты; ночью *Капучинскій*, съ своими людьми, влезъ въ окно запертаго дома, подняли всю семью, зажгли свѣчи и, несмотря на вопли и мольбы жены *Маркля* и его четырехъ маленькихъ дѣтей онъ былъ зарѣзанъ въ ихъ присутствіи. Напрасно *Маркль* твердилъ, что при поискахъ эмисаровъ, онъ только исполнялъ предписанія начальства, убійцы издѣвались надъ его мученьями, при возгласахъ, что собачья смерть есть достойная кара шпіону и предателю. Покончивъ несчастнаго ударомъ копья, убійцы оставили плавающее въ крови тѣло, среди рыдающей семьи и, выскочивъ на улицу и усѣвшись въ почтовыя кареты, поспѣшили на мѣсто сбора; но они были дорогою остановлены и взяты крестьянами; окровавленное копье послужило первою уликою совершеннаго злодѣянія.

Для западной Галиціи назначенный день возстанія былъ 18 число, а для восточной 20, на томъ основиніи, что графъ *Вѣселовскій*, вполнѣ убѣжденный на содѣйствіе крестьянъ-поляковъ и папистовъ въ первой, не имѣлъ той же увѣренности къ населенію русскому и уніатскому Онъ предполагалъ, что возстаніе въ одной западной Галиціи введетъ эрцгерцога Фердинанда въ заблужденіе касательно обширности намѣреній заговорщиковъ. Полагая, что театромъ мятежа предназначена только западная Галиція, эрцгерцогъ вѣроятно вышлетъ туда военныя подкрѣпленія, и тогда, при ослабленныхъ силахъ, удобнѣе будетъ поднять населеніе. Другой расчетъ былъ тотъ, что русское населеніе можетъ быть и не захочетъ принять на себя инициативу мятежа и слѣдовать за поляками для возстановленія Польши тѣмъ болѣе, что въ уніатскомъ духовенствѣ они не могли разчитывать на поддержку, но что вѣсти о возстаніи крестьянъ западной Гглиціи и о дарованныхъ имъ земляхъ и разныхъ льготахъ послужатъ подстрекающимъ примѣромъ. Эти расчеты на дѣлѣ оказались тоже ошибочны. Хотя посланными гонцами коноводы восточной Галиціи и были предувѣдомляемы, что, вслѣдствіе гибельнаго хода, который принялъ мятежъ, они должны пріостановиться и выждать дальнѣйшихъ послѣдствій; но гонцы не могли всюду достигнуть своего назначенія и нѣкоторые были схвачены.

Вечеромъ 20 февраля *Сикорскій*, распорядитель мятежа въ самборскомъ округѣ, прибылъ къ своему пріятелю,

управляющему горжанскимъ имѣніемъ, *Чаплицкому* и оповѣстилъ крестьянамъ семи сосѣднихъ приходовъ, собраться въ Горожанн съ косами, вилами и цѣпами; это приказаніе возбудило тотчасъ недовѣріе крестьянъ; потолковавъ между собою, они прибыли по требованію. Къ назначенному часу съѣхались туда заговорщики вооруженными; въ дворѣ были постановлены крестьяне въ кружокъ, судьи ихъ и присяжные были выведены впередъ. Среди круга была поставлена досчатая трибуна, на нее взошелъ *Сикорскій*, и развернулъ польское знамя; глухой ропотъ пошелъ между крестьянами; но когда ораторъ началъ проповѣдытать о братской любви, которую они должны питать къ полякамъ, проповѣдовать что они составляютъ одинъ народъ, одну семью; тогдя крестьяне зашумѣли; »мы русины, кричали они, и хотимъ быть вѣрными австрійскому императору.» *Сикорскій*, приготовивъ свою рѣчь и аргументы заранѣе, не нашелъ что имъ отвѣчать и продолжалъ начатое; онъ наглядно хотѣлъ вразумить крестьянъ, взялъ горсть пшеницы и овса,— »пшеница эта помѣщики, говорилъ онъ, а овесъ это вы крестьяне; теперь каждый живетъ про себя, а съ новой Польшей всѣ будутъ равны». Смѣшавъ зерна онъ кинулъ ихъ въ воздухъ, »ну—подите, ищите теперь въ снѣгу, гдѣ пшеничныя, а гдѣ овсяныя зерна, всѣ перемѣшались; такъ будетъ и впредь, поляки и руссины будутъ равные братья; земли вы получаете даромъ, безъ всякихъ повинностей, для всѣхъ соль и табакъ будутъ продаваться по вольной цѣнѣ.» — Но крестьяне на счетъ зеренъ замѣтили, что все таки отъ пшеничныхъ зеренъ выростетъ пшеница, которую и слѣпой различитъ отъ овса, а одинъ изъ крестьянъ стариковъ, смѣло выступивъ впередъ, и громко воскликнулъ: »Ребята! панамъ нечего довѣрять, они только хотятъ стараго времени, когда за убитаго мужика они платили по 15 злотыхъ штрафу»; «Правда, правда отвѣчала толпа; паны, не смѣйте бунтовать, складывайте сей часъ же ружья.» Управляющій *Чаплицкій*, истый демократъ новой школы взбѣшенный мужицкою самостоятельностію и дерзкими рѣчами, выстрѣлилъ изъ обоихъ стволовъ прекрасной, золотомъ отдѣланной, дорогой винтовки, въ народнаго оратора; тотъ упалъ мертвымъ, нѣсколько другихъ были ранены разлетѣвшеюся крупною дробью. Крестьяне кинулись на пановъ, которые отстрѣливаясь, укрылись въ ближайшее строеніе, заперлись въ немъ и начали стрѣлять чрезъ окна въ подходящихъ;

крестьяне зажгли зданіе; огонь и удушливый дымъ принудили заговорщиковъ вступить въ открытый бой; они отперли двери и кинулись на крестьянъ, но въ неровной свалкѣ всѣ были перебиты или переранены; крестьяне свалили ихъ на сани и отправили въ Львовъ. Жертвы горожанской схватки представляли зрѣлище не уступающее тарновскому: они были страшно избиты, не многіе еще дышали; между убитыми вытащили тѣла *Сикорскаго, Чаплицкаго* и его старца отца. На однихъ маленькихъ саняхъ лежало туловище пана, атлетическаго сложенія въ медвѣжьей черной шубѣ, отъ котораго голова была отрѣзана ударомъ косы. Кровь лилась съ саней и собаки сбѣгались лизать ее, что возбуждало громкій смѣхъ сбѣжавшейся толпы и вызывало ожесточенныя остроты а побѣдители сопровождавшіе плачевный поѣздъ, съ украинскою серьозностью и величайшимъ спокойствіемъ, передавали спрашивавшимъ подробности кроваваго событія.

Сборъ Теофила *Весніовскаго* не болѣе имѣлъ успѣха: онъ затѣялъ напасть ночью на эскадронъ гусаровъ, стоявшихъ въ Нараіовѣ, но они были во время предъувѣдумлены. Шайка *Весніовскаго* разбѣжалась, увидя войска и толпы крестьянъ, спѣшившихъ гусарамъ на помощь; отъ захваченныхъ узнали, кто былъ главный затѣйщикъ и предводитель; правительство объявило 1000 гульденовъ въ награду его поимщикамъ. *Весніовскій* былъ схваченъ и выданъ, хотя онъ ловко съумѣлъ одурачить крестьянъ, выдавая себя за уніятскаго священника, бѣглеца изъ Россіи. Тщетно хотѣлъ онъ откупиться отъ крестьянъ деньгами: малороссъ отъ природы недовѣрчивъ, и крестьяне разсудили, что время не то, чтобы милосердничать и предоставили мѣстнымъ властямъ разсудить подлежитъ ли пойманный помилованію. При той традиціонной ненависти, которую крестьяне уніяты-русскіе, наравнѣ съ папистами поляками, питали къ панамъ, мятежъ въ Галиціи былъ, при всѣхъ вялыхъ мѣрахъ австрійскаго правительства, хотя страшнымъ, но кратковременнымъ пожаромъ: въ началѣ марта уже спокойствіе было водворено и заговорщики вполнѣ разочаровались въ успѣхѣ своего предпріятія.

(Продолженіе впредь).

СЛАВЯНЕ

съ незапамятныхъ временъ.

(Окончаніе).

Венды, или венеты, называемые иногда *ваннами*, *вандалами*, *волотами*, жили, во времена гомеровскія, при Адріатическомъ морѣ. А во время Геродота они имѣли тамъ пятьдесятъ значительныхъ городовъ и вели обширную торговлю. Вотъ имена нѣкоторыхъ городовъ ихъ, впрочемъ съ иностранными большею частью окончаніями: *Коринiумъ*, *Куркумъ*, *Ольхиніумъ*, *Лезинумъ*, *Слана*, *Бѣлозора*, *Поля*, *Равенна*, *Ядера*, *Брегенціумъ*. О славянскомъ происхожденіи *вендовъ* (*ванновъ*, *венетовъ*, *волотовъ*, *вандаловъ*) вотъ какія мнѣнія и доказательства. Тацитъ (de moribus Germanorum, cap. 46) пишетъ: Venedorum nationes germanis, an sarmatis adscribam, dubito.—Но Плиній (lib. IV. cap. 2, 5, 27) и Авентинъ (lib. I.) называютъ ихъ скиѳами и сарматами, слѣдовательно, славянами. Вся Великая Германія издревле была заселена славянами (скиѳами); слѣдовательно нечему удивляться, ежели Тацитъ не зналъ, куда причислить вендовъ — къ сарматамъ или германцамъ. Іорнандъ говоритъ: ab una stirpe exorti tria nomina reddidere, id est: Veneti, Antes, Slavi, т. е. происходя отъ одного корня они имѣли троякое имя: венеты, анты, славяне. Послѣ этого нѣтъ сомнѣнія, что венды, или венеты были славяне, тѣмъ болѣе, что по свидѣтельству Карамзина (1), *«до нынѣ въ Германіи именемъ вендовъ называютъ славянъ.»*

Къ славянскому племени вендовъ принадлежали *норики*, *анты*, *зальсы*, *винделики*, *истріане*, *иллиріане*, *далматы*, *давленцы*, *озеряны*, *латовины*, *медвяки*, *столпяне*, *краинцы*, *гипеды*, *сьваки*. Рѣки, протекавшія въ ихъ странѣ, были: *Сава*, *Драва*, *Тимова*, *Нарона*, *Лехъ*, *Изера*, *Плава*. Адріатическіе венды занимали страну отъ Эпира до Анконы, и на сѣверъ до береговъ Дуная, а на западъ нынѣш-

(1) Примч. 28 къ I. Тому И. Г. Р.

нюю Штирію, Каринтію, Венеціанскую область, Тироль и Баварію до озера Брегенцкаго (1).

Венды белгійскіе, или жившіе при нѣмецкомъ морѣ, славились мореплаваніемъ. Главный портъ и городъ ихъ назывался *Озерякъ.* Полибій пишетъ, что когда галлы въ 390 году предъ Р. Х. завоевали Римъ, и взявши съ римлянъ 1,000 фунтовъ золота, осадили Капитоліумъ, то въ это время венды, или венеты бельгійскіе нечаяннымъ образомъ послужили къ освобожденію Рима: въ отсутствіе галловъ, они напали на ихъ земли, и этимъ заставили ихъ снять осаду Капитолія и выйдти изъ римскихъ владѣній, для защиты собственнаго своего отстества. Юлій Цезарь, въ 56 году предъ Р. Х., воюя съ галлами, напалъ на сопредѣльныхъ съ ними вендовъ; побѣдилъ и истребилъ ихъ. Старѣйшины вендскіе, по его приказанію, были умерщвлены, а простой народъ обращенъ въ рабовъ, и—слѣды вендскаго, т. е. славянскаго народонаселенія на берегахъ нѣмецкато моря исчезли.

О балтійскихъ вендахъ, отъ глубокой древности, такъ же немного сохранилось свѣдѣній. Городъ ихъ *Винета* лежалъ при устьѣ Одера, на берегу Балтійскаго моря, которое въ древности называлось *венетскимъ* (2), а потомъ, по сродству жившихъ около него племенъ, стали называть его *варяжскимъ.* Этотъ городъ залитъ моремъ. Другой венедскій городъ при Балтійскомъ морѣ былъ *Юлинъ* (3), не уступавшій ни одному современному городу своею знаменитостью, богатствомъ и торговлею. Землетрясеніе разрушило этотъ городъ. Союзникъ Аттилы, *Гензерикъ,* царь венедскій, ворвался въ южную Испанію, покорилъ ее,—отсюда переправился въ Африку, утвердился тамъ, и основалъ тамъ *венетское,* или *вандальское* царство.

Были еще *венды арморійскіе,* въ нынѣшней французской *Вандеѣ;* но объ нихъ не осталось никакихъ свѣдѣній. Только *вандейцы* своею храбростью и вѣрностью законному правительству, въ концѣ прошедшаго столѣтія, лучше всѣхъ мертвыхъ хартій, доказали свое старинное происхожденіе отъ *славянъ.*

---

(1) Россія въ историч. отношеніи. Ч. I. стран. 70, 71, 72.
(2) Plinius. Ptolomeus.
(3) Себастіанъ Мунстеръ въ Космографіи (lib. III. стр. 771).

Геты и *даки* были союзные народы славянскаго происхожденія, говорившіе однимъ языкомъ. Первымъ именемъ называли ихъ греки, а вторымъ—римляне. *Ѳеофилактъ*, историкъ византійскій (1), называетъ славянъ *древними гетами*,—слѣдовательно о славянствѣ ихъ нѣтъ, кажется, никакого повода сомнѣваться. Жили геты и даки между Дунаемъ и Днѣпромъ къ Черному морю, а съ другой стороны за Днѣпромъ даже до рѣки *Тиссы*, на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ Молдавія, Валахія, Трансильванія и часть Венгріи. Они состояли подъ управленіемъ царей. Первымъ законодателемъ и просвѣтителемъ ихъ былъ *Замолксисъ*, сперва невольникъ, а потомъ отпущенникъ и ученикъ философа Пиѳагора.

Александръ В., немедленно по смерти своего отца, долженъ былъ заняться усмиреніемъ возмутившихся иллиріанъ и ѳракійцевъ, потомъ напалъ на сосѣднихъ съ ними *гетовъ*, разрушилъ столичный ихъ городъ и ихъ покорилъ (2). Гдѣ былъ этотъ городъ и какъ назывался, неизвѣстно. Изъ наслѣдниковъ Александра, Лизимахъ ѳракійскій, между 286—282 годами до Р. Х., воевалъ съ гетами. Царь гетскій *Дромихетъ*, плѣнивши Лизимаха, показалъ ему бѣдность своего народа и, убѣдивши его, что нѣтъ никакой пользы нападать на такой народъ, отпустилъ его, и пріобрѣлъ въ немъ спокойнаго и вѣрнаго сосѣда (3).

За 50 лѣтъ предъ Рождествомъ Христовымъ былъ у гетовъ царь *Беребистъ*, который расширилъ границы своего царства, и переправившись за Дунай, напалъ на римскія провинціи. Юлій Цезарь уже приготовлялся къ войнѣ съ этимъ героемъ, но смерть помѣшала ему привести въ исполненіе это намѣреніе. Послѣ чего римляне употребили противъ своего врага другое средство: взбунтовали противъ Беребиста собственныхъ его подданныхъ, которые и умертвили его около 44-го года предъ Р. Х.

По смерти Беребиста, въ гетскомъ царствѣ не было порядка и управы даже до царя *Котизона*, современника Августова. Котизонъ до того былъ страшенъ римлянамъ,

---

(1) Memor. populorum II. 3.
(2) Strabo lib. VII.
(3) Idem, lib. VIII.

что Августъ, желая водворить миръ и тишину въ придунайскихъ провинціяхъ римскихъ, сговорилъ-было дочь свою Юлію за Котизона и взаимно требовалъ себѣ отъ него въ супружество дочь его. Но вскорѣ потомъ, по повѣленію Августа, полководецъ Корнилій-Лентулъ напалъ на даковъ, выгналъ ихъ изъ Панноніи и прогналъ за Дунай, а другой полководецъ К. Елій, взявши въ плѣнъ многія тысячи гетскихъ и дакійскихъ семействъ поселилъ ихъ въ Мизіи и Ѳракіи (1). Подъ конецъ царствованія Августа, геты и даки такъ ослабѣли, что едва могли выставлять въ поле 40 тысячъ воиновъ. При преемникахъ Августа, они опять ободрились, и нападали на римскую имперію при Тиверіѣ, Вителліѣ и Веспасіанѣ. Во время императора Домиціана былъ царемъ у даковъ герой *Децебалъ*. Онъ принялъ къ себѣ многихъ римскихъ воиновъ, построилъ крѣпости, и старался образовать свой народъ. Нападая нѣсколько разъ на сосѣднія римскія провинціи, онъ всегда поражалъ римскіе легіоны, и не прежде далъ миръ римлянамъ, какъ взявши съ нихъ окупъ. При Траянѣ Децебалъ опять напалъ на римлянъ, но нашелъ въ римскомъ императорѣ опаснаго себѣ соперника. Траянъ построилъ на Дунаѣ мостъ (на двадцати двухъ аркахъ, котораго развалины, при *Чернецѣ*, и теперь заслуживаютъ удивленіе — по искусству и прочности древней архитектуры) и перешелъ по немъ въ самую Дакію, которую покорилъ и обратилъ въ римскую провинцію. Не помогла Децебалу и хитрость: желая устрашить римлянъ многочисленностью своего войска онъ велѣлъ вокругъ своей столицы срубить всѣ деревья въ ростъ человѣческій, и изъ пней ихъ надѣлалъ чучелъ, одѣтыхъ въ воинское платье. Бывши принужденъ спасаться бѣгствомъ, Децебалъ самъ лишилъ себя жизни. Его голова, какъ трофей, была отправлена въ Римъ. Съ этого времени имена гетовъ и даковъ, какъ народа самостоятельнаго, уступили первенство другому страшному имени соплеменныхъ имъ *готѳовъ*.

Готѳы были называемы отъ латинскихъ историковъ

---

(1) О *Котизонѣ* упоминаетъ даже Горацій (книга III. од. 8.). Приглашая Мецената къ себѣ въ гости, онъ уговариваетъ его отложить всѣ заботы потому, между прочимъ, что же „occidit Daci Cotisonis agmen....“

гуттонами, *готонами*, и *гитонами*. Первоначальное отечество ихъ было на берегу Дона, внизъ къ Азовскому морю, т. е. въ древней Скиѳіи и Сарматіи. Память объ этомъ сохранилась въ скандинавскихъ сагахъ. Когда готѳы изъ этаго древняго отечества своего перешли на Сѣверъ въ Скандинавію,—вмѣстѣ ли съ *азами* (см. выше), или—вѣроятно—позже ихъ, неизвѣстно. Только то достовѣрно, что они, перешедши отъ Чернаго моря въ Скандинавію, основали тамъ шведское королевство; но въ концѣ 1-го вѣка по Р. Х. большая орда ихъ возвратилась на старое свое жилье, и опять поселилась при Азовскомъ и Черномъ морѣ. По дорогѣ къ старому гнѣзду своего рода, часть готѳовъ остановилась въ нынѣшней Померaніи, а другая за Вислой въ старой Пруссіи. Этимъ остаткамъ готѳскаго поколѣнія скоро показалось тѣсно жить на этихъ мѣстахъ, а потому часть ихъ, подъ предводительствомъ своего князя или конунга *Филимѣра*, пошла къ Черному морю—искать своихъ родичей. Это было уже во 2 вѣкѣ по Р. Х.—Пришедши къ Черному морю, они соединились съ своими прежними единовѣрцами, мало по—малу овладѣли обеими берегами Днѣстра и основали тамъ сильное *готѳское царство*, въ составъ котораго вошли всѣ единоплеменныя поколѣнія скиѳовъ, сарматовъ, вендовъ, гетовъ и даковъ, на пространствѣ нынѣшней Россіи съ Польшею, Молдавіи, Валахіи, Трансильваніи, части Австріи и Пруссіи, т. е. отъ Чернаго и Азовскаго моря до Балтійскаго и отъ Вислы до Дона. Дунай былъ границей между римскою имперіей и готѳами.

Славянскія поколѣнія, вошедшія въ составъ готѳскаго государства, хотя постоянно враждовали и между собою и противъ господствовавшаго племени, но были соединены и одушевлены одною общею цѣлью: громить и разрушать римскую имперію. Богъ видимо призвалъ ихъ къ сокрушенію этого колосса, котораго тѣнь покрывала всю извѣстную тогда вселенную, но который одряхлѣлъ отъ разврата и роскоши и видимо приближался къ своей смерти. Таже самая цѣль одушевляла и другихъ «варваровъ», тевтоновъ, галловъ, франковъ и другихъ, которые, подобно славянскимъ народамъ дѣлились на многія поколѣнія съ разными названіями. Постоянныя усилія и набѣги этихъ «варваровъ» противъ Рима, извѣстны въ исторіи подъ именемъ *«великаго переселенія народовъ.»* При тогдашнемъ всеобщемъ воинственномъ движе-

нія, трудно геометрическимъ образомъ опредѣлить границы того или другаго народа: извѣстно только то, что Днѣстръ раздѣлялъ огромное готеское государство на двѣ части—на восточную и западную. Восточные готеы, или *остроготеы*, иначе *остготеы*, владѣли землями отъ Балтійскаго моря до Чернаго, подчинивши себѣ всѣ обитавшія тамъ славянскія и финскія поколѣнія; а западные готеы, *вестготеы*, или *визиготеы*, расположились къ югозападу отъ своихъ братьевъ, преимущественно въ нынѣшней Трансильваніи и Венгріи. Тѣ и другіе зависѣли иногда отъ одного царя, а иногда отъ разныхъ. Хотя имена готеовъ, до появленія имени гунновъ, были первенствующими между народами, потрясавшими римскую имперію, но въ частныхъ сшибкахъ «варваровъ» съ римлянами нерѣдко еще откликались у римлянъ прежнія имена скиеовъ, сарматовъ, аланъ, антовъ, даковъ и другихъ славянскихъ поколѣній.

Желая воспрепятствовать готеамъ переправу чрезъ Дунай, императоръ Адріанъ разрушилъ Трояновъ мостъ. Не смотря на это, славянскія племена, аланы, сарматы и даки нѣсколько разъ, въ его время, нападали на римскія провинціи. Во время Марка Аврелія, сарматы, въ соединеніи съ квадами и маркоманнами, также дѣлали набѣги на Италію. Они напали на *Виндекса*, префекта преторіанскихъ когортъ, и на сраженіи близъ Дуная убили почти 20 тысячъ римскихъ воиновъ. Остальныхъ преслѣдовали до самой Аквилеи и овладѣли бы ею, еслибы М. Аврелій не выступилъ противъ нихъ съ свѣжимъ войскомъ. Почти пять лѣтъ онъ воевалъ съ ними, наконецъ обезсилилъ ихъ и принудилъ къ миру.

Въ царствованіе Гордіана, около 238-го года по Р. Х., готеы наводнили собою сопредѣльныя съ ними провинціи, и покушались овладѣть Өракіей. Съ этого времени не проходило ни одного царствованія въ Римѣ безъ упорной и кровопролитной войны съ готеами. Императоръ Децій, защищая Өракію и Мизію, умертвилъ ихъ 30 тысячъ. Когда же, измѣною своего полководца Галліена, онъ былъ завлеченъ въ ущелья горъ, то готескій царь (имя его неизвѣстно), тайно о томъ увѣдомленный, напалъ на него и разбилъ. Здѣсь Децій сперва лишился сына, убитаго стрѣлою, потомъ, когда войско его было разстроено, онъ, сидя на конѣ, бросился въ пропасть и погибъ.

Предатель Деція, Галліенъ, сдѣлавшись императоромъ купилъ у готѳовъ безчестный миръ, обязавшись платить имъ ежегодную дань. Но готѳы, не довольствуясь этимъ, устремились на восточныя страны имперіи. А скиѳы въ тоже время опустошали Месопотамію и Сирію. Около 268 года, императоръ Клавдій, съ многочисленнымъ войскомъ, предпринялъ походъ противъ готѳовъ, которые, напавъ на Ѳракію, разсѣялись по Греціи и, вмѣстѣ со многими другими городами, разрушили и Аѳины. Когда они въ этомъ городѣ собрали громаду книгъ, намѣреваясь сжечь ихъ, то одинъ единоземецъ ихъ удержалъ ихъ слѣдующими словами: „оставьте грекамъ книги: занимаясь ими, они будутъ менѣе способны къ войнѣ.“ Клавдій жестоко отомстилъ готѳамъ, многихъ умертвилъ, а еще больше отвелъ въ плѣнъ.

Около 275 года, императоръ Авреліанъ принужденъ былъ уступить готѳамъ Дакію, переселивши оттуда римскихъ колонистовъ въ Мизію, при нижнемъ Дунаѣ (Dacia Aureliana). Императоры Пробъ и Каръ также принуждены были постоянно отражать этихъ «варваровъ», которыхъ современные историки называли безразлично то сарматами, то готѳами. Въ царствованіе Діоклитіана и Максимина скиѳы, готѳы, сарматы и аланы (т. е. славяне разныхъ наименованій) устремлялись на римскіе предѣлы многочисленными толпами и не давали Риму покоя.

Въ 4-мъ вѣкѣ по Рождествѣ Христовомъ, былъ у готѳовъ великій и храбрый царь *Эрманарихъ*. Онъ покорилъ подъ свою власть не только всѣ прочія славянскія племена, но также геруловъ и эстовъ, жившихъ при Балтійскомъ морѣ, и продолжалъ колебать ветхое зданіе римской монархіи. Послѣ перенесенія столицы изъ Рима въ Византію (308), готѳы возобновили свои набѣги съ неслыханною дерзостью; но Константинъ Великій усмирилъ ихъ. По смерти Константина (337.), готѳы сдѣлались такъ страшны римлянамъ, и въ такомъ числѣ нападали на нихъ, что—казалось—земля безпрестанно производила новыя поколѣнія этихъ «варваровъ» на погибель Рима. Между 375—378 годами императоры римскіе имѣли нѣкоторый успѣхъ въ битвахъ съ этими супостатами. Валентіанъ I-й изгналъ скиѳовъ изъ Панноніи, а Валентъ выгналъ остготѳовъ изъ Ѳракіи, заключивши миръ съ Атанарихомъ. Послѣ сего онъ послалъ къ

нимъ аріанскихъ проповѣдниковъ, которые многихъ готѳовъ обратили въ аріанскую ересь.

Въ это время, какъ бы для усиленныхъ дѣйствій въ разрушеніи римской имперіи, явилось на славянской территоріи новое поколѣніе—*гунны*. Въ началѣ нашей эры, они кочевали между азовскимъ и каспійскимъ моремъ и кавказскими горами. Подъ начальствомъ своего царя *Баломіра* (не славянскіе ли звуки?) гунны въ 375 году напали сперва на аланъ, жившихъ на сѣверъ отъ Кавказа, и покорили ихъ. Перешедши Донъ, они напали на готѳовъ. Разбитый ими остготѳскій царь Эрманарихъ самъ себя лишилъ жизни. Обстоятельства очевиднымъ образомъ склонялись къ тому, что между славянскими поколеніями первенство и владычество должно было перейти отъ готѳовъ къ гуннамъ, и нѣкоторыя поколѣнія, дотолѣ подвластныя готѳамъ, вошли въ составъ *гуннскаго союза*. Но наслѣдникъ Эрманариха, *Винитаръ* еще старался грозою удержать въ повиновеніи подчиненныя себѣ поколѣнія: такимъ образомъ—непослушнаго князя *Боаса*, съ его семействомъ и 70-ю боярами, велѣлъ распять на крестахъ. Баломіръ вступился за притѣсненныхъ славянъ, и побѣдилъ Винитара. Тогда готѳы, тѣснимые гуннами, прибѣжали къ римскимъ границамъ, и просили у императора Валента позволенія поселиться въ Мизіи и Ѳракіи. Валентъ позволилъ. Но они, при переходѣ чрезъ Дунай, не сдали по обѣщанію своего оружія но, бывъ обижены императорскими чиновниками, возмутились и, подъ предводительствомъ *Фридигерна*, разбили на голову римское войско; послѣ чего простерли свои набѣги даже до Византіи. Валентъ потерпѣлъ отъ нихъ рѣшительное пораженіе при Адріанополѣ, въ 378 году, и погибъ въ одной хижинѣ, зажженной непріятелями. Послѣ сего вестготѳы опустошили Ѳракію, Македонію, Мизію, Паннонію и Ѳессалію, а оттуда перешли въ Норикъ. Такимъ образомъ имперія постепенно лишалась своихъ владѣній и заключалась почти въ одной только Италіи.

Ѳеодосій В. своимъ мужествомъ и благоразуміемъ замедлилъ начавшееся разрушеніе Римской державы. Но по смерти его, вмѣстѣ съ раздѣленіемъ имперіи на восточную и западную, все перемѣнилось. У готѳовъ былъ тогда царь-герой *Аларихъ-Отважный*. Съ 395 по 411 годъ онъ былъ грозою Римской имперіи. Видя неспособность преемниковъ

Θеодосіевыхъ-Аркадія и Гонорія и будучи побуждаемъ императроскимъ вельможею Руфиномъ, онъ, вмѣсто обѣщанной защиты имперіи отъ гунновъ, самъ началъ громить и разрушать ее. Храбрый *Стеликонъ*, воевода римскій, успѣлъ въ первой разъ отразить нападеніе Аларика при Аддѣ и Веронѣ (400—403).— Въ отмщеніе за то, вождь Аларика *Радагайсъ* (родомъ изъ гунновъ), въ 405 году, съ 200—тысячнымъ войскомъ ворвался въ Италію— но и онъ былъ побѣжденъ Стеликономъ.— Когда же неблагодарный и неблагоразумный Гонорій въ 408 году казнилъ Стеликона, то Аларикъ подступилъ къ Риму и осадилъ его. Гонорій находился тогда съ дворомъ своимъ въ Равеннѣ. Осажденные римляне доведены были до крайняго состоянія и просили Аларика дать имъ миръ. Онъ взялъ съ нихъ за миръ 5 тысячъ фунтовъ золота, 30 тысячъ фунтовъ серебра, четыре тысячи шелковыхъ одеждъ, три тысячи кусковъ тонкаго красваго сукна и три тысячи ф. перцу; сверхъ того требовалъ еще всѣхъ римскихъ рабовъ. «Что же ты намъ оставляешь?» спросили римскіе послы. «Жизнь» — отвѣчалъ Аларикъ.

Въ 410 году приманка легкой добычи опять привела Аларика къ Риму. На этотъ разъ онъ не прежде далъ миръ римлянамъ, какъ уже сенаторы объявили Гонорія лишеннымъ престола, и нарекли императоромъ римскимъ градоначальника *Аттала*. Впрочемъ вскорѣ послѣ того Аларикъ не взлюбилъ новопожалованнаго императора, разжаловалъ его и вступилъ въ переговоры съ Гоноріемъ. Эти переговоры были безуспѣшны; Аларикъ вошелъ побѣдителемъ въ Римъ и — опустошилъ всемірную столицу! — Воины его необузданно расхищали и разрушали все, — *щадили только христіанскіе храмы*, такъ что и римскіе язычники тогда искали себѣ спасенія въ убѣжищахъ христіанъ.— Пробывъ въ Римѣ шесть дней, Аларикъ пошелъ воевать Сицилію и Африку, опустошилъ Кампанію, Апулію и Калабрію, гдѣ и умеръ скоропостижно въ концѣ 410 года. Римляне торжествовали смерть Аларика всенароднымъ празднествомъ, и— міръ насладился мгновеннымъ спокойствіемъ.--

Шуринъ Аларика, *Атаулфъ,* во время втораго осажденія Рима Аларикомъ, пришелъ къ нему изъ Панноніи въ Италію съ свѣжимъ войскомъ, составленнымъ изъ готовъ и гунновъ. Новопроизведенный тогда изъ префектовъ города въ императоры Атталъ сдѣлалъ— было его начальникомъ

своихъ тѣлохранителей. Но по смерти Аларика, подвижное государство готѳовъ избрало Атаульфа своимъ царемъ. Онъ заключилъ съ Гонoріемъ миръ, и женился на его сестрѣ *Плацидіи*. Свадьбу свою онъ праздновалъ въ Нарбоннѣ,— одѣтый въ римское платье. Вообще Атаульфъ былъ очень кротокъ, чувствовалъ превосходство образованія и охотно оставлялъ варварскіе обычаи. Уже Гонорій назначилъ — было его своимъ преемникомъ, не смотря на сопротивленіе Констанція; но одинъ любимецъ— рабъ Атаульфа убилъ его въ Барцеллонѣ въ концѣ 415 года. Супруга его Пляцидія вышла замужъ за Констанція, а готѳскій вождь *Валлія* удалился съ готѳскими полчищами въ Испанію, и основалъ тамъ *вестготское царство*.

Дальнѣйшія сказанія о судьбѣ готѳовъ уже не принадлежатъ къ славянской исторіи. Для насъ остался неразрѣшеннымъ вопросъ: точно ли готѳы славянскаго происхожденія?

Нѣкоторые писатели называютъ ихъ Германцами, во-первыхъ потому (risum teneaatis!), что слово *готѳы*, или *готы* созвучно съ нѣмецкимъ словомъ Gott, и— слѣдовательно означаетъ «*дѣтей Божіихъ!!!* Во вторыхъ потому они германцы, что въ Упсалѣ доселѣ хранятся отрывки стариннаго нѣмецкаго перевода библіи, и всѣми принято мнѣніе, что этотъ переводъ сдѣланъ *готѳскимъ епископомъ Ульфилою:* слѣдовательно, ежели *готѳскій епископъ* перевелъ библію на нѣмецкій языкъ, то и онъ, и весь готѳскій народъ были— германцы. Это доказательство равносильно съ слѣдующимъ мнѣніемъ: если, напримѣръ, г. Стурдза перевелъ на французскій языкъ проповѣди митрополита Филарета, такъ изъ этого слѣдуетъ, что г. Стурдза былъ французъ. Или еще другой примѣръ, сильнѣйшій: ежели преосвященный Иннокентій (херсонскій) перевелъ на польскій языкъ «Разговоры между испытующимъ и увѣреннымъ въ Православіи» — то неужели слѣдуетъ заключить, что этотъ знаменитый переводчикъ былъ полякъ ?!?

О славянствѣ готѳовъ вотъ какія мы имѣемъ доказательства:

Массилійскій мореплаватель, грекъ *Пиѳій*, посѣщая Балтійское море еще за 320 лѣтъ до Р. Х., на мѣстожительствѣ вендовъ вездѣ находилъ готѳовъ. У древнихъ писателей имена вендовъ, ваннoвъ (славянъ) употребляются безразлично съ именами готѳовъ, какъ синонимы. Лѣтопис-

цы, среднихъ вѣковъ постоянно называютъ славянъ готѳами. Такъ наприм., *Тамбурини* говорилъ: atque inde conjicio, Slavones et Gothos eandem esse nationem. Nostro quoque tempore Ragusanae matronae, cum ancillis sclavenae nationis suscensent, eas Gothas appellant.— Ѳома архидіаконъ говоритъ о далматахъ: Gothi a pluribus dicebantur et nihilominus Sclavi sunt, secundum proprietatem nominis.— По этой причинѣ на салонскомъ соборѣ (1060 года) славянская азбука св. Кирилла и Меѳодія названа *готскою* «litterae Gothicae».— Еще ли надобно доказывать, что древніе готѳы были славянскаго происхожденія?..

Гунны, занявши земли, оставленныя готѳами, подвигались всё дальше впередъ и скоро показались около средины Дуная.— Послѣ *Баломіра* былъ у нихъ царемъ *Октаръ*. У этого царя былъ братъ *Мундзукъ*, отецъ *Бледы* и *Аттилы*. Бледа былъ старшій, и хотя царствовалъ совокупно съ Аттилою, но перевѣсъ силы и дерзости былъ на сторонѣ младшаго, который вскорѣ затѣмъ убивъ Бледу, сдѣлался единовластителемъ. Всѣ поколѣнія, жившія на обширномъ славянорусскомъ пространствѣ, покорились Аттилѣ и вошли въ составъ его царства. Гдѣ была его столица, еще не рѣшено, но догадываются историки, что или въ Токаѣ, или Будѣ. Тьери говоритъ (1), что «историческій Аттила не похожъ на Аттилу извѣстнаго по преданію». Сколько можно вѣрить исторіи, Аттила былъ великій геній своего времени, великій полководецъ, великій политикъ, и совсѣмъ не такой жестокій, какимъ обезславило его преданіе. Онъ воевалъ больше политикою, нежели оружіемъ; но гдѣ дѣло доходило до оружія, тамъ — надобно сказать правду — онъ не обращалъ вниманія на потоки крови;— впрочемъ это не было исключительною *его* страстію, или склонностью: тогда *всѣ* такъ воевали.

Восточная римская имперія была данницею Аттилы; и хотя греки закрашивали свою ежегодную дань именемъ *жалованья*, на которомъ якобы состоялъ у нихъ Аттила, считаясь военачальникомъ Имперіи; но неменѣе того Византія трепетала предъ гунномъ.— Подъ предлогомъ преслѣдованія визиготѳовъ, Аттила напалъ на Галлію, потомъ

---

(1) См. „Аттила“ соч. Ам. Тьери, въ Москвитянинѣ 1852. N. 4.

вторгнулся въ Италію, и уже былъ не далеко отъ Рима, но бывъ встрѣченъ и умоленъ папою святымъ *Львомъ*, воротился назадъ, — взялъ только окупъ съ западной римской имперіи и обѣщаніе ежегодной дани. — Возвратившись въ свою столицу, Аттила, среди брачнаго торжества своего, скоропостижно умеръ въ 452 году.

Со смертью Аттилы могущество гунновъ рушилось. Кромѣ 50 слишкомъ сыновъ его, всѣ почти подручные ему военачальники его, подобно полководцамъ Александра македонскаго, захотѣли царствовать. *Ардарикъ*, вождь гепидовъ, хотѣлъ-было основать гепидскую державу, между Тиссою и Днѣстромъ. Ост-готы, подъ начальствомъ своихъ вождей *Валаміра*, *Видеміра* и *Өеодоміра*, (еще ли не славянскія имена?) основались-было сперва въ Панноніи, а потомъ подъ начальствомъ *Өеодорика* пошли въ Италію въ 493 году, покорили ее, и утвердившись въ Римѣ, изгнали оттуда геруловъ, овладѣвшихъ всей Италіей по смерти Аттилы. — Теперь — на славянорусскомъ пространствѣ первенство между всѣми волновавшимися поколѣніями мало по-малу начало переходить и — перешло къ поколѣнію *болгаръ*.

Кто же такіе были *гунны?*

Нѣкоторые историки приписываютъ имъ китайское, или монгольское происхожденіе, и даже безъ церемоніи называютъ ихъ калмыками, — въ силу того этимологическаго доказательства, что на китайскомъ языкѣ *Хунъ-ну*, или *Сюнъ-ну (?)* означаетъ «*злыхъ рабовъ.*» Эта догадка, впрочемъ, оставлена теперь всѣми оріенталистами, которые положительно убѣдились изъ ученыхъ розысканій о. Іакинөа Бичурина, что такъ — называемые *Хунъ-ну* никогда не оставляли Монголіи. —

Другіе этимологи думаютъ, что *гунны*, *обры* и *болгаре* были одинъ и тотъ же народъ подъ тремя различными именами, потому что слово hun на древнемъ германскомъ языкѣ означаетъ *великана*, а слово obr, или obrin на чешскомъ языкѣ и теперь означаетъ также *великана*, и что этимъ именемъ называли гунновъ и болгаръ, за ихъ высокій ростъ.

Послѣ этимологіи, послушаемъ еще этнографическихъ доказательствъ. Въ одной изъ залъ с. петербургской академіи художествъ была нѣкогда выставлена превосходная копія Каневскаго, съ картины Рафаеля: *Аттила*. По мнѣнію знатоковъ, Аттила и его дружина изображены — живыми мало-

россіянами! Неужели это не болѣе, какъ только *фантазія* великаго и ученаго живописца? Отчегожъ эта фантазія воспроизвела Аттилу именно *козакомъ?* Неужели все это зависѣло отъ *случая*,— равно какъ, на примѣръ, въ той же академіи есть древняя статуя *скиѳа*, и этотъ скиѳъ тоже *случайно* вышелъ, что называется, вылитый малороссіянинъ??

Очевидный свидѣтель, риторъ *Прискъ* (какъ выше сказано) описываетъ гунновъ, ихъ нравы, обычаи и образъ жизни, какъ будто онъ описывалъ славянъ, и свидѣтельствуетъ о сходствѣ языковъ гунискаго и готѳскаго. Современные гуннамъ греки, называли ихъ то болгарами, то славянами. Западные писатели, близкіе къ тому времени, тоже говорятъ; наприм: *Беда* (Beda venerabilis) постоянно называетъ славянъ гуннами; *Іорнандъ* (550 г.) и *Викторъ Тонунскій* (567 г.) называютъ болгарами тотъ самый народъ, который византійцы именовали гуннами. *Гриммъ*, въ своей Deutsche Mithologie, говоритъ, что писатели среднихъ вѣковъ именемъ гунновъ часто замѣняютъ имена вендовъ, антовъ и славянъ. По этой же самой причинѣ „*Русь и Гуннія у тѣхъ писателей были равнозначущи*,“ Russia etiam Chunigard dicitur. Прибавимъ къ этому и то, замѣченное уже обстоятелство, что у гунновъ всѣ почти имена были славянскія: Баломіръ, Владъ, Борисъ, Скотанъ, Душанъ, Гордашъ, Воеславъ, Рѣкана.... Не ужели еще сомнѣваться въ славянскомъ происхожденіи гунновъ?!

Куда же дѣвались гунны вскорѣ послѣ смерти Аттилы? Неужели исчезли съ лица земли? Нѣтъ! Не стало только великаго человѣка, который всѣ славянскія поколѣнія, подъ однимъ именемъ гунновъ, держалъ въ своей подчиненности; а поколѣнія остались тѣже, только подъ другими прозвищами, полученными отъ грековъ. Чрезъ 20 лѣтъ по смерти Аттилы, т. е. 474 года, два внука его, *Кутургуръ* и *Утургуръ*, съ подчиненными имъ родами, вошли въ составъ большой славянской орды, которая отъ грековъ была названа уже не Гуннами, но *Болгарами*—разумѣется, по имени господствовавшаго поколѣнія. Болгары начали безпокоить восточную имперію со стороны Чернаго моря: въ 493 году ограбили и опустошили Ѳракію, въ 502 году разгромили Иллирію, а въ 512 году — Македонію и Ѳессалію.

Странная судьба досталась имени болгаръ. Они сами всегда считали и называли себя славянами, всегда говорили славянскимъ языкомъ, который ближе всѣхъ славянскихъ нарѣчій къ тому языку, на который переведено св. писаніе; но историки, сперва нѣмецкіе, а за ними и наши, по какому-то странному предубѣжденію, хотѣли увѣрить болгаръ, что *они-болгаре, происходятъ непремѣнно отъ турокъ!!* Ежелибъ эта странность случилась не на нашихъ глазахъ, трудно было бы повѣрить ей. А поводомъ къ этой странности было то обстоятельство, что болгары, или *волгары*, пришли на Дунай съ береговъ *Волги*, какъ свидѣтельствуетъ и самое имя ихъ. На прежнемъ мѣстѣ жительства ихъ при слiяніи Камы съ Волгою, осталось въ древности нѣсколько родичей ихъ, болгаръ, которые, принявъ тамъ магометанскую вѣру, мало помалу отатарились, или отуречились. По этому уклоненію въ татарство нѣсколькихъ аборигеновъ болгарскаго поколѣнія, историки — и цѣлое поколѣніе болгаръ хотѣли производить отъ турокъ, или отъ татаръ, — не обращая вниманія на то, что они искони были славянами, и чрезъ длинный рядъ вѣковъ сохранили свое славянство.

Около 527 года, въ царствованіе Юстиніана, всѣ дикія орды славянорусскаго пространства издавна громившія римскую имперію, подъ именами скиѳовъ, сарматовъ, готѳовъ, гунновъ и болгаръ, стали отъ грековъ называться преимущественно *славянами.* Хотя это имя, еще со 2-го вѣка нашей эры, нерѣдко было упоминаемо въ сказаніяхъ грековъ, но тогда оно было, такъ сказать, частнымъ, или *домашнимъ именемъ*, которымъ поколѣнія славянорусскаго пространства сами себя называли; византійцы не скупились надѣлять ихъ разными другими именами, которымъ и счету, кажется, нѣтъ. Наконецъ — съ половины VI вѣка имя славянъ восторжествовало надъ всѣми прочими именами одного и того же народа.

Сказаніе о славянахъ, подъ этимъ собственнымъ ихъ именемъ, а равно о родичахъ ихъ руссахъ и варягахъ, есть такъ же предметъ величайшей еще критики: это большая масса золота in crudo. И. К.

СВѢДЕНІЯ О РАСКОЛЬНИКАХЪ ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(*Окончаніе*).

Сказавши о попахъ, наставникахъ и наставницахъ, какъ о руководителяхъ въ духовной жизни раскольниковъ, теперь мы должны обратить вниманіе на руководства, составляющія въ этой средѣ пищу для ума и сердца. Религіозныя вѣрованія, передаваемыя человѣку съ младенчества отъ родителей, въ жизни всенепремѣнно должны быть поддерживаемы духовными лицами, какъ чрезъ устныя наставленіи, такъ и чрезъ распространеніе сочиненій, направляемыхъ къ поддержанію и укрѣпленію тѣхъ вѣрованій, и составляющихъ руководства въ духовнонравственной жизни человѣка. Для поддержанія и укрѣпленія духа вѣры въ христіанинѣ, для развитія въ немъ чувства религіозности и возвышенія его нравственности, какъ устныя, такъ и письменныя наставленія должны опираться на истинѣ, возвѣщенной въ словѣ Божіемъ.

Къ безчестію раскольничьихъ руководителей, нужно сказать ту правду; что они никогда не держались и не держатся такого правила. Мало того, что они не написали ничего согласнаго съ истиной, они и устно постоянно оскорбляютъ ее, и стараются держать паству свою въ туманѣ, отклоняя ее всевозможными способами отъ наукъ, чтобы паства, при свѣтѣ наукъ, не вышла изъ тумана и не пошла прямымъ путемъ къ истинѣ.

Въ раскольническихъ сочиненіяхъ не усмотрѣли мы ни поучительности, ни назидательности, ни добросовѣстности. Сколько мы ни видѣли и ни читали раскольничьихъ сочиненій, всѣ онѣ отзываются пустотою, невѣжествомъ и ребячествомъ. Для любопытства предлагаемъ читателямъ слѣдующія сочиненія, принимаемыя раскольниками въ руководство, какъ догматическія, историческія, поучительныя, нравственно-назидательныя и всякія другія.

1) Если не всѣ, то большая часть раскольниковъ держатъ въ рукахъ своихъ и постоянно читаютъ такъ

называемую бесѣду тріехъ святителей: Василія великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго,—состоящую изъ 72 вопросовъ и отвѣтовъ. Раскольники думаютъ, что эти святители были люди русскіе, и потому они влагаютъ въ ихъ уста вопросы, требующіе объясненія греческихъ словъ и буквъ. Такъ, напримѣръ, по вымыслу раскольниковъ эти три святителя разрѣшали сами себѣ такой вопросъ: 2) „что суть у Спасителя нашего Бога на вѣнцѣ его надпись словами: ѡ̃он? отвѣтъ—ѡ̃—отъ небесъ пріиде во своя, и свои его не познаша; о они его не пріяша; н—на крестѣ его распяша.“ Вопросъ 5-й: что суть у Богоматери нашея надпись словами: мр̃. ѳ҃у? отвѣтъ м—маріамъ, р роди̃, ѳ—Ѳаворскаго, у—учителя. „Вы подумаете, читатель, что вывесть раскольника изъ заблужденія въ этомъ дѣлѣ, нѣтъ никакого труда, что слѣдуетъ только объяснить ему, скажете вы, что это надписи греческія и поруски ὤν значитъ сый, или сущій,—причастіе отъ греческаго глагола εἰμὶ есмь; а μρ̃—θυ̃—есть сокращеніе греческихъ словъ—μήτηρ по руски Матерь, θεοῦ родительный падежъ отъ θεός Богъ, и въ переводѣ значитъ Матерь Божія—тѣмъ дѣло и кончится, раскольникъ убѣдится. „Нѣтъ, батюшка, говорили намъ раскольники, выслушавъ такія объясненія надписей,—нѣтъ, надобно вѣрить, якоже святители объясняютъ.“ Послѣ этого слѣдуетъ вамъ уже доказывать, что святители, какъ греки, не имѣли надобности въ толкованіи этихъ надписей, что вся бесѣда ложно приписывается святителямъ, что бесѣды этой никогда и ни въ одной священной книгѣ не было, и много чего другаго придется вамъ говорить въ доказательство того, что надписи греческія означаютъ совсѣмъ не то, что думаютъ раскольники, и завсѣмъ тѣмъ раскольникъ, не вѣря вамъ ни въ чемъ, остается при своемъ убѣжденіи. Тогда только раскольникъ вѣритъ вашимъ объясненіямъ и толкованіямъ, когда вы успѣете пріобрѣсть полное его къ вамъ довѣріе, а это требуетъ немалаго времени, много искуства и опытности. Далѣе: вопросъ 8-й „что есть чотыре рози на земли? отвѣтъ: то есть четыре евангелиста Христовыхъ.“ Безъ принаровленія къ раскольникамъ, начните вы объяснять, что земля не квад-

ратна, не рогата, а шарообразна, а еще къ тому добавьте, что солнце стоитъ, а земля движется,—такъ непремѣнно попадете въ еретики. Вопросъ 9-й: „что суть четыре восточни и высокопарни орли одно яйцо снесли? отвѣтъ: то есть четыре евангелиста одно евангеліе написаша". Вопросъ 13-й: „что есть святое евангеліе Христово? отвѣтъ: то есть Христосъ истинный Богъ нашъ." Выходитъ, по раскольничьему, что Евангелисты —творцы Христа Бога нашего. Захотите вы на этотъ 13-й вопросъ отвѣтить правильно, опять должны обратиться къ греческому языку: но раскольникъ его не понимаетъ; вамъ не вѣритъ и остается при своемъ. Вопросъ 50-й отъ чего бываетъ громъ и молнія? отвѣтъ: есть на небеси два ангела громныхъ и два ангела молненныхъ." Вопросъ 53: „кто родивсе не умре? отвѣтъ: трое: Илія пророкъ, Енохъ праведный и апостолъ Іоанъ Богословъ. Вопросъ 56-й: „что есть ключь древянъ, а замокъ водянъ, заяцъ убѣжѐ, а ловецъ утопѐ? отвѣтъ: ключь древянъ—есть жезлъ моусеевъ, замо̀къ водянъ—есть черное море, заяцъ—моусей, а ловецъ Фараонъ." Вопросъ 70-й: „кто солгавъ спасеся, а кто истину рекъ-погибе? отвѣтъ: апостолъ Петръ, солгавъ, спасеся, а Іюда, истину рекъ,—погибе,"— сдѣлался для раскольниковъ догматомъ вѣры ихъ. Духовники ихъ говорятъ: „дѣтоньки! сказано въ писаніи, что безъ покаянія нѣсть спасенія, а безъ грѣха нѣсть покаянія. Надобно, дѣтяньки, согрѣшить, чтобы было въ чемъ покаяться и за покаяніе получить спасеніе." И въ подтвержденіе такого беззаконнаго и кривоумнаго положенія, духовники раскольничьи указываютъ на 70-й отвѣтъ тріе-святительской бесѣды, созданной самими же раскольниками.

2) Видѣли мы въ рукахъ раскольниковъ повѣсть о птицѣ Алконостѣ. Эта повѣсть состоитъ изъ нелѣпаго расказа о томъ, что Алконостъ кладетъ свои яйца на берегу моря въ пескѣ и тамъ насиживаетъ ихъ (и непремѣнно зимой), но за семъ дней предъ выходомъ птенцовъ, Алканостъ переноситъ свои яйца на самую средину моря и бросивъ ихъ въ глубину, самъ садится на водѣ перпендикулярно противъ своихъ яицъ. Чрезъ семъ дней сидѣнія, птенцы выходятъ изъ

яицъ, всплываютъ на верхъ и познаютъ свою мать. Въ теченіи семидневнаго сидѣнія на водѣ, Алканостъ повелѣваетъ морю не только не шумѣть, но и не колебаться. Попробуйте разувѣрить раскольника въ нелѣпости такой сказки, — онъ ни за что не повѣритъ вамъ, потому что читаетъ эту повѣсть въ книгѣ рядомъ съ бесѣдою тріехъ святителей, — и почитаетъ ее священною.

3) Ходятъ пресмѣшныя и нелѣпыя въ рукахъ раскольниковъ повѣсти о хмѣлѣ и о водкѣ. Тамъ пишется, что главный сатана сидитъ и глубокую думу думаетъ, какъ бы и чѣмъ бы искусить человѣка на пагубу души его. Не выдумавъ самъ ничего, онъ собралъ соборъ и объявилъ ему свою думу. Вдругъ одинъ изъ собранныхъ *пьяный бѣсъ*, не долго думая, даетъ обѣщаніе найдти средство на пагубу души человѣка: „сотворю, говоритъ пьяный бѣсъ, горѣлку-піяное вино, „(чѣмъ же самъ упивался бѣсъ?) и проклятую траву табаку, т. е. первую печать антихристову и знаменіе пришествія его. И воста сатана съ престола своего и „*поклонися піяному бѣсу* до земли, и воздаде хвалу ему „и честь великую, и рече ему: буди ты піянъ бѣсъ „(а прежде кѣмъ былъ?) . . . . . и разнесеся то піяное виногорѣлка и табака въ цысаріи и въ литву, и по „всѣмъ царствамъ и странамъ и въ русскую землю.“ Странно: что одинъ и тотъ піяный бѣсъ выдумалъ на пагубу—„горѣлку піяное вино и табакъ; а между тѣмъ раскольники—любятъ и уважаютъ горѣлку-піяное вино, а табакъ не уважаютъ. Вѣроятно, еще, какъ говорится побѣлорусски, неразсмаковали.“ Впрочемъ уже торгуютъ табакомъ, и вырученныя за эту антихристову траву деньги, носятъ на груди, вмѣстѣ съ восьмиконечнымъ крестомъ. Даже въ самомъ Витебскѣ, напримѣръ, Михайло Михайловичъ Козаковъ и Евфимъ Пуховъ торгуютъ табакомъ; а курятъ многіе,—особенно молодежъ раскольничья любитъ покурить.

Не пощадили раскольники и—растѣнія хмѣля. Это полезное и необходимое растѣніе, раскольники приписываютъ произведенію антихриста, который, якоже гласитъ повѣсть, и нѣкоему старцу живущему въ пустыни, на версѣ травы тоя (хмѣля) являшеся въ пер-

вый разъ красною дѣвицею, ризами украшенною, во второй козою, скачущею и блеющею, а въ третій псомъ, сидящимъ и лающимъ всюду нелѣпо."

Великую честь и силу раскольники приписываютъ антихристу и унижаютъ Христа Бога Спасителя нашего, стараясь доказать и вѣрить, что хотя Спаситель Богъ и сказалъ: *„Созижду церковь мою и врата адовы не одолѣютъ ю;* но не въ силѣ, будто бы, оказался вполнѣ оградить и защитить свою церковь; ибо явился *раскольничій* антихристъ и разрушилъ будто бы Христову церковь. Вообще совретъ ли раскольникъ - антихристъ виноватъ, уворуетъ ли—антихристъ виноватъ, прелюбодѣйствуетъ- антихристъ виноватъ, убьетъ кого—антихристъ виноватъ, не понимаетъ чего и не знаетъ—антихристъ виноватъ; не хочетъ служить въ военной службѣ —антихристъ виноватъ!

4) Читали мы раскольническое „описаніе греческихъ новыхъ обычаевъ предъ древле восточною церковію." Не говоря уже о томъ, что описаніе это составлено весьма нескладно и неграмотно,—оно написано весьма недобросовѣстно, исполнено лжи и клеветы. (1) Напримѣръ тамъ говорится: будто всѣ греки—крестовъ на груди не носятъ, служатъ на единой просфирѣ; и патріархи, митрополиты, монахи, и все духовенство въ карты играетъ и табакъ пьетъ (куритъ) и нюхаетъ; усы подстрыгаетъ, и всѣ на главахъ гуменцовъ не простризаютъ; бабы ходятъ въ алтарь чрезъ царскія двери; когда попъ идетъ съ переносомъ, то мужикъ впереди кадиломъ махаетъ. И такой клеветы собрано на 12 листовъ. Вообще это описаніе похоже на повѣсть о патріархѣ Никонѣ, на котораго злоба раскольничья придумала столько нелѣпостей, сколько не могъ придумать и самъ *тяный бѣсъ*, придумавшій *горѣлку тяное вино, табакъ, хмѣль, чай и кофе.*

5) Кромѣ упомянутыхъ въ числѣ другихъ повѣстей, напримѣръ: „о брадобрытіи, о премудромъ царѣ Соломонѣ Давидовичѣ и о премудромъ его рожденіи, о зачатіи младенческомъ, о кадилѣ, о прѣніи живота со смер-

---

(1) Сборникъ Собольщ. лист. 123—135.

„тію, о новоженскомъ сожитіи, о прелести, о послѣд„нихъ временѣхъ“ и многихъ другихъ повѣстей и сказаній, которыми раскольничьи наставники питаютъ умъ и сердце своей паствы, заслуживаетъ вниманія „бесѣда царя Давида съ царемъ Волотомъ Волотовичемъ отъ Божественнаго писанія,“ читаемая въ домахъ и въ моленныхъ раскольниками чуть не со слезами, потому — что за оглавленіемъ добавлено: „отъ Божественнаго писанія.“ Бесѣду царя Давида съ царемъ Волотомъ Воловичемъ передаемъ слово въ слово: (1) „Во странѣ гра„дѣ Іерусалимѣ, у гроба Маврійскаго, у креста Леони„това, у главы Адамовой, и рече царь Волотъ Волото„вичь, скажи мнѣ царь Давидъ пророкъ Евсеевичь, „отъ чего свѣтъ свѣтитъ, отъ чего солнце сіяетъ, и на„чемъ у насъ небо ходитъ, и на чемъ земля стоитъ? И „рече ему царь Давидъ пророкъ Евсеевичь, я тебѣ про то „скажу царю, свѣтится у насъ свѣтъ отъ Господнихъ „очей его, а солнце сіяетъ отъ Господня лица, а заря „занимается отъ солнца краснаго, а небо ходитъ на „воздусѣхъ, а земля стоитъ на китахъ рыбахъ трехъ „большихъ и на семидесяти малыхъ. И рече ему царь „Волотъ Волотовичъ, скажи мнѣ царь пророкъ Евсеевичъ, „какой градъ градомъ мать, какая церковь церквамъ мать, „какая рѣка рѣкамъ мать, какое озеро озерамъ мать, „какое море морямъ мать, какой камень каменемъ мать, „какая птица птицамъ мать, какія звѣри звѣрямъ мать, „какая рыба рыбамъ мать, какая гора горамъ мать??? „И рече царь Давыдъ пророкъ Евсевичъ, а я тебѣ ска„жу про то царь Волотъ Волотовичъ: первый градъ Іеро„салимъ, потому что прошла изъ святаго града пасха„лія, отъ святыхъ отецъ составленная, потому Іеро„салимъ градъ градомъ мать; а церковь церквамъ мать „пречистая Іерусалимская, потому что въ той церкви „тридесятъ престоловъ, да въ той же церкви стоитъ „гробъ Господень, потому та церковь церквамъ мать; „а рѣка рѣкамъ мать Іорданъ рѣка, потому, что течетъ „тая рѣка изъ рая прекраснаго, въ той же рѣкѣ крести„ся Господь нашъ І. Христосъ, потому та рѣка рѣкамъ „мать: а глава главамъ мать Адамова глава. Когда

---

(1) Рукопис семинар. библіотеки № 610-й.

„Господь Богъ сотворилъ небо и землю, и вся, яже „на ней, потому сотворилъ Богъ по образу и по подо- „бію своему, и рече имя ему Адамъ, и отъ Адама пой- „де вси благороднiи цари, и князи, и вся христіаны, „потому та Адамова глава главамъ мать. А древо дре- „вамъ мать—певга, кедръ и кипарисъ древо, потому „что изъ тѣхъ древъ отраждается ладунъ, идетъ въ „рымлянъ и во всю свѣтлорусскую землю, (и при Да- „видѣ царѣ была уже свѣтлорусская земля, и у- „потреблялся въ ней ладонъ), а на тѣхъ древахъ распятъ „бысть Господь нашъ І. Христосъ, потому те древа „древамъ мать. А трава травамъ мать плакуть трава, „потому жидове взяли Господа на распятіе, тогда „пресвятая Богородица плакала о Сынѣ своемъ воз- „любленномъ, а слезы на ту траву ронила, потому „та трава травамъ мать. (По раскольничьи выходитъ, „что Давидъ царь жилъ послѣ рождества Христова!!!) „озеро озерамъ мать Ильмень озеро (въ Новгородской „губ.). А море морямъ мать — Океянъ море великое, „потому что въ морѣ окіяне стоитъ церковь Климента „папы римскаго, потому то море морямъ мать: а камень „каменямъ мать Кармеусъ далатеръ камень, въ нощи „свѣтится, а кармеусъ аки огонь горитъ, а латеръ ка- „теръ камень лежитъ на высокимъ устави моря теп- „лаго и всякая рыба сходится къ тому каменю на ве- „ликой праздникъ на Ныколинъ день, которая рыба „потрется около того каменя, на той рыбѣ знакъ бу- „детъ потому тѣ камени каменямъ мать. (Выходитъ „по раскольничей исторіи, Давидъ, жилъ даже послѣ „установленія празднества св. Николаю). А птица пти- „цамъ мать, Сиринъ птица, Финникъ птица, Нагуй пти- „ца, Сиринъ птица, лице ея, яко у дѣвице, егда поетъ „и услышитъ человѣкъ ея пѣніе, заходитъ вослѣдъ ея, „и забудетъ отца и матерь, а финникъ птица залѣта- „етъ на небеса и приноситъ вослѣдъ небеснаго (что „за безсмысліе??!!); птица едина раздѣленіе ея, подобна „Нагуй птица свиваетъ гнѣздо на дубахъ (любимое „раскольниками дерево (1)), потому та птица птицамъ

(1) Мы читали раскольничье сочиненіе подъ заглавіемъ: Стрясти Господни; тамъ пишется, что Іуда повѣсился на дубѣ.

„мать. А рыба рыбамъ мать, китъ рыба великая, по-„тому что на тѣхъ рыбахъ основалъ Господь Богъ „землю, потому тѣ рыбы рыбамъ мать фаворская, сі-„онская (почему же?). И рече царь пророкъ Давидъ „Евсеевичь, скажи мнѣ царю Волотъ Волотовичъ, кому „у насъ на второмъ Христовымъ пришествіи не бывать „и лица Господня не видать, суда Божія не будетъ, по-„сланы будутъ въ тму кромѣшную, и въ муку вѣчную? „И рече царь Волотъ Волотовичъ: я тебѣ скажу царь, „тѣмъ людямъ на второмъ Христовымъ пришествіи „не бывать, и лица Господня не видать, и суда Божія „не будетъ, которые люди Господа нашего І. Христа „заповѣди не слушаютъ, святыхъ его угодниковъ руга-„ютъ, еще кто виномъ упивается, бороду бріетъ,“ (стало быть и при царѣ Давидѣ нѣкоторые уже брили бороды: а зачѣмъ же раскольники въ своей повѣсти о брадобрытіи говорятъ, что первый обрѣилъ себѣ бороду и другимъ показалъ примѣръ папа римскій Петръ Гугнивый за *подпупную браду* (1).... одной красавицы?) „кто заломы заламываетъ, кто коліе преторкиваетъ, „кто млеко съ чюжихъ коровъ закликаетъ, кто колдуетъ, „кто волхвуетъ, ворожитъ, корчемствуетъ,—тѣмъ лю-„дямъ на второмъ Христовымъ пришествіи не бывать „и лица Господня не видать, и суда Божія не будетъ. „Богу нашему слава во вѣки вѣкомъ аминь.“

Сочиненіе упомянутыхъ нами и другихъ, имѣющихся въ рукахъ раскольниковъ, повѣстей, статей, сказаній и бесѣдъ, кому принадлежитъ—велико-русскимъ или бѣлорусскимъ раскольникамъ, мы не знаемъ. Но видимъ, что подъ вліяніемъ своихъ руководствъ и руководителей — давнихъ и современныхъ, бѣлорусскіе раскольники потеряли всякое значеніе священной исторіи и закона святой Христовой церкви, совершенно отупѣли и глубоко пали въ нравственности. Между бѣлорусскими раскольниками мы не нашли ни одного, который бы зналъ священную исторію, покрайней мѣрѣ, такъ, какъ знаютъ ученики сельскихъ училищъ; о знаніи же катихизиса и рѣчи нѣтъ. По нашей службѣ, мы имѣли множество случаевъ говорить съ лучшими,

(1) Подлинное выраженіе повѣствователя о брадобрытіи.

(даже заходившими изъ заграницы, напримѣръ, Розинъ), раскольничьими наставниками — Самуиломъ Карпелемъ, Ѳедоромъ Андреевымъ, Ѳедоромъ Ѳедоровымъ, Спиридономъ Макарьевымъ, Григоріемъ Сотниковымъ, Андреемъ Корешковымъ, Иваномъ Краснобаевымъ и выше всѣхъ ихъ стоящимъ въ глазахъ раскольниковъ безпоповцевъ, съ живущимъ въ 25 верстахъ отъ г. Витебска въ деревнѣ Плисахъ (могилевской губерніи) и имѣющимъ огромное вліяніе на витебскихъ безпоповцевъ,— Иваномъ Левоновичемъ Карелинымъ, и ни въ одномъ изъ нихъ мы не нашли рѣшительно никакихъ знаній,—и убѣдились, что всѣ они невѣжественны, бездарны. На самые простые вопросы они не могли отвѣчать толково. Они не знаютъ даже и того, почему что они дѣлаютъ. На каждый вопросъ они отдѣлываются антихристомъ и послѣдними временами. Спросите его вы о сотвореніи, напримѣръ, міра и человѣка, и въ отвѣтъ услышите такую рѣчь: „вторительно, сказано въ писаніи, что въ по„слѣдніи времена нѣціи отступятъ отъ вѣры и каса„тельно таво, будетъ значитъ мерзость запустѣнія на „мѣстѣ святѣ.“ Это все равно, какъ сказано въ одной простонародной малорусской пѣсни: „въ огороди бузына, а въ Кіеви дядько.“ Не смотря, однакожъ, на такіе и подобные, не относящіеся къ вопросу и бесѣдѣ отвѣты, мы имѣли терпѣніе говорить съ ними цѣлые дни, стараясь заставить человѣка сколько нибудь понять: во что онъ вѣритъ, какъ вѣритъ и почему такъ вѣритъ, и въ заключеніе всегда слышали всеобщій раскольничій отвѣтъ: „какъ вѣрили наши отцы, такъ и мы вѣримъ.“ Заговорите вы съ прихожанами поповъ и наставниковъ, они вамъ отвѣтятъ: „мы отецъ, люди темные, мы не знаемъ писанія, какъ наши духовники, такъ и мы.“

Невѣжество своихъ наставниковъ витебскіе безпоповцы увидѣли, наконецъ, сами, и вотъ, около 10 декабря сего года, собирались въ Витебскѣ разъ въ домѣ мѣщанина Мины Гавріилова Мягкаго, а въ другой разъ въ домѣ Гугниваго Михайла Михайлова Козакова, (который, впрочемъ, числится по спискамъ единовѣрцемъ и вѣнчался въ единовѣрческой Успенской церкви) и подъ предсѣдательствомъ плисскаго Ивана Левоновича Каре-

дина, на мѣсто Василія Борунова и Ивана Давидовича Уточки, избрали въ наставники подберезинскаго крестьянина (близъ самаго города) Блюху-Евфима Чистобаева и пришельца изъ невельскаго уѣзда изъ крестьянъ Меллина Михея Макѣевича Барковскаго, бывшаго прежде сего наставникомъ въ динабургскомъ уѣздѣ.

Странно, скажутъ намъ, что такіе безграмотные мужики, какъ раскольничьи наставники, такое имѣютъ вліяніе на раскольниковъ. Ничего нѣтъ удивительнаго, отвѣчаемъ мы. Человѣкъ всегда больше любитъ то, и къ тому стремится, что потворствуетъ его страстямъ. Почему раскольникамъ не любить раскола, если расколъ не стѣсняетъ его страстей и усыпляетъ умъ и совѣсть? Почему раскольнику не любить раскола, если расколъ большую половину его преступленій прикрываетъ своею религіозною обрядностію, если современный расколъ есть у однихъ фанатизмъ — безъ всякой религіи, а у другихъ плотоугодіе подъ обаятельнымъ именемъ „старой вѣры."

Строго придерживаясь истины, мы должны сказать, что нравъ у раскольниковъ не похвальный: они, безъ интереса грубы и дерзки; при интересѣ низкопоклонны, вкрадчивы, но хитры и недобросовѣстны. И не удивительно: кто поучитъ и наставитъ ихъ? Руководители или руководства?... Ни то, ни другое! — Есть однакожъ у раскольниковъ и хорошее, и объ этомъ не слѣдуетъ умолчать. Такъ, напримѣръ, есть у нихъ очень похвальные обычаи и порядки религіозные: входя и выходя въ избу и изъ избы, предъ пищею и послѣ пищи, они осѣняютъ себя трижды крестнымъ знаменіемъ; на молитвѣ въ моленной и въ домѣ стоятъ чинно; читаютъ неспѣша и внятно; соблюдаютъ строго, впрочемъ далеко не всѣ, посты; на похоронныхъ и поминальныхъ столахъ никогда не подаютъ ни водки, ни вина, ни пива, и читаютъ во время стола или поученіе Златоустаго или статью изъ Пролога.

Между витебскими безпоповцами были и новоженены. Положеніе ихъ при общественной молитвѣ такое: на молитву въ моленныхъ — безпоповщинскіе наставники не пускали новоженовъ, (т. е. правильнымъ порядкомъ женатыхъ) внутрь моленной, гдѣ стоятъ про-

ностасъ, а держали ихъ всегда за стеклянной рѣшеткой съ окнами, которыя тогда только растворялись, когда читалось Евангеліе, Апостолъ и статьи изъ Прологовъ, или поученія Златоуста, или Синаксари. Послѣднія всегда читаются по шестой пѣсни канона. Въ другое же время общественнаго молитвословія въ моленной, новожены, какъ бы прокаженные, стояли за запертой рѣшеткой, мало слыша чтеніе и пѣніе. Не женатые же, хотя и *имѣющіе потомство*, или, по старости лѣтъ, разлучившіеся съ женами и дѣти стояли въ первомъ отдѣленіи къ иконостасу и имѣли право, съ благословенія духовника, участвовать сами въ чтеніи и пѣніи. Подобное отлученіе отъ участія въ общественной молитвѣ было поводомъ къ тому, что многіе изъ раскольниковъ, хоть и желали получить законный бракъ, но— во избѣжаніе безчестія—отлученія, вели жизнь законопреступную.

Въ настоящее время, строгость противъ новоженовъ, отъ времеии до времени теряя свою силу, много ослабѣла. Общій ропотъ противъ духовниковъ за насиліе къ безбрачной жизни, сопровождающейся тайнымъ и явнымъ развратомъ, вынудилъ духовниковъ не стѣснять желающихъ брачиться и давать имъ за своимъ и свидѣтельскимъ подписомъ (и даже за № и печатію, какъ, напримѣръ рижская больница), на гербовой бумагѣ свидѣтельство въ томъ, что женихъ и невѣста не состоятъ въ родствѣ и имѣютъ дозволеніе отъ родителей и своего духовника вступить въ законный бракъ. Женихъ и невѣста съ такимъ свидѣтельствомъ отправлялись и вѣнчались тамъ, гдѣ ихъ принимали подъ вѣнецъ. (1) Многіе вѣнчались въ православныхъ храмахъ отъ православныхъ священниковъ, многіе отъ уніятскихъ, а нѣкоторые даже въ костелахъ и лютеранской кирхѣ.

---

(1) Наставники или духовники, почитая себя иноками, не давали себѣ права вѣнчать.

Въ Витебскѣ первымъ примѣромъ вступленія въ бракъ съ молитвеннымъ благословеніемъ, послужили супруги изъ филипповцевъ — Пименъ Степановичъ и Степанида Михай

— Строго соблюдая религіозные порядки и обычаи своихъ предковъ, въ общественной жизни раскольники витебской губерніи подчинились вліянію обычаевъ и

ловна Лебедевы. Они, изъ четырехъ своихъ дочерей, ни одной не позволяли выходить въ замужество безъ молитвеннаго благословенія. Первая ихъ дочь Өедора, выходя замужъ, 1829 года октября 13 дня, за мѣщанина Григорія Никифоровича Мамонова, вѣнчалась въ витебской р. к. плебаніи деканомъ ксендзомъ Іоанномъ Кучинскимъ, при свидѣтеляхъ Петрѣ Боруновѣ, Тимоөеѣ Гребенцовѣ и Степанѣ Мамоновѣ. Доказательствомъ тому служитъ имѣющееся въ нашихъ рукахъ подлинное того времени свидѣтельство на гербовой бумагѣ 50 к. достоинства, за подписомъ духовника Егора Полякова и декана Кучинскаго, съ приложеніемъ печати, на которой вырѣзаны слова: „печать римско-католическаго витебскаго протопресвитерства." Другая дочь Анна, бывшая за мужемъ въ Креславкѣ за купеческимъ сыномъ Андреемъ Ивановичемъ Роголевымъ, вѣнчалась съ нимъ въ витебской лютеранской киркѣ. Третья дочь—Татьяна за мѣщаниномъ Поляковымъ, и четвертая Прасковья за купцомъ Григоріемъ Акиноичемъ Петровымъ, вѣнчались въ православныхъ храмахъ. Благоразумному примѣру Лебедевыхъ слѣдовали и другіе безпоповцы нетолько въ витебской губерніи, но и въ Курляндіи. На это мы имѣемъ въ нашихъ рукахъ два документа 1834 года, отъ 3 февраля за №№ 4 и 5-мъ, на вступленіе въ бракъ дѣвицѣ Аннѣ Ивановнѣ Леонтьевой и купцу Никону Прокофіеву Волкову, на гербовыхъ листахъ рублеваго достоинства, за подписомъ духовника инока Гавріила, попечителя Ермолая Попова и поручителей купцовъ 2-й гильдіи Өедота Абрамова Долбежева, 3-й гильдіи Тимоөея Өедорова Леонтіева и 3-й гильдіи—Василія Өедорова Савинова, съ приложеніемъ печати рижской безпоповщинской больницы Печать эта изображаетъ избу съ стоящими около нея двумя человѣками, среди коихъ стоитъ мальчикъ; надъ ними надпись: „страж. (страждущимъ) покой." Внизу обозначенъ годъ —1826, сентября 27 число. Вокругъ печати слова: „печать рижскаго старообрядческаго больничнаго призрѣнія."

порядковъ туземнаго народонаселенія. Рѣчь ихъ потеряла чистоту великороссійскаго выговора и усвоила многія слова польскія и бѣлорусскія. Костюмъ, сравнительно съ костюмомъ слободскихъ раскольниковъ, утратилъ характеръ древняго великороссійскаго костюма,- измѣнился въ покроѣ и значительно замѣняется костюмомъ нынѣ общеупотребительнымъ нѣмецко - французскимъ. Очень многіе уже носятъ сюртуки, пальто платья, салопы, шляпки и даже крынолинъ. Есть и такія женщины и дѣвушки, которыя получили современное воспитаніе, играютъ на фортепіяно и объясняются свободно на нѣмецкомъ языкѣ, какъ болѣе необходимомъ среди евреевъ и нѣмцевъ. (1).

Такія явленія въ раскольничьемъ мірѣ приводятъ насъ къ тому заключенію, что цивилизація кое-какъ прививается къ раскольникамъ и даютъ право убѣждаться въ томъ, что она благодѣтельно дѣйствуетъ на ослабленіе въ нихъ фанатизма. И мы повторяемъ наше мнѣніе, выраженное выше, что путемъ образованія раскольниковъ на религіозно нравственныхъ началахъ и цивилизаціи, удобно можно достигнуть желаемой цѣли.

Но большинство раскольниковъ отъ начала раскола и до настоящаго времени, живетъ въ грубомъ невѣжествѣ и ходитъ въ туманѣ. Отъ того то у нихъ самое безпорядочное смѣшеніе религіозныхъ понятій, разногласія и безпорядки всякаго рода въ приложеніи тѣхъ понятій къ жизни по вѣрѣ, несогласіе и развратъ въ семействахъ, притворство и неладъ между супругами, строптивость въ дѣтяхъ и неповиновеніе ихъ своимъ родителямъ; порокъ ясно не отличенъ у нихъ отъ добродѣтели, добродѣтель основана не на нравствен-

---

(1) Таковы напримѣръ, изъ единовѣрцевъ дѣвушка Роголевы, Поторочина (нынѣ дама) и другія. Многіе же по наслышкѣ, отъ постояннаго обращенія съ евреями, изучаютъ языкъ усвоенный евреями, бойко объясняются съ ними. Не имѣя надобности перечислять всѣхъ извѣстныхъ намъ лицъ, умѣющихъ объясняться съ евреями, укажемъ, для примѣра, и извощика Епифана Петрушенка, который очень хорошо понимаетъ еврейскую рѣчь и объясняется съ евреями этою рѣчью.

номъ началѣ, а на приличіи, нуждѣ и расчетахъ, совѣсть усыплена и остается безъ будильника; нѣтъ у нихъ проповѣдника, не слышно голоса къ возбужденію ихъ совѣсти, и они не чувствуютъ нужды въ раскаяніи, —нѣтъ у нихъ руководителя на пути къ истинѣ. Придерживаются они своихъ наставниковъ; но кто эти наставники? не тѣже ли самые малограмотные и даже безграмотные раскольники? Для такихъ наставниковъ даже немыслимо, чтобы образованный и свѣтскій человѣкъ могъ быть хорошимъ христіаниномъ; и потому они свою паству, всѣми мѣрами, отклоняютъ отъ знанія наукъ и отъ цивилизаціи; слѣдовательно нужно обратить прежде всего вниманіе на наставниковъ. Чтобы читателя, ошибочно понимающаго расколъ и, по незнанію, сочувствующаго ему, не ввесть во искушеніе — заподозривать вѣрность нашихъ взглядовъ на расколъ, —мы въ параллель нашихъ взглядовъ приводимъ подлинныя слова одного знаменитаго—бывшаго раскольника—инока Пареенія, (нынѣ игуменъ гусицкаго монастыря москов. губ.). Въ своихъ запискахъ, (час. I. лист. 32 и 33) онъ говоритъ о раскольникахъ, не выключая изъ того числа и себя, такъ: „поелику мы не„имѣемъ епископовъ и священниковъ, то Христосъ съ „нами не пребываетъ... у насъ одни только толки и раз„доры, повседневные споры и соблазны. Странство„валъ я по Россіи почти два года, и обошелъ всѣ старо„дубскія и вѣтковскія слободы и монастыри, керженскіе „скиты и иризскіе монастыри, и прочія мѣста здѣсь въ „Молдавіи, (записки писаны въ Молдавіи) и въ Буковинѣ, „и въ Бессарабіи, и видѣлъ одни соблазны, раздоры „и толки.“ Далѣе (лист. 81.), онъ продолжаетъ такъ: „переходить изъ секты въ секту, изъ толка въ толкъ— „дѣло обыкновенное, потому что всѣ сбились съ боль„шой дороги и блуждаютъ по кривымъ дорожкамъ, „между собою всегда спорятъ, одинъ другому заграж„даютъ уста,—а всѣ неправы, всѣ поступаютъ противъ „словесъ самаго Господа нашего I. Христа... и ут„верждаются на своихъ кривыхъ толкахъ...“ (лист. 83.) „Какого между старообрядцами искать добра? они всѣ „до единаго заблудились, и идутъ сами не зная куда...

„и съ часу на часъ отъ церкви далѣе—и не найдемъ у „нихъ ничего добраго, кромѣ одной погибели.“

Вотъ что сказалъ о расколѣ, самъ раскольникъ, когда заговорила въ немъ совѣсть! Но эти немногія слова Парѳенія, приведенныя нами въ подкрѣпленіе нашихъ безпристрастныхъ взглядовъ на расколъ, составляютъ только тѣнь той темной, наводящей грусть картины, въ которой Парѳеній изобразилъ расколъ въ четырехъ частяхъ своихъ записокъ и въ книгѣ „о Промыслѣ Божіемъ.“

До тѣхъ поръ, пока расколъ жилъ и поддерживался своими внутренними силами, онъ если замѣтно не слабѣлъ, то и не укрѣплялся и не распространялся. Съ нѣкотораго же времени онъ началъ чрезвычайно быстро укрѣпляться и обширно распространяться повсюду. О такомъ безотрадномъ явленіи несутся вѣсти со всѣхъ концовъ Россіи. И журналы и газеты очень много говорятъ о современномъ движеніи и распространеніи раскола. Разбирая тѣ факты, которые предъявлены публикѣ (1), мы убѣждаемся какъ въ томъ, что окрѣпленіе и сильное движеніе раскола современно появленію въ такъ называемыхъ передовыхъ людяхъ—безвѣрія, такъ и въ томъ, что расколъ получилъ себѣ поддержку извнѣ. (2) Для неблагонамѣренности, нуждающейся въ безпорядкахъ дѣлъ церковныхъ и гражданскихъ расколъ оказался лучшимъ проводникомъ идей вредныхъ для государственнаго благоустройства. Изъ этаго выходитъ, что съ паденіемъ безвѣрія въ русскомъ обществѣ и съ развитіемъ религіозности и честности въ людяхъ, имѣющихъ сношенія съ раскольниками и имѣющихъ мѣстное вліяніе на дѣла ихъ,—расколъ долженъ ослабѣть,—особенно при распространеніи между раскольниками грамотности на религіозно православныхъ началахъ. (3)

Въ настоящее время болѣе чѣмъ когда нибудь наше образованное общество обратило свое вниманіе на во-

---

(1) Въ прав. обозрѣніи, въ эпохѣ, въ странникѣ 1861 г. статья Былинскаго, въ Днѣ, 1864 г. № 46-й, и въ другихъ журналахъ и газетахъ.

(2) Въ особенности изданіями раскольническихъ книгъ петербургскимъ книгопродавцемъ Кожанчиковымъ. Ред.

(3) При обученіи раскольниковъ грамотѣ, книги граждан-

просъ о расколѣ. Въ этомъ вниманіи мы позволяемъ себѣ видѣть основаніе, что наше общество, воспитанное въ духѣ религіозно-православномъ и русскомъ, окажетъ православному духовенству существенное пособіе въ образованіи нашего простаго народа и въ разрѣшені вопроса о расколѣ. Православное духовенство, какъ бы усердно ни трудилось надъ этими важными вопросами, по своей относительной малочисленности и условному безсилію, много сдѣлать не можетъ, если не встрѣтитъ къ своему труду сочувствія и поддержки въ благонамѣренномъ, русско-православномъ обществѣ. Намъ кажется, что вопросъ о расколѣ съ 27 октября 1800-го года, сдѣлался болѣе удобнымъ къ разрѣшенію, потому что съ этого времени церковь православная, по своему снисхожденію къ болѣзненному состоянію бывшихъ чадъ ея, благословила имъ пользоваться древлепечатными церковно-богослужебными книгами, употреблять двуперстіе, сугубить аллилуію, совершать литургію при седми просфорахъ—и вообще—всѣ любимые и уважаемые ими религіозные обряды и обычаи; но съ тѣмъ только условіемъ, чтобы эти, глаголемые старообрядцы имѣли у себя законное священство, въ зависимости отъ святѣйшаго синода.

В. В—ъ.

ской печати могутъ быть употребляемы тѣже, что и для православнаго простонародія. Что же касается обученія ихъ Закону Божію и церковно-славянской грамотности, то законъ Божій, по нашему мнѣнію, можно преподавать на основаніи старопечатныхъ катихизисовъ, а славянской грамотѣ обучать по букварямъ и книгамъ старопечатнымъ. Мною составлена книга для единовѣрцевъ и раскольниковъ, на основаніи старопечатныхъ источниковъ, которая въ одно время можетъ служить и букваремъ и катихизисомъ.

Число раскольниковъ въ Витебской губерніи, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1862 году.

Въ г. Витебскѣ раскольн. разныхъ толковъ	94	муж.	119	жен.	пола.
„ витебскомъ уѣздѣ — — — —	455	„	509	„	„
„ полоцкомъ „ — — — —	1576	„	1607	„	„
„ городокскомъ „ — — — —	194	„	194	„	„
„ суражскомъ „ — — — —	210	„	222	„	„
„ велижскомъ „ — — — —	60	„	58	„	„
„ лепельскомъ „ — — — —	220	„	228	„	„
„ невельскомъ „ — — — —	1204	„	1202*)	„	„
„ дриссенскомъ „ — — — —	110	„	133	„	„
„ себежскомъ „ — — — —	588	„	601	„	„
„ люцинскомъ „ — — — —	812	„	643	„	„
„ динабургскомъ „ — — — —	4362	„	7619	„	„

Всѣхъ же раскольниковъ, безъ единовѣрцевъ и безъ отпадшихъ отъ единовѣрія и православія въ расколъ, въ витебской губерніи числится разныхъ толковъ — 18,116 муж. 19,300 женс., обоего 37,416.

---

*) Поповцы невельскаго уѣзда нынѣ составляютъ два единовѣрческіе прихода—Стечевнего и Лютново, въчислѣ 1,197 душъ обоего пола.

III.

„АРХИВЪ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РОССІИ."

Подъ такимъ названіемъ вышли въ свѣтъ два тома трудовъ кіевской коммисіи для разбора древнихъ актовъ юго-запада Россіи. Явленіе утѣшительное! Любители русской археографіи съ нетерпѣніемъ ожидаютъ, съ радостію встрѣчаютъ и съ жадностію изучаютъ эти явленія,—эти поучительныя сказанія о быломъ нашего дорогаго отечества.

Этотъ учено—патріотическій интересъ еще удвояется, когда предъ нами воскрешаются дѣянія прошедшей жизни юго-запада Россіи. Этотъ край производитъ на насъ невыразимое обаяніе, какъ колыбель нашего православія, какъ разсадникъ нашей гражданственности и какъ могучій борецъ, отстоявшій своею грудью, искупившій своею кровью цѣлость Россіи и, въ теченіи вѣковъ, отражавшій постоянныя, судорожныя аттаки папскаго запада. Тогда какъ сѣверо-западъ Россіи почти безмолвно вложилъ свою шею въ ярмо латино—польской пропаганды, тогда какъ изъ тридцати двухъ православныхъ храмовъ Вильны оскудѣвшее числительною силой Св. Духовское братство едва могло защищать отъ захвата пропагандой одну только обитель, именемъ которой оно украшалось; тогда какъ православіе и русская народность въ краѣ изрѣдка только мерцали блѣдными, одинокими искорьками изъ подъ—пепла и мусора пришлой доктрины религіозно—политической,—юго-западъ Россіи разыгрывалъ кровавую драму съ своими притѣснителями и весьма часто изъ роли побѣжденнаго переходилъ къ роли побѣдителя. Ободряемый и утѣша-

емый святыней Кіева, онъ грозно отстаивалъ эту твердыню православія, и груды труповъ вражескихъ и развалины жилищъ шляхетскихъ и ксендзовскихъ не разъ виднѣлись по всему юго-западу, какъ слѣды народной мести, вызванной невыносимыми притѣсненіями. Кіевская духовная академія, дававшая сильныи отпоръ нравственный лжеучителямъ запада и снабжавшая энергичными дѣятелями русское общество и церковь православную, кіевское церковное братство, въ главѣ котораго стояли гетманы и митрополиты, создали въ Кіевѣ такую нравственную русскую силу, которая чувствовалась—далеко за стѣнами самаго Кіева и противъ которой были слишкомъ ничтожны всѣ усилія нашихъ супостатовъ. Отъ того на юго-западѣ Россіи была и *паліевщина,* и *коліевщина,* и *тарасова ничь,* и *хмѣльнитчина,* и *гайдаматчина,* тогда какъ на сѣверо-западѣ ничего подобнаго не было. Если мы и видимъ, что козаки исполняли приказанія мучителей, что цѣлыя толпы народа иногда только плакали, смотря какъ тиранятъ и жгутъ его мучениковъ; то это случалось или въ минуты народной спячки, или тогда, когда на сторонѣ враговъ была сила физическая, когда мучили православныхъ въ военныхъ обозахъ, въ жилищахъ мучителей и когда всякая реакція была бы прямое безуміе.

Послѣ этого весьма понятно, что документы, завѣщанные намъ древностью юго-западной Россіи, имѣютъ для насъ двойной интересъ—и обще—археологическій, и, такъ сказать, драматическій. Знакомя насъ съ бытомъ нашихъ предковъ, эти документы весьма часто поражаютъ наше вниманіе описаніемъ эпизодовъ той драмы, которая разигрывалась тамъ въ теченіи вѣковъ, и которая изумляетъ насъ упругостію реакціи, безграничною любовью къ родной вѣрѣ и народности однихъ и едва вѣроятнымъ гнетомъ и варварствомъ другихъ дѣйствующихъ лицъ.

Въ послѣднихъ двухъ томахъ „Архива юго-западной Россіи" не мало воспроизведено такихъ документовъ. Эти документы пополняютъ многіе пробѣлы въ исторіи гоненій, перенесенныхъ православіемъ отъ папства и, хоть они объемлютъ собою весьма не длинный и не слишкомъ отъ насъ далекій періодъ времени, при всемъ томъ они не теряютъ своей важности и смысла. Самая близость къ намъ тѣхъ варварствъ, которыя живописуются въ этихъ документахъ, дѣлаетъ эти варварства болѣе дикими, менѣе современными и вѣроятными. Изъ нихъ видно, что папство ведетъ своихъ миссіонеровъ не впередъ, а назадъ, что эти миссіонеры во второй половинѣ XVIII вѣка способны были возвратить гоне-

нія на христіанъ язычниковъ первыхъ трехъ вѣковъ христіанства.

Оставаясь весьма признательными за воспроизведеніе такихъ документовъ и даже считая по многимъ причинамъ необходимымъ перепечатаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ на страницахъ нашего изданія, мы не можемъ не чувствовать и не заявить тѣхъ значительныхъ, по качеству и количеству, недостатковъ, которые бросаются въ глаза и напрашиваются подъ перо при чтеніи послѣднихъ двухъ томовъ „Архива юго-западной Россіи.“

Прежде всего поражаетъ вниманіе неумѣстность въ археологическомъ изданіи огромнѣйшей статьи г. Лебендинцева, помѣщенной во 2 томѣ трудовъ *археологической* коммисіи. Коммисія сама, кажется, чувствовала эту неумѣстность и усиливалась объяснить ее, но эти усилія остались совершенно напрасны: никакая діалектика не можетъ оправдать очевиднѣйшей натяжки, никакой софизмъ не сдѣлаетъ статьи, составленной въ 1860 году, умѣстною въ археографическомъ изданіи. Если вы положите рядомъ съ древними доспѣхами и кафтанами нашихъ предковъ фракъ послѣдняго покроя, что бы вы ни говорили, это сосѣдство всякому покажется страннымъ,— фракъ слишкомъ не логично будетъ торчать между своими почтенными сосѣдями и произведетъ впечатлѣніе радикально—противоположное тому, какое производятъ на душу сіи послѣдніе. Нельзя сказать, чтобъ это сочиненіе исполняло должность предисловія, такъ какъ предисловіе въ юго-западномъ „Архивѣ“ лежитъ на своемъ обычномъ мѣстѣ.

Еще бы сочиненіе г. Лебединцева было такъ капитально, что изъ за него стоило рискнуть нѣсколько логикой и характеромъ археологическаго изданія; но это сочиненіе одно изъ слабѣйшихъ. Оно составлено въ видахъ чисто—коммерческихъ: помѣщено не безъ усилій и самоправства въ „Руководствѣ для сельскихъ пастырей,“ воспроизведено въ видѣ отдѣльныхъ оттисковъ, и теперь является въ „Архивѣ юго-западной Россіи.“ Архимандритъ Мелхиседекъ Значко—Яворскій, (1) составленъ, кромѣ того съ другою предзанятою мыслію: автору хотѣлось, во что бы то ни стало, поставить своего героя на такомъ пьедесталѣ, чтобъ онъ (герой) пришелся въ уровень Георгію Конисскому. Эта неудачная попытка повела автора жизнеописанія архимандрита Мелхиседека къ

---

(1) Такъ озаглавлено это сочиненіе.

такимъ натяжкамъ, противорѣчіямъ, резонерству, многоглаголанію и проч., которымъ нѣтъ числа и мѣры, и указаніе которыхъ не мирится съ цѣлью и объемомъ настоящей замѣтки. Эти недостатки отчасти намѣчены *практическимъ образомъ* въ редакціи, съ которою помѣщенъ „Отрывокъ" изъ жизнеописанія архимандрита Мелхиседека на страницахъ нашего журнала, и въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ редакціи къ этому „Отрывку." Не послѣднее мѣсто въ числѣ недостатковъ этого сочиненія занимаетъ не безумышленное, вѣроятно, избѣжаніе авторомъ словъ: Малороссія, малороссъ, малорусскій и замѣна ихъ словами: *Украина, украинецъ*, (1) *украинскій*. Не хотѣлось ли этимъ qui pro quo избѣжать звука Россія и усвоить Украйнѣ особенность, отдѣльность отъ Великороссіи?... Иначе, какъ, въ самомъ дѣлѣ, объясните вы полное отсутствіе словъ: Малороссія, малороссъ и проч. въ огромной статьѣ, сцена дѣйствія которой—въ Малороссіи, дѣйствующія лица котораго—русскіе малороссы?

Самая личность архимандрита Мелхиседека въ сочиненіи г. Лебединцева вышла до того колоссальною, не вѣрною самой себѣ, что портретъ почти утратилъ сходство съ оригиналомъ. Не отвергая нѣкоторыхъ услугъ, оказанныхъ мотренинскимъ игуменомъ православію въ околицѣ своего монастыря, благоговѣя предъ его исповѣдническими узами и страданіями, мы тѣмъ не менѣе отрицаемъ совершенно то міровое значеніе, какое усвоилъ этой личности г. Лебединцевъ, тотъ ореолъ величія, которымъ окружилъ онъ главу мотренинскаго игумена. Мы не смѣемъ скрыть предъ судомъ исторіи тѣхъ истинъ, что о. Мелхиседекъ нерѣдко самоправно выходилъ изъ роли игумена, за что вызывалъ со стороны даже такого кроткаго и праводлюбиваго архипастыря, каковъ былъ Гервасій, замѣчанія въ родѣ слѣдующихъ: intra regulas monasticas permaneret 2); что о. Мелхиседекъ любилъ потягаться, протестовать, судиться—до того, что даже свое православное начальство отказалось, наконецъ, принимать отъ него жалобы, что эти позывы, протесты и жалобы были поводомъ къ лишнимъ столкновеніямъ, непріятностямъ, раздраженіямъ, которыхъ, при большемъ благоразуміи и незлобіи, легко можно было избѣжать; что въ мотренинскомъ монастырѣ

(1) Такъ названъ и самъ Мелхиседекъ, тогда какъ онъ родился не въ Окраинѣ Польши, а въ *глубинѣ* Полтавской губерніи,—въ городѣ Лубнахъ.

2) «Что бы Мелхиседекъ не выходилъ изъ круга монашескихъ обязанностей.»

довольно часто проживали, изъ него выходили, около него группировались разныя сомнительныя и безпокойныя личности, что въ этомъ монастырѣ затѣвалось кое-что такое, что побудило духовное правительство перевести о. Мелхиседека изъ мотренинскаго монастыря въ переяславскій; что, наконецъ, миссія его была не слишкомъ блестяща, открыта и самолична, когда его враги требовали отъ него присяжнаго показанія—точно ли онъ ѣздилъ въ Петербургъ и Варшаву? и когда на жалобы Мелхиседека въ Петербургѣ, секретарь иностранной коллегіи Н. И. Панинъ отвѣчалъ: «будьте надежны, что къ всѣхъ пользѣ чрезъ преосвященнаго бѣлорусскаго здѣлается».

Особенно несостоятеленъ въ жизнеописаніи игумена Мелхиседека взглядъ на бѣгство его изъ дерманскаго монастыря. Авторъ жизнеописанія не могъ, или, почему то, не хотѣлъ замѣтить весьма простую причину этого бѣгства; инициативу его онъ усвояетъ самому Мелхиседеку, тогда какъ она очевидно идетъ отъ его враговъ. Они зашли въ отношеніи къ своей жертвѣ такъ далеко, что не знали какъ воротиться назадъ. Они, быть можетъ, лишили бы его тайкомъ жизни, если бы судьба Мелхиседека не сдѣлалась слишкомъ гласною, если бы въ ней не приняли участія епископъ Гервасій, Георгій Конисскій, св. Сѵнодъ, русскій посланникъ въ Варшавѣ, сама Екатерина II. Узнавъ о всемъ этомъ, поминутно ожидая повелѣнія освободить узника и отвѣтственности за его страданія, митрополитъ Володкевичъ и оффиціалъ Мокрицкій хотѣли какъ нибудь избавиться отъ своего плѣнника. Отпустить его самимъ— не позволялъ польскій гоноръ: они уронили бы себя этимъ предъ всѣмъ латино-польскимъ міромъ, признали бы самымъ дѣломъ невинность Мелхиседека и были бы поставлены въ необходимость вознаградить его за разнообразныя обиды, возвратить заграбленное имущество, отправить на свой счетъ въ монастырь. Для избѣжанія всѣхъ этихъ непріятностей и убытковъ, враги Мелхиседека устроили побѣгъ его такъ ловко, что онъ совершился, какъ будто при помощи-весьма обыкновенной случайности. Они сперва подослали къ узнику еврея, какъ личность по преимуществу способную къ исполненію секретныхъ дѣлъ, потомъ, когда узникъ не захотѣлъ ввѣрить своей участи еврею, они прислали къ Мелхиседеку русскихъ купцовъ, которыхъ предложеніемъ и услугами онъ и воспользовался. Нужно быть болѣе чѣмъ близорукимъ, чтобы не видѣть, что побѣгъ Мелхиседека совершился такъ, а не иначе. Ужели враги его, такъ глубоко запрятавшіе своего плѣнника,

такъ зорко и неусыпно сторожившіе его, позволилибъ ему, безъ своего вѣдома, такъ свободно видѣться, такъ часто трактовать о побѣгѣ съ русскими купцами, даже съ евреемъ и наконецъ бѣжать, не встрѣтивъ никакихъ препятствій, погони, остановокъ? Допустить это, значило бы допустить прямую невозможность, или точнѣе-нелѣпость.

Впрочемъ, фактическая сторона «Архимандрита Мелхиседека» не лишена интереса: авторъ его почерпнулъ изъ связки консисторскаго дѣла много данныхъ, дополняющихъ печальную картину страдавшаго, на юго-западѣ Россіи, отъ папскихъ изувѣровъ православія. Этою частію сочиненія и мы воспользовались въ «Отрывкѣ», помѣщенномъ на страницахъ Вѣстника.

Между любопытными и заслуживающими воспроизведенія документами, «Архивъ югозападной Россіи» воспроизвелъ и такіе, которые составляютъ балластъ изданія. Таковы, напримѣръ, донесенія разныхъ прихожанъ и священниковъ, въ которыхъ выражено желаніе возвратиться на прежніе приходы, оставленные священниками, по случаю преслѣдованій отъ поляковъ и уніятовъ,—прошенія объ опредѣленіи на приходъ священниковъ, о выдачѣ антиминсовъ, о перемѣщеніи съ прихода на приходъ, о предоставленіи приходовъ за сиротами и родственниками прежнихъ священниковъ, и проч. Большинство этихъ и подобныхъ имъ документовъ не заключаетъ въ себѣ ничего замѣчательнаго. Если и можно было отвесть нѣкоторымъ изъ такихъ документовъ уголокъ въ сборникѣ кіевской археографической коммиссіи, то не иначе, какъ въ одномъ экземплярѣ,—прибавивъ, въ подстрочномъ примѣчаніи, что подобныя донесенія или прошенія поступали еще и отъ такихъ-то и такихъ прихожанъ, или священниковъ. Перечитывая эти документы, невольно приходишь къ тому предположенію, что коммиссіи хотѣлось, безъ всякой критики, порядка и сортировки, исчерпать всю связку попавшагося ей въ руки консисторскаго дѣла.

На счетъ филологической стороны собранныхъ кіевской археографической коммиссіей документовъ, она дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «форма рѣчи въ *большинствѣ* актовъ, *по преимуществу* [1] русская; духъ, складъ этой рѣчи, уголъ зрѣнія, отблески чувства, самая наивность представленія,—все это запечатлѣно мѣстнымъ характеромъ. Любопытно даже это *напряженное усиліе приблизиться къ формѣ русскаго языка*, одолѣть

1.) Курсивы поставлены редакціей Вѣстника.

ее,— эта борьба съ дѣломъ, *еще мало привычнымъ,* и въ иныхъ случаяхъ явное безсиліе предъ нимъ» и проч. [1]) Въ этой замѣткѣ кое-что не мирится само съ собою, кое-что-съ исторической истиной; къ дѣлу чисто филологическому притянутъ «уголъ зрѣнія, отблески чувства, наивность представленія»... Всѣ эти особности (если онѣ есть) прежняго малорусскаго міросозерцанія не имѣютъ ничего общаго съ языкомъ, на которомъ оно выразилось: «духъ, складъ рѣчи» (тоже что и «форма») не въ «*большинствѣ*» только воспроизведенныхъ коммисіей документовъ, а во всѣхъ документахъ,— русскій тогдашній, не безъ примѣси, конечно, нигдѣ неизбѣжныхъ, провинціялизмовъ, обязанныхъ своимъ существованіемъ вліянію сосѣдства. Говоръ простолюдья малорусскаго въ XVII вѣкѣ началъ портиться; постепенно формировалось то настоящее малорусское нарѣчіе, которое установилось первоначально въ запорожской Сѣчи, а потомъ перешло и къ сосѣдямъ, и въ которомъ выразилась смѣсь племенъ и нарѣчій, составлявшихъ эту оригинальную вольницу, эту безпокойную корпорацію. Но языкъ школы, юрисдикціи, политики, дипломатіи—вообще языкъ письменный *всегда, вездѣ во всей Малороссіи былъ русскій.* Такимъ языкомъ написаны и документы, воспроизведенные «Архивомъ югозападной Россіи»., подобно тому какъ имъ написаны и *всѣ вообще* документы, завѣщанные намъ стариною *всей* западной Россіи. Или мы не такъ чутки и зорки, какъ собиратели «югозападнаго Архива», только мы нигдѣ не подслушали, не замѣтили въ документахъ этого Архива «напряженнаго усилія приблизиться къ формѣ русскаго языка, одолѣть ее»,—не замѣтили «борьбы съ дѣломъ малопривычнымъ;» напротивъ, мы вездѣ замѣтили въ этихъ документахъ тотъ *общеупотребительный* тогдашній языкъ русскій, который выработанъ древнею кіевской академіей, которымъ свободно владѣли всѣ учившіеся люди, и который Прокоповичами, Яворскими и безчисленными другими русскими-духовными и свѣтскими-дѣятелями, получившими образованіе въ этой академіи, распространенъ по *всей* Россіи. Вообще «напряженныя усилія, борьбу съ непривычнымъ дѣломъ» мы смѣло можемъ назвать сочиненіемъ—тѣмъ болѣе, что не имѣемъ возможности забрать личныхъ показаній и юридическихъ справокъ на счетъ того, точно ли о. Мелхиседеку, преосвященному Гервасію и ихъ современникамъ отечественный-литератур-

1) Предисловіе, стран. XIV.

ный языкъ ихъ эпохи доставался съ бою,—посредствомъ «напряженныхъ усилій, борьбы съ дѣломъ непривычнымъ.» И къ чему эти усилія, эта борьба, когда никто и ничто къ нимъ не обязывали, когда такимъ же языкомъ писали къ русскимъ короли, Екатерина, Репнинъ, Сунодъ, всѣ мѣста и лица—и тѣмъ самымъ доказали, что этотъ языкъ былъ общерусскимъ, вполнѣ знакомымъ всякому, особенно образованному русскому.—

Но всего болѣе непостижимо для насъ уродство русской письменности «Архива югозападной Россіи» посредствомъ латинопольской буквы *G—g*, употребляемой часто вмѣсто Г-г. Это нововведеніе мы имѣемъ полное право назвать ничѣмъ неизвиняемымъ, ничѣмъ необъяснимымъ самоправствомъ, искаженіемъ нашего алфавита, поддакиваньемъ «Основѣ» и львовской «Метѣ.» Мы съ праведнымъ негодованіемъ встрѣтили латинопольское—*g* въ этихъ хохломанскихъ органахъ, мы имѣемъ полное право встрѣтить его съ такимъ же чувствомъ и въ «Архивѣ югозападной Россіи.» Но, къ дѣлу! Латино-польской буквы *G—g* нѣтъ въ русскомъ алфавитѣ, отнюдъ не должно быть ее и въ русской письменности. Никакія оговорки, толкованія, натяжки не извиняютъ ея употребленія; всѣ онѣ ниже всякой критики; букву *g* нужно швырнуть вонъ изъ югозападнаго «Архива.» Той чести, которой удостоилось латино-польское *g*, не удостоились греческія *кси* и *пси*, тогда какъ послѣднія и родственнѣе намъ, и больше имѣютъ филологическихъ правъ на перенесеніе изъ славянскаго (не говоримъ: греческаго) алфавита въ родной ему русскій; такъ какъ греческое *кси* и *пси* не можетъ быть замѣнено одною буквою, подобно латино-польскому *g*, вполнѣ у насъ замѣняемому русскимъ *г*. Мы говоримъ *g*олова, *g*осподинъ, дру*g*ой и проч., а пишемъ: голова, господинъ, другой и проч. Еслибъ и югозападный «Архивъ» писалъ: Гловацкій, Гдѣшицкій, Сангушко (такихъ фамилій и теперь много), мы произносили бъ ихъ, и безъ буквы *G*, *G*ловацкій, *G*дѣшицкій, Сан*g*ушко и проч. А если бы произносили и такъ, какъ пишемъ, грѣха тутъ было бы далеко меньше, чѣмъ уродство нашего алфавита буквою, заимствованною изъ чуждаго (даже враждебнаго) намъ алфавита. Гловацкій, [1]) происходитъ отъ—*голова*, Гдѣшицкій отъ *гдѣ* и безъ латино-польскаго *g*. Правда, составитель предисловія къ югозападному «Архиву» извинился предъ греческими *кси* и *пси*

1) Знаменитый ученій славянинъ галицiйскій протестуетъ противъ тѣхъ, которые пишутъ его фамилію Гловацкій (безъ *G* даже) и требуетъ, чтобъ она была писана: Головацкій (отъ голова, а не głowa).

за ихъ изгнаніе изъ документовъ, но мы думаемъ, что не всякое извиненіе заглаждаетъ преступленіе. Оговорка, что «*кси* и *пси* не представляютъ звуковой самостоятельности и могутъ быть замѣнены соотвѣтствующими буквами русскаго алфавита, не стоила-бъ опроверженія, если бы касалась менѣе дорогаго для насъ предмета. Мы думаемъ, что та буква болѣе имѣетъ правъ на самостоятельность, которой нельзя замѣнить иначе какъ двумя буквами, чѣмъ та, которая совершенно удобно, безъ всякой даже фонетической утраты, замѣнялась и замѣнятся одною; а въ отношеніи фотографической вѣрности передачи документовъ, буквы *G*, *кси* и *пси* должны бы пользоваться равными правами.

Не думаемъ, чтобъ и въ подлинныхъ документахъ между русскими буквами вездѣ торчало латино-польское *g*; по крайнѣй мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ эти документы воспроизведены въ югозападномъ «Архивѣ», весьма часто стоитъ русское *г* вмѣсто латино-польскаго *g*, такъ что одно и тоже слово десять, примѣрно, разъ пишется чрезъ *Г.—г.* и одинъ только чрезъ *G.—g.* А если бы, во времена уніи, какъ нибудь пропаганда и втянула въ нашъ алфавитъ чужую букву, мы имѣемъ теперь полнѣйшее право, на насъ лежитъ даже священная обязанность, изгнать этого эмиссара, этого миссіонера изъ нашей почвы. Нашихъ предковъ могла увѣрить пропаганда, что въ фонетикѣ ихъ азбуки нѣтъ звука *G*, существующаго въ произношеніи нѣкоторыхъ словъ, и нѣкоторымъ образомъ была права, потому что наши предки дѣйствительно произносили[1] *г* за *г*, то есть такъ какъ писали; но для насъ и этотъ изворотъ не имѣетъ никакого смысла; такъ какъ изъ нашего говора почти изгнанъ звукъ *г*— и вездѣ, гдѣ стоитъ эта буква въ письмѣ, она замѣняется, какъ сказано выше, въ произношеніи звукомъ латинскаго *g*.

Не менѣе непріятно поражаютъ вниманіе неисправности изданія «Архива югозападной Россіи.» Разныхъ промаховъ печати въ этомъ изданіи столько, сколько ихъ нѣтъ ни въ какомъ ученомъ трудѣ. Если подобныхъ неисправностей не всегда легко избѣжать въ маловажной, тороплівой статьѣ періодическихъ изданій; то въ ученыхъ изданіяхъ ихъ избѣжать весьма можно и необходимо; если и въ газетныхъ статьяхъ промахи печати производятъ непріятное впечатлѣніе, то тѣмъ сильнѣе это впечатлѣніе при чтеніи неисправныхъ ученыхъ изданій, особенно

1) И теперь въ западной Россіи, особенно въ простолюдьи, г произносится за г.

документовъ, которые требуютъ бозукоризненной исправности и, такъ сказать, библейской точности и непогрѣшимости изданія.

Желалось бы также, чтобъ издатели югозападнаго «Архива» какъ нибудь устранили полную темноту нѣкоторыхъ словъ, невсегда понятныхъ и для всякаго образованнаго читателя, тѣмъ болѣе непонятныхъ для массы. Безъ устраненія этой темноты, цѣль изданія документовъ не вполнѣ будетъ достигнута. Замѣчаніе это имѣетъ сугубое значеніе въ примѣненіи къ словамъ и оборотамъ латинскимъ, такъ часто встрѣчающимся въ старыхъ манускриптахъ западной Россіи, равно и къ документамъ, писаннымъ на польскомъ языкѣ.

ОТВѢТЪ ГАЗЕТѢ LE MONDE, УСИЛИВАЮЩЕЙСЯ ДОКАЗАТЬ, ЧТО НАШЕ РУССКОЕ МНѢНІЕ ОБЪ ІОАСАФАТѢ КУНЦЕВИЧѢ НЕСПРАВЕДЛИВО.

Много темныхъ латинскихъ дѣлъ совершено безнаказанно, ко вреду русской земли, часто даже на самой русской землѣ. Довольно вспомнить торжественное перенесеніе подложныхъ мощей воображаемаго мученика Боболи, его канонизацію и чествованіе на всемъ пространствѣ западной Россіи; довольно вспомнить странствованіе мощей св. Виктора съ проповѣдями къ западно-русскому народу, съ торжественною профанаціею уніатскихъ священниковъ холмской епархіи, осмѣлившихся заподозрить подлинность этихъ мощей; довольно вспомнить эти одни факты, чтобы имѣть понятіе о мрачности и безнаказанности у насъ латинскихъ дѣлъ. Къ этой же категоріи темныхъ латинскихъ дѣлъ принадлежитъ и канонизація полоцкаго уніатскаго архіепископа Іоасафата Кунцевича, убитаго православными въ Витебскѣ въ 1623 г.—Одна только особенность въ этомъ послѣднемъ явленіи бросается въ глаза какъ необыкновенная особенность. Русское общественное мнѣніе, оставшееся безмолвнымъ при другихъ темныхъ дѣлахъ латинства, обозначилось ясно и единодушно по поводу канонизаціи Кунцевича. Во всѣхъ нашихъ важнѣйшихъ періодическихъ изданіяхъ, какъ общественныхъ, такъ и оффиціальныхъ, появились и продолжаютъ появляться статьи, въ которыхъ слышится одинъ голосъ: папа канонизуетъ недостойнаго человѣка, неистоваго мучителя русскаго на-

рода—и этотъ единодушный приговоръ основывается на такихъ доказательствахъ, что и сотой доли ихъ достаточно, чтобы уничтожить малѣйшее сомнѣніе на счетъ Кунцевича.

Латинскій міръ смущенъ какъ этимъ небывалымъ до сихъ поръ единодушіемъ нашего русскаго приговора надъ Кунцевичемъ, такъ и его силою, непоколебимостію. Въ особенности смущены тѣ, кому больше всего нужна канонизація Кунцевича, т. е. поляки, агитаторы заграницей польской *справы*. Они накинулись на всѣ свои сумы, узелки, чемоданы, на-скоро захваченные съ родины или извнутри Россіи, перерыли ихъ, пересмотрѣли всѣ имѣющіяся въ нихъ доказательства святости Кунцевича, снабдили ими бенедиктинца Гэпэна, который на ихъ данныхъ и подъ ихъ руководствомъ сталъ писать новую біографію Кунцевича (старая біографія этого святаго, составленная Сушей и недавно вновь изданная, должно быть, признана недостаточною). Новый, во всѣхъ отношеніяхъ, трудъ совершенно неизвѣстнаго до сихъ поръ патера Гэпэна, вѣроятно, явился бы въ свѣтъ не такъ скоро; но одно неожиданное обстоятельство заставило поборниковъ польской справы поторопить этого писателя и обнародовать какъ бы извлеченіе изъ его труда. Въ прошедшемъ маѣ мѣсяцѣ въ *Journal de St.-Pétersbourg* появилась о Кунцевичѣ статья, или лучше сказать, извлеченіе изъ двухъ важнѣйшихъ документовъ, доказывающихъ, со всею ясностью, какой злой человѣкъ былъ этотъ, ожидающій канонизаціи, уніатскій святой, т. е. извлеченія изъ жалобы православныхъ жителей западной Россіи 1623 г. и извѣстное письмо къ Кунцевичу Льва Сапѣги. Появленіе такихъ капитальныхъ свидѣтельствъ о злыхъ дѣлахъ новаго святаго на общедоступномъ въ Европѣ языкѣ не могло не озадачить ревнителей Кунцевича. Но что всего хуже для нихъ—по счастливому случаю, о появленіи въ *Journal de St.-Pétersbourg* статьи о Кунцевичѣ было телеграфировано въ важнѣйшія западно-европейскія редакціи, которыя тотчасъ и заговорили объ этомъ. Ревнители славы Кунцевича поторопили патера Гэпэна выступить немедленно съ защитой Кунцевича. Патеръ Гэпэнъ составилъ три статьи въ опровержепіе русскаго приговора о Кунцевичѣ и напечаталъ ихъ недавно въ ультрамонтанской газетѣ *le Monde* (1865 г. №№ 173-й, 175-й и 179-й), въ видѣ писемъ къ главному редактору *Journal de St.-Pétersbourg*.

Когда появилось у насъ извѣстіе о предположенной канонизаціи Кунцевича, мы прежде другихъ начали печатать статьи объ этомъ фанатикѣ и возобновили въ памяти русскихъ людей,

интересующихся этимъ дѣломъ, тѣ главнѣйшія основанія, на которыхъ утверждается русскій приговоръ о Кунцевичѣ. На насъ, слѣдовательно, прежде другихъ падаетъ отвѣтственность за справедливость этихъ оснований, тѣмъ болѣе, что нашъ оппонентъ явно указываетъ на статью о Кунцевичѣ г. Кояловича, помѣщенную въ *Русскомъ Инвалидѣ*[1]). Мы поэтому и принимаемъ на себя обязанность въ лицѣ г. Кояловича отвѣчать патеру Гэпэну, предоставляя *Journal de St.-Pétersbourg* и другимъ газетамъ пользоваться этою статьею по ихъ усмотрѣнію.

I.

Читая статьи патера Гэпэна, мы невольно задумались надъ двумя орудіями папскаго господства надъ латинскимъ монашествомъ и схоластикой. Патеру Гэпэну задали задачу, во что бы то ни стало, очистить память Кунцевича. Задача касается предметовъ незнакомыхъ ему и неодолима при какомъ угодно знаніи дѣла; но патеръ Гэпэнъ, какъ дисциплинированный воинъ папства выполняетъ ее съ усердіемъ истинно поразительнымъ: онъ смѣло, не смотря ни на что, идетъ въ смертельный бой противъ истины, вопіющей о признаніи. Но какъ же, однако, идти въ такой бой, съ какимъ оружіемъ? Онъ вооружается старымъ оружіемъ, заржавѣвшимъ и отвергнутымъ всѣмъ цивилизованнымъ міромъ, но глубоко уважаемымъ и неизмѣнно употребляющимся до сихъ поръ въ латинствѣ—оружіемъ, можно сказать, спеціально латинскимъ—схоластикой, т. е. такимъ оружіемъ, съ которымъ писатель не имѣетъ надобности справляться съ дѣйствительностію, а довольствуется только количествомъ и сортировкой аргументовъ. Для невѣждъ—это самый пригодный способъ убѣжденія; они будутъ поражены множествомъ, искусственностію аргументаціи и признаютъ правымъ пустѣйшаго антагониста.

При всемъ нашемъ желаніи имѣть о патерѣ Гэпэнѣ самое лучшее мнѣніе и предполагать въ немъ самыя лучшія намѣренія при разъясненіи спора о Кунцевичѣ, мы никакъ не можемъ сказать, чтобы онъ былъ чуждъ такого разсчета, т. е. разсчета

---

1) Статья на туже тему напечатана въ Витеб. губ. Вѣдомостяхъ за 1858 г. NN. 41 по 52 и въ Вѣстникѣ западной Россіи за 1862 г. книж. 2 и 3. Ред.

на невѣжество читателей. Мы принуждены будемъ не разъ доказывать это неопровержимыми данными.

Авторъ начинаетъ свою защиту Кунцевича нѣсколькими весьма странными заявленіями. Такъ, напримѣръ, онъ удивляется, что телеграмма о появленіи въ *Journal de St.-Pétersbourg* статьи о Кунцевичѣ обѣщала документы *неизданные*, которые между тѣмъ оказались *извѣстными*, хотя автору весьма хорошо извѣстно, что эти документы дѣйствительно не были изданы на общедоступныхъ въ западной Европѣ языкахъ, а первый изъ нихъ до послѣдняго времени совершенно былъ неизвѣстенъ,— и самъ же авторъ ниже приводитъ изъ него мѣсто по имѣющейся у него рукописи, не зная того, что сохранились два печатныхъ экземпляра этого документа. Не говоримъ уже ничего о томъ, что патеръ Гэпэнъ отнесся съ такою щепетильностію къ телеграфическому оповѣщенію.

Еще болѣе странно другаго рода изумленіе автора. Онъ удивляется, почему у насъ занимаются невинными жертвами фанатизма Кунцевича, павшими слишкомъ два столѣтія тому назадъ, а не занимаются жертвами настоящаго времени—жертвами будто бы діоклетіановскихъ законовъ, въ западной Россіи,—латинянами, уніатами?! Намъ странно это удивленіе, потому что, если бы авторъ хотя немного былъ знакомъ съ нашими газетами, если бы онъ даже знакомъ былъ съ одною газетою *Journal de St.-Pétersbourg*, то онъ вспомнилъ бы, что о такъ называемыхъ имъ жертвахъ діоклетіановскихъ законовъ у насъ говорилось и говорится не мало. Ему довольно было бы вспомнить списки другихъ жертвъ, замученныхъ тѣми, кого онъ считаетъ жертвами діоклетіановскихъ законовъ, или недавно печатавшіеся списки несчастныхъ семействъ, повергнутыхъ въ горе и нищету тѣми же жертвами діоклетіановскихъ законовъ, и въ немъ уничтожилось бы всякое удивленіе и недоумѣніе на счетъ того, будто мы не занимаемся такъ называемыми имъ жертвами діоклетіановскихъ законовъ. Мы, напротивъ, скажемъ автору, что у насъ объ этихъ, такъ называемыхъ имъ жертвахъ діоклетіановскихъ законовъ, прилагается даже научная заботливость. Мы лично оканчиваемъ собирать матеріалы для исторіи возсоединенія уніатовъ. Извѣстно намъ, что составляется исторія и послѣдней польской смуты. Всему—свое время. Будутъ кончены эти труды, авторъ и его читатели увидятъ въ надлежащемъ свѣтѣ, вмѣстѣ съ жертвами неистовствъ Кунцевича, и тѣ жертвы діоклетіановскихъ законовъ, за которыя онъ пылаетъ гнѣвомъ противъ митрополита Іо-

сифа Сѣмашки и противъ графа Муравьева. Мы можемъ увѣрить автора и его читателей, что неопровержимые документы заставятъ ихъ, если въ нихъ есть чувство правды, признать невинныя жертвы діоклетіановскихъ законовъ жертвами или виновниками самыхъ недостойныхъ интригъ латинства или полонизма, а въ тѣхъ двухъ лицахъ, на которыхъ патеръ Гэпэнъ гнѣвается за эти жертвы, они увидятъ славныхъ и дорогихъ Россіи людей нашего новѣйшаго времени.

Очистивъ такимъ страннымъ способомъ поле для словопреній о Кунцевичѣ, патеръ Гэпэнъ ударяется въ еще болѣе дикую странность съ первыхъ строкъ, когда переходитъ къ самой защитѣ Кунцевича. Принимаясь за дѣло, такъ мало ему извѣстное, и находясь, поэтому, подъ ближайшимъ руководствомъ поляковъ, онъ открываетъ свою защиту новаго святаго чисто польскимъ, шляхетскимъ воззрѣніемъ на вещи; ему не нравится, что мы представляемъ Кунцевича сыномъ торговца-сапожника. Пишущихъ о западно-русскихъ дѣлахъ не съ польской точки зрѣнія меньше всего можно заподозрить въ узкихъ аристократическихъ воззрѣніяхъ и, слѣдовательно, въ способности глумиться надъ происхожденіемъ человѣка изъ простаго званія. Мы говоримъ о происхожденіи Кунцевича отъ торговца-сапожника потому, что это фактъ, засвидѣтельствованный на сеймѣ въ 1620 году, современникомъ и землякомъ Кунцевича—депутатомъ Волынской области, Лаврентіемъ Древинскимъ [1]), и останавливаемся на немъ потому, что почитатели Кунцевича и самъ Кунцевичъ недостаточнымъ образомъ отвергаютъ его. Почитатели Кунцевича пишутъ его жизнеописанія съ гербовою виньеткой, и самъ Кунцевичъ, по свидѣтельству того же Древинскаго, сочинилъ себѣ шляхетскую фамилію Кунцевича. Въ этомъ мы видимъ неоспоримое тщеславіе Кунцевича, его оторванность отъ народа и первые задатки того презрѣнія къ народнымъ убѣжденіямъ, которымъ Кунцевичъ отличался во всю жизнь свою.

Авторъ ниспровергаетъ дѣйствительность этихъ тенденцій въ Кунцевичѣ тѣмъ что, по изображенію Мороховскаго, Суши и другихъ біографовъ Кунцевича, онъ былъ смиреннымъ, кроткимъ, незлобивымъ. Какой вѣры заслуживаетъ вся эта плеяда біографовъ Кунцевича—это можно ясно видѣть изъ одного слѣдующаго факта. Когда убитъ былъ Кунцевичъ и его стали прослав-

1) Бантышъ-Каменскій. стр. 72.

лять, какъ мученика, то въ Волынской области стали отыскиваться люди, которымъ желательно было прикоснуться, такъ сказать, къ славѣ Кунцевича, записаться въ родство къ нему. Тотъ же самый Мороховскій, котораго цитируетъ авторъ, далъ свидѣтельство двоимъ изъ такихъ родственниковъ Кунцевича,— свидѣтельство, въ которомъ онъ говоритъ, что они—урожденные шляхтичи, между тѣмъ, какъ даже патеръ Гэпэнъ не отвергаетъ, что Кунцевичъ происходилъ изъ купеческаго званія (почетнаго, впрочемъ, по словамъ патера Гэпэна), и въ спискахъ нобилизованныхъ того времени мы не находимъ фамилій этихъ родственниковъ [1]). Если ближайшій и важнѣйшій свидѣтель о Кунцевичѣ (Мороховскій—современникъ Кунцевича и былъ епископомъ на его родинѣ) дѣлалъ такія фальши, то что сказать о Сушѣ— этомъ присяжномъ сочинителѣ всего необыкновеннаго и чудеснаго въ уніи? Задумали возвести Кунцевича въ блаженные, едва онъ успѣлъ истлѣть (возвели въ блаженные черезъ 17 лѣтъ послѣ смерти), понятное дѣло, что онъ долженъ былъ оказаться и смиреннымъ и кроткимъ, вспомнили даже его дѣтство, въ которомъ нашли доказательство его предъизбранія въ святые. Такъ, напримѣръ, говорили, что будто бы однажды въ церкви, сидя на рукахъ матери, онъ увидѣлъ, что огненная стрѣла отдѣлилась отъ креста и прошла въ его сердце. Умершее поэтизируется: эту истину никто не прилагаетъ къ дѣлу заботливѣе поляковъ, которые опоэтизировали Кунцевича. Патеръ Гэпэнъ, хотя не полякъ, но какъ ученикъ поляковъ въ дѣлѣ сочиненія восхваленій Кунцевичу, увлекся ихъ манерой и, подобно имъ, опоэтизировалъ намъ Кунцевича. Онъ даже, какъ вѣрный ученикъ, показалъ въ этомъ отношеніи особенную щедрость: не только Кунцевичъ, но и все, что было видно вокругъ его—такъ же опоэтизировано авторомъ, спотря по тому, какъ было ему нужно; все носитъ на себѣ черты или незлобія, или наивности и непониманія сущности дѣла: опоэтизированы польское правительство, уніатское духовенство; опоэтизированы хорошія и даже дурныя свойства польскаго духовенства и польскаго общества. До какой степени руководители патера Гэпэна овладѣли имъ въ этомъ случаѣ, это можно видѣть изъ слѣдующихъ фактовъ:

1) Патеръ Гэпэнъ, желая ниспровергнуть мысль автора статьи *Journal de St.-Pétersbourg*, что унія—новоизобрѣтенное вѣро-

---

1) Сказанное свидѣтельство Мороховскаго—подлинникъ, хранящійся въ уніатскомъ архивѣ при святѣйшемъ сѵнодѣ, связка Ж, № 431-й.

исповѣданіе, говоритъ, что уніаты были вѣрны восточнымъ обрядамъ, и ссылается на брестскія грамоты объ уніи 1596 г. Ему на умъ не приходитъ, или онъ не хочетъ знать, что сами уніаты не разъ вопіяли по поводу замысла латинянъ истребить до остатка уніатство въ бывшемъ польскомъ государствѣ [1]). Онъ также не хочетъ знать и того, что въ настоящее время партія уніатовъ въ холмской эпархіи пришла къ позорному, противорѣчащему всѣмъ историческимъ ихъ преданіямъ и народнымъ началамъ признанію законности самыхъ вопіющихъ искаженій въ уніатствѣ восточныхъ обрядовъ. Ему еще менѣе доступно знаніе того, что самъ Кунцевичъ лицемѣрнѣйшимъ образомъ привязанъ былъ къ восточнымъ обрядамъ, слѣдуя тактикѣ тогдашнихъ уніатовъ— показывать народу, что унія ничѣмъ не отличается отъ православія [2]), и былъ на столько ловокъ въ этомъ отношеніи, что когда вступилъ на полоцкую архіепископію, то жители его епархіи колебались, не православный ли онъ архіерей. Мало того, убѣжденіе это раздѣлялось многими и за предѣлами полоцкой архіепископіи. Въ 1620 г. даже въ Кіевѣ нѣкоторые думали, что онъ пріѣдетъ туда и будетъ вмѣстѣ съ іерусалимскимъ патріархомъ рукополагать іерарховъ для православной западно-русской церкви [3]).

2) Стараясь ниспровергнуть мнѣніе автора *Journal de St.-Pétersbourg*, что при королѣ Сигизмундѣ III совершались жестокости надъ православными, авторъ наивно высказываетъ мысль, что въ Польшѣ короли ничего дурнаго не могли сдѣлать. «Вы утверждаете, м. г.,—обращается патеръ Гэпэнъ къ главному редактору Journal de St.-Pétersbourg",— что унія была плодомъ неумолимыхъ гоненій польскихъ королей противъ схизматическаго населенія ихъ государствъ,—гоненій, воздвигаемыхъ ими по внушенію латинскаго духовенства. Вы забываете, что король въ

1) Эти вопли слышны въ томъ же донесеніи Рутскаго къ римской контрегаціи распространенія вѣры, на которое ссылается самъ авторъ. Подробнѣе они изложены въ книгѣ «O dziesięcinach», соч. Поцѣя.

2) Лицемѣріе Кунцевича въ этомъ отношеніи, его глубоко вкоренившееся іезуитство, можно видѣть изъ разсказа о немъ самаго Суши, который говоритъ, что Кунцевичъ обращалъ знатныхъ еретиковъ то въ унію, то въ *латинство,* а также изъ того, что іезуиты называли Кунцевича «noster episcopus — *нашъ епископъ*» и прославляли его, какъ лучшаго своего собрата.

3) Свидѣтельства указаны во 2 т. нашей Исторіи уніи, въ отдѣлѣ о Кунцевичѣ.

Польшѣ не могъ никого преслѣдовать. Не сравнивали ли его съ пчелиной маткой, которая распредѣляетъ своимъ подругамъ медъ, но не имѣетъ жала, чтобы жалить.» Очевидное дѣло, что авторъ на этотъ разъ находится подъ вліяніемъ западно-европейскихъ воззрѣній и по нимъ судитъ о польскихъ дѣлахъ. Въ западной Европѣ конституціонное правленіе устроено или направлено къ тому, чтобы короли не могли дѣлать зла и дѣлали только добро. Автору кажется, что и въ Польшѣ было точно такъ же. Онъ не знаетъ или знать не хочетъ, что конституціонное правленіе въ Польшѣ устроено было именно на оборотъ,—короли польскіе не могли дѣлать добра, но зла могли дѣлать весьма много. Дѣла умныя, добрыя,—дѣла помимо страстей и частныхъ интересовъ, встрѣчали неодолимыя преграды, но дѣла злыя, поддерживаемыя дурными страстями партій или народнымъ фанатизмомъ, были весьма удобны. Сигизмундъ и воспользовался этими страстями—ненавистію къ иновѣрцамъ, и окружилъ себя исключительно фанатиками. Мы до крайности изумились, встрѣтивъ у патера Гэпэна поэтизированіе Сигизмунда III. Это со стороны патера Гэпэна шагъ по истинѣ поэтическій, въ смыслѣ самой дурной, необузданной вольности. Всѣ сколько нибудь серьезные писатели Польши единогласно утверждаютъ, что Сигизмундъ былъ дурной король, много зла надѣлалъ Польшѣ. Иные даже, какъ напримѣръ, Лелевель, начинаютъ съ него исторію паденія Польши, и главнымъ его дѣломъ, главною причиною начала паденія Польши признаютъ Сигизмундовы гоненія за вѣру русскаго народа западной Россіи: одному патеру Гэпэну Сигизмундъ III кажется кроткимъ, незлобивымъ! Сейчасъ мы увидимъ дѣла кротости этого іезуитскаго короля.

Что касается до латинскаго духовенства и польскаго общества, то авторъ прибѣгаетъ къ поэтизированію e contrario. Онъ говоритъ, что современники представляютъ это духовенство и общество безразличнымъ или враждебнымъ уніи, и приводитъ донесеніе въ Римъ уніатскаго митрополита Рутскаго, который жалуется, что поляки, духовные и свѣтскіе, не покровительствуютъ уніи, а, напротивъ, благопріятствуютъ схизматикамъ,—слѣдовательно, не было и не могло быть преслѣдованія православныхъ. Не можемъ не замѣтить здѣсь прежде всего, что авторъ дѣлаетъ весьма нехорошо, выписывая свидѣтельство не въ такой полнотѣ, какая необходима для правильнаго взгляда на дѣло. Выписавъ слѣдующія слова Рутскаго:—«Между католиками латинскаго обряда почти всѣ свѣтскіе и большая часть духовныхъ, вмѣсто того, чтобы помогать распространенію уніи, покровительствуютъ то

открыто, то тайно схизматикамъ. На сеймахъ мы съ трудомъ находимъ двухъ человѣкъ, которые бы серьезно пожелали принять нашу сторону»—авторъ останавливается, тогда какъ непосредственно затѣмъ слѣдуютъ совершенно необходимыя слова:—«Когда мы выступаемъ публично (на сеймахъ) съ нашимъ дѣломъ, то они нападаютъ на насъ, будто (нужно читать—что) мы преслѣдуемъ схизматиковъ, возмущаемъ общественное спокойствіе рѣчи-посполитой, что ради насъ не можетъ пройти спокойно ни одно совѣщаніе на сеймѣ, что мы должны бы принаровляться къ нимъ» (дальше говорится, что эти нападки несправедливы). Читатели согласятся, что умолчанія въ серьезномъ дѣлѣ непозволительны, потому что при нихъ дается фальшивое понятіе о дѣлѣ, нельзя знать, почему свѣтскіе и большая часть духовныхъ латинскихъ такъ были враждебны уніи? Между тѣмъ, если выписать это свидѣтельство, какъ это сейчасъ сдѣлано, то всякій видитъ, что недоброжелатели уніи не безъ основанія не любили ее, и что только Рутскій и его единомышленники *почитали эти основанія*. А что Рутскій былъ недоволенъ бѣлымъ латинскимъ духовенствомъ и мірянами—въ томъ нѣтъ ничего удивительнаго. Ему, какъ и Кунцевичу, желательно было, чтобы всѣ люди, всѣ силы польскаго государства были двинуты во имя уніи и поражали схизму, не смотря ни на что. Виновникъ кровопролитныхъ смутъ въ Вильнѣ въ 1609, 1614 и 1620 годахъ, поджигатель къ тому же Кунцевича, естественно, былъ недоволенъ такими людьми, какъ Левъ Сапѣга, и такими дѣлами, какъ проектъ примиренія уніатовъ съ православными.—Наконецъ, этотъ питомецъ и усерднѣйшій слуга іезуитовъ, насадитель іезуитскихъ порядковъ въ уніи, пылалъ ненавистію къ бѣлому духовенству, своему и латинскому [1]). Объ немъ Рутскій только и говоритъ въ своемъ донесеніи въ Римъ, подобно тому, какъ объ немъ—о бѣломъ латинскомъ дурно отзывались и другіе писатели, глухо упомянутые авторомъ, т. е. собственно папскіе нунціи. Но ни нунціи, ни Рутскій не отзывались дурно въ этомъ отношеніи о монашескихъ орденахъ латинскихъ и объ іезуитахъ въ особенности; а въ этомъ-то и вся сила.—Вся папская пропаганда въ западной Россіи, всѣ злѣйшія дѣла Сигизмунда ведены были монахами, особенно іезуитами. Впрочемъ, мало по малу и въ бѣлое латинское духовенство вво-

1) Нерасположенность его къ бѣлому духовенству подробно доказывается, на основаніи документовъ въ дѣлѣ о возстановленіи въ Вильнѣ уніятской митрополіи 1609—11 г., хранящемся въ св. сунодѣ, въ архивѣ бывшей уніатской коллегіи.

лились приверженцы іезуитовъ, проникнутые тѣмъ же духомъ ненависти къ иновѣрцамъ и готовности употребить по отношенію къ нимъ всякія насилія. Довольно упомянуть здѣсь львовскаго архіепископа Суликовскаго, нападавшаго па православныя церкви съ вооруженными толпами, и Мацѣевскаго, получившаго кардинальство за ревностное участіе въ дѣлахъ уніи. Къ тому времени, о которомъ говоритъ авторъ, т. е. къ 1622 г., уже почти вся латинская іерархія поражена была язвами іезуитства 1). Ниже мы увидимъ достойныя этого направленія дѣла и Сигизмунда, и латинскаго духовенства, и вообще польскаго общества.

II.

Все, что мы до сихъ поръ разбирали изъ филиппики патера Гэпэна, составляетъ не болѣе, какъ приготовленіе его къ апоѳеозѣ Кунцевича. Главная цѣль его ниспровергнуть два вышеуказанныхъ капитальныхъ у насъ русскихъ документа неистовствъ Кунцевича,—жалобу, представленную на сеймѣ въ польскій сенатъ отъ имени всѣхъ православныхъ жителей польскаго королевства, въ которой, между прочимъ, говорится, что Кунцевичъ силою отнимаетъ православные церкви и даже приказываетъ вырывать тѣла усопшихъ и повергать на съѣденіе собакамъ,—и, затѣмъ, письмо къ Кунцевичу Льва Сапѣги.

Аргументація патера Гэпэна, въ опроверженіе этихъ памятниковъ, въ высшей степени замѣчательна.

Что касается до жалобы православныхъ, то авторъ сомнѣвается прежде всего въ ея подлинности. Основываетъ онъ свое сомнѣніе на томъ, что авторъ статьи *Journal de St.-Pétersbourg* не указалъ, откуда взялъ эту жалобу, и главное, что жалоба показана въ этой газетѣ подъ 1622 г., а въ этомъ году сейма не было. Какъ сильны эти основанія, можно видѣть изъ того, что жалоба въ дѣйствительности подана не въ 1622 г., а въ 1623 году. Этотъ годъ показанъ на самой жалобѣ, которая была напечатана въ томъ же году и экземпляръ которой хранится въ с.-петербургской публичной библіотекѣ. Въ *J. de St. Pétersbourg* по ошибкѣ показанъ 1622 годъ. На этой-то ошибкѣ нашъ оппонентъ и основалъ свое сомнѣніе въ подлинности жалобы. Чтобы читатели могли видѣть, что такое сомнѣніе патера Гэпэна не можетъ быть признано естественнымъ и законнымъ, мы просимъ обра-

---

1) См. въ имѣющемъ выйти на дняхъ собраніи документовъ, объясняющихъ исторію западной Россіи—документъ подъ № XVIII.

тить прежде всего вниманіе на слѣдующее: авторъ ниже самъ говоритъ, что была жалоба 1623 года, и приводитъ изъ нее мѣсто по имѣющейся у него рукописи, и, какъ бы вы думали, приводитъ буквально, такъ какъ напечатано въ *Journal de S.-Pétersbourg*. Читатели послѣ этого, надѣемся, согласятся, что всякій честный человѣкъ, встрѣтивъ такое буквальное сходство, призналъ бы оба эти мѣста за одно и тоже. Патеръ Гэпэнъ, напротивъ, держится другихъ правилъ. Онъ встрѣтилъ явную ошибку, и на ней основалъ свое мнѣніе, что жалоба, напечатанная въ *Journal de St.-Pétersbourg* не подлинна, а потомъ самъ же ее приводитъ, должно быть, изъ желанія показать, что дѣлаетъ открытіе новаго дѣла. Открытіе, впрочемъ, немного представило дѣйствительныхъ выгодъ, потому что, кто бы его ни дѣлалъ, все-таки въ жалобѣ значится, что Кунцевичъ силою отнималъ православныя церкви, вырывалъ изъ могилъ тѣла умершихъ православныхъ и повергалъ ихъ на съѣденіе собакамъ.

Чтобы выйти изъ этого затрудненія, авторъ дѣлаетъ новый смѣлый шагъ, который, по всей справедливости, можно назвать saltum mortale. Приведши мѣсто изъ жалобы на Кунцевича, именно жалобы на то, что этотъ фанатикъ запечатывалъ православныя церкви, вырывалъ тѣла ихъ умершихъ и повергалъ ихъ на съѣденіе собакамъ, авторъ говоритъ: «замѣтьте, м. г., что въ этихъ жалобахъ нѣтъ вопроса о пролитіи крови. Это большая выгода на сторонѣ уніатовъ, у которыхъ тогда уже многіе мученики пали подъ ударами схизматиковъ въ Кіевѣ и Шаргородѣ.» Вотъ, по-истинѣ, circonstances attenuantes! Это тоже, какъ если бы авторъ сказалъ: Вы, м. г., говорите, что Кунцевичъ былъ злой человѣкъ, фанатикъ, мучитель?! Я вамъ докажу, что онъ былъ кроткимъ, незлобивымъ; смотрите крови не проливалъ. Ниже мы увидимъ, что доходило дѣло и до крови, а теперь, идя за авторомъ шагъ за шагомъ, разберемъ сперва дѣла самого патера Гэпэна.

Доказано, на основаніи жалобы, сперва заподозрѣнной въ подлинности, а потомъ приведенной какъ подлинная, что Кунцевичъ не проливалъ крови, а затѣмъ, конечно, нужно было доказать, что Кунцевичъ и ни въ чемъ не виноватъ. Для этого лучшее средство заподозрить справедливость той же, разъ уже отвергнутой и потомъ признанной жалобы. Такъ и дѣлаетъ патеръ Гэпэнъ. Онъ входитъ по этому поводу въ разсужденіе, что въ Польшѣ всѣ могли жаловаться на сеймѣ, что въ этомъ правѣ не было отказано и православнымъ, что они имъ воспользовались и пожаловались несправедливо. Несправедливость эта, по

взгляду автора, видна изъ того, что у Польши тогда были самыя сильныя побужденія замирить всѣ внутренніе раздоры. Къ этому ее побуждала опасность со стороны Турціи, Швеціи, Россіи и со стороны самихъ казаковъ. Если бы жалоба была сколько нибудь справедлива, думаетъ авторъ, то польское правительство непремѣнно удовлетворило бы православныхъ, а между тѣмъ, отъ имени короля было имъ сказано, что они не въ состояніи ни теперь, ни *впередъ* представить хоть одну справедливую жалобу, а, напротивъ, сами виноваты въ насиліяхъ.

«Во всякомъ другомъ государствѣ, продолжаетъ авторъ, подвергли бы казни или по крайней мѣрѣ изгнанію всѣхъ вождей схизмы, но въ Польшѣ снисхожденіе всегда доводимо было до крайнихъ предѣловъ. Этотъ самый король, котораго вы, обращается патеръ Гэпэнъ къ редактору газеты *Journal de St.-Pétersbourg*, дѣлаете неистовымъ гонителемъ, который попиралъ законы и сеймовые приговоры, пригласилъ схизматиковъ къ совѣщанію съ уніатами, т.-е. къ примиренію, и назначилъ для этого коммисію.»

Авторъ, наконецъ, удивляется, почему ничего не сказано въ статьѣ *Journal de St.-Pétersbourg* объ этой коммисіи, на которой еще яснѣе обнаружились правота уніятовъ и дерзость православныхъ, отказавшихся съ бранью отъ всякаго примиренія.

Путемъ фантазированія, предположеній и отрывочныхъ фактовъ можно какъ угодно перестроить исторію, но все это будетъ не болѣе, какъ фантазія, произволъ и ложь. Въ дѣйствительности дѣла происходили такъ:

Все время самозванческихъ смутъ въ Россіи и далѣе до самой турецкой войны, т.-е. въ теченіе почти двадцати лѣтъ, было временемъ самыхъ неистовыхъ и самыхъ неутомимыхъ преслѣдованій православныхъ, какъ это будетъ ясно видно изъ нижеслѣдующихъ свидѣтельствъ. Въ 1620 г., когда турецкія полчища двинулись къ Польшѣ, поляки стали ухаживать около православныхъ. Польскіе сановники, епископы, даже самъ король Сигизмундъ писали любезныя письма къ іерусалимскому патріарху Өеофану, который и ставилъ православныхъ іерарховъ въ присутствіи королевскаго чиновника и безъ протеста съ его стороны [1]). Обманутые этою небывалою внимательностію, русскіе западной Россіи пошли противъ турокъ и своею грудью спасли Польшу отъ погибели. Но Сигизмундъ и его руководители сейчасъ же до-

---

1) Документы объ этомъ напечатаны въ сочиненіи Weryficatia niewinności, изд. 1621 г.

казали православнымъ, что тѣ спасли Польшу на свою погибель. Всѣ посвященные Өеофаномъ русскіе православные іерархи указомъ короля Сигизмунда подвергнуты изгнанію (т.-е. случилось именно то, что авторъ считаетъ справедливымъ со стороны всякаго другаго правительства, но чего не сдѣлало бы ни одно сколько нибудь правосудное правительство) [1]. Мало того, Сигизмундъ написалъ къ разнымъ сенаторамъ письма съ поощреніемъ къ преслѣдованію этихъ іерарховъ и всѣхъ ихъ друзей [2]. Сенаторы и ихъ партіи дѣйствительно и взялись за это дѣло съ такимъ усердіемъ, что въ Вильнѣ стали думать о послѣднихъ дняхъ міра; Кунцевичъ не отставалъ отъ этихъ усердныхъ исполнителей королевской воли. Когда посвященъ былъ патріархомъ Өеофаномъ (1620 г.), въ числѣ другихъ православныхъ епископовъ, Мелетій Смотрицкій, для полоцкой епископіи, и православные этой епископіи наперерывъ спѣшили признать его своимъ пастыремъ [3], Кунцевичъ поѣхалъ въ Варшаву и выхлопоталъ себѣ отъ Сигизмунда указъ, повелѣвавшій всѣмъ русскимъ жителямъ его епархіи повиноваться ему [4]. Уніятовъ въ его епархіи тогда почти не было, какъ объ этомъ говорятъ сами жизнеописатели Кунцевича, напримѣръ, Суша [5]. Указъ, слѣдовательно, относился къ православнымъ — развѣ это не насиліе. Что сказалъ бы патеръ Гэпэнъ, если бы его монастырь подчинили вдругъ проте-

1) Сочиненія, въ которыхъ говорится объ этомъ указѣ, указаны во 2 т. нашей Исторія уніи, въ 156-мъ примѣчаніи. Экземпляры его есть и въ уніятскомъ архивѣ.

2) Одно изъ такихъ писемъ—подлинникъ, хранится въ уніатскомъ архивѣ при св. синодѣ, связка А., N. 58-й.

3) Объ этомъ у Кульчинскаго находится весьма замѣчательное свидѣтельство. Вотъ оно: «Схизматики, обративъ свою ненависть на Іосафата изыскивали всѣ способы, какъ бы ее поддержать и утвердить свое вѣроломство противъ него и уничтожить святое единеніе (унію) съ Іосафатомъ. Нѣкоторые поэтому изъ главныхъ бунтовщиковъ въ Полоцкѣ сдѣлали книгу, въ которую вписали свои имена. Кто скорѣе вписывалъ свое имя, того считали болѣе благочестивымъ. Поэтому, чтобы быть первыми въ числѣ подписавшихся, одни давали писарю по три гроша польскихъ, а другіе и болѣе.... Не мало тысячъ въ одномъ только Полоцкѣ вписалось въ эту книгу и связали себя клятвою,» т. е. не признавать Кунцевича своимъ епископомъ. Menologium Кульчинскаго, изд. 1771 г., стр. 209-я.

4) Объ этомъ указѣ проговорились всѣ жизнеописатели Кунцевича—Мороховскій, Суша, Кульчинскій.

5) «Едва слѣдъ уніи нашелъ» Кунцевичъ (vix vestigium unionis comperegit), Суша, ст. 59-я по изданію 1655 г.

стантскому генералъ-суперинтенденту и заставили патера Гэпана повиноваться этому начальнику вмѣсто своего генерала? А вѣдь указъ, полученный Іосафатомъ, имѣлъ точь въ точь такой же смыслъ. Какъ же, послѣ этого, намъ не считать Кунцевича злымъ человѣкомъ, насиловавшимъ чужую совѣсть. И мало того, что онъ имѣлъ наглость выхлопотать себѣ такой указъ: онъ еще имѣлъ безстыдство собрать посредствомъ власти весь городъ и лично объявить этотъ указъ. Мало и этого: онъ имѣлъ отчаянный фанатизмъ, послѣ того, какъ его за это чуть не убили въ Полоцкѣ, поѣхать въ Могилевъ, Оршу, Мстиславъ и дѣлалъ то же насиліе; когда же и въ этихъ мѣстахъ встрѣчали его также и не пускали даже въѣзжать въ города, то онъ выхлопоталъ указъ, подвергавшій наказанію *православныхъ* гражданъ Могилева и другихъ городовъ за отказъ повиноваться *уніятскому* епископу; запечаталъ, посредствомъ гражданской власти, въ этихъ городахъ всѣ православныя церкви, и когда *православные* жаловались, что имъ негдѣ молиться, онъ съ ироніей указывалъ имъ на уніятскія церкви 1). По справедливому выраженію Сапѣги всѣ суды завалены были жалобами на Кунцевича 2).

Въ это-то, по всей вѣроятности, время онъ дошелъ до того нечестія, что сталъ вырывать тѣла умершихъ православныхъ, отказавшихся принимать напутствіе отъ уніятскихъ священниковъ и призывавшихъ къ себѣ въ отчаяніи протестантскихъ пасторовъ. Православные не знали, какъ дождаться сейма, въ надеждѣ сколько нибудь облегчить свое положеніе. Въ 1621 и 1622 годахъ они писали разныя сочиненія, въ которыхъ излагали свои бѣдствія. Въ 1623 году они подали *всеобщую* жалобу. Самые злые враги православныхъ видѣли, что такъ дѣла не могутъ идти, потому что православные вспоминаютъ о туркахъ. Партія, противная Сигизмунду и іезуитамъ, встревожилась и потребовала

1) Свидѣтельства указаны во 2 т. «Исторіи уніи» въ отдѣлѣ о Кунцевичѣ.

2) Тотъ же — упомянутый нами Кульчинскій, даетъ о Кунцевичѣ такое свидѣтельство: (Кунцевичъ) подкрѣпленный содѣйствіемъ духовныхъ своихъ овецъ и полоцкаго воеводы, бывшаго въ уніи, поразорялъ молельни, построенныя (православными) за городомъ, подъ защитою бѣшеной черни... И когда не могъ привести къ послушанію упорный народъ добротою, то приводилъ его королевскими указами и разными судебными приговорами; однако, и это лекарство немного помогло. По этому онъ смирялъ наказаніями духовенство, упорное въ схизмѣ, но не столь суровыми, какихъ оно заслуживало. Другихъ отдавалъ въ тюрьму, которая, однако, мало на нихъ дѣйствовала; инымъ приказывалъ выселиться съ своей архіепископіи. Стр. 215-я. Это говорилъ, замѣтимъ, уніятскій писатель!

коммисію для разбора дѣла. Сигизмундъ и его партія должны были согласиться на нее, но извратили совершенно ея смыслъ. Они поставили вопросъ о примиреніи православныхъ съ уніатами въ религіозномъ смыслѣ—о примиреніи православія съ уніей. Чтобы легче добиться согласія на эту коммисію, они постарались убѣдить сеймъ, что обѣ стороны виноваты, т.-е. что виноваты въ насиліяхъ и православные. Какъ они хлопотали, чтобы коммисія получила этотъ именно оборотъ и какъ боялись другаго ея оборота, это лучше всего можно видѣть изъ письма Рутскому того же, прославляемаго авторомъ, Кунцевича: «на аудіенціи у короля благоволите заботливо представить мое дѣло, чтобы оно могло имѣть успѣхъ; поступитъ ходатайство и отъ г. воеводы (полоцкаго)... Сохрани Богъ, если имъ, православнымъ, сдѣлаютъ поблажку, и если этотъ декретъ (декретъ коммисіи по поводу жалобъ на него православныхъ) останется безъ послѣдствій, какъ могилевскій, тогда хлопство поставитъ въ большое затрудненіе всѣхъ—и духовныхъ и свѣтскихъ. Если и на этомъ сеймѣ поступятъ по волѣ казаковъ и будутъ *угнетать* Бога и его святую каѳолическую правду, то тѣмъ ближе это государство къ погибели. Казаки, узнавъ, что къ нимъ внимательны, на что не рѣшатся...». Усилія Кунцевича и его друзей увѣнчались успѣхомъ. Православные признаны виновными, коммисія назначена для религіознаго примиренія православныхъ и уніатовъ въ вѣрѣ. Понятное дѣло, что православные должны были признать такую постановку вопроса самою беззаконною и отвернуться отъ нее съ негодованіемъ. Такъ они и сдѣлали. Патеръ Гагэнъ удивляется, почему въ статьѣ *Journal de St.-Pétersbourg* ничего не говорится объ этой коммисіи. Мы, съ своей стороны, еще болѣе удивляемся, почему авторъ не понимаетъ этой коммисіи, почему онъ не обратилъ вниманія на то, что она продолжала свои дѣйствія и послѣ 1623 года, что она хлопотала о примиреніи православныхъ съ уніатами въ 1624 г., продолжала хлопотать въ 1627, 1628 и 1629 годахъ, что цѣлью всѣхъ ея хлопотъ было совращеніе въ унію православныхъ и, наконецъ, удивляемся, что онъ не обратилъ вниманія на то, что вся латинско-іезуитская партія отшатнулась отъ всякой мысли о примиреніи съ православными, когда въ 1632 году новый король заговорилъ о дѣйствительно возможномъ примиреніи, т.-е. объ уравненіи гражданскихъ правъ православныхъ съ уніатами? (Русск. Инв.)

М. Кояловичъ.

(*Окончаніе впредь*).

IV.

ВОСПОМИНАНІЯ О ВОЛЫНИ.

(*Окончаніе*).

Ѳ. Чацкій родился въ первый годъ царствованія послѣдняго польскаго короля Станислава—Августа,—и первые годы его жизни были уже отравлены междоусобіемъ погибавшей самоубійственною смертью Польши. Во время младенчества, отецъ его *Щенсный Чацкій* былъ схваченъ противною политическою партіей своихъ соотечественниковъ и посаженъ подъ стражу въ м. Бродахъ, гдѣ содержался 7 лѣтъ, а потомъ позволено было ему жить, подъ карауломъ, въ собственномъ имѣніи его, въ мѣстечкѣ Порицкѣ (владимірскаго уѣзда волынской губерніи). Вотъ какъ хорошо и привольно было жить полякамъ въ прославляемое ими, *„золотое“ время* ихъ *вольности* и *неподлеглости!* Есть, о чемъ пожалѣть и отъ чего взбунтоваться противъ нынѣшняго правительства русскаго! Надобно быть идіотомъ, или невѣждой, чтобы, не шутя, видѣть что—нибудь хорошее въ пропавшей Рѣчи—посполитой. Если бы Ѳ. Чацкій родился по крайней мѣрѣ не въ русской старинной области, не на Волыни, но въ коренной Польшѣ, тогда во всѣхъ его ораторскихъ рѣчахъ, и въ не менѣе—ораторскихъ проявленіяхъ общественной дѣятельности, былъ бы смыслъ,—онъ имѣлъ бы какое—нибудь право употреблять постоянно бывшія у него на умѣ и и на языкѣ слова: *„нашъ край,“ „нашъ народъ;“* но на Волыни, въ этомъ издревле — русскомъ краѣ, съ сплошнымъ русскимъ народонаселеніемъ, *не было ни польскаго края, ни польскаго народа:* потому что нѣсколько зашедшихъ туда поляковъ—колонизаторовъ, да поляковъ—ренегатовъ, т. е. ополяченныхъ русскихъ, вовсе не составляли тамъ *народа.* Слѣдовательно—всѣ

усилія Чацкаго, на перекоръ исторіи и статистикѣ, ополячить этотъ русскій край, при всей предпріимчивости и дѣятельности его, сколько ни были въ свое время вредны и безчестны, но— слава Богу—оказались въ послѣдствіи времени безуспѣшны!

Воспитателемъ и наставникомъ Чацкаго былъ іезуитъ *Фаустинъ Гродзицкій*, который развилъ въ немъ энергію—стремиться неуклонно, не стѣсняясь средствами, къ предположенной цѣли.

Имѣя при своемъ вступленіи въ службу (1784 г.) только 19 лѣтъ отъ роду, Чацкій чрезъ два года послѣ того былъ уже отъ скарбовой коммисіи Рѣчи—посполитой посланъ въ Молдавію для переговоровъ съ княземъ Ипсиланти объ отпускѣ соли въ Польшу,—потому что соляныя копи Велички и Бохніи тогда уже отошли во владѣніе Австріи,—и Польша, предъ заслуженнымъ ею уничтоженіемъ, не имѣла уже даже собственной соли. Вѣроятно, въ тогдашней Польшѣ не было уже благонадежнаго человѣка изъ опытныхъ и заслуженныхъ людей для исполненія столь важнаго порученія, или 20—лѣтній Чацкій успѣлъ уже заявить въ себѣ такія способности къ общественной службѣ, что на него, помимо заслуженныхъ людей, возложено было такое порученіе: и то и другое, кажется, довольно справедливо.—

По исполненіи своего порученія, Чацкій принялся за *проэкты*. Своихъ собственныхъ денегъ 10 тысячъ червон. злотыхъ онъ употребилъ на составленіе гидрографичекой карты Польши и Литвы. Всѣ пристани на рѣкахъ, удобныя для сплава и торговли, всѣ таможни и карантины, онъ обозрѣлъ лично. Обративъ послѣ того свое вниманіе на состояніе ремеслъ и рукодѣлій въ Польшѣ, Чацкій написалъ и объ этомъ предметѣ *проэктъ*. А какъ тогда всѣ ремесла въ Польшѣ находились въ рукахъ евреевъ, то онъ представилъ сейму *„проэктъ и о преобразованіи жидовъ.“* Всѣ эти труды Чацкаго составили два огромные тома, писанные собственною его рукой. Надобно обратить вниманіе, *когда* все это было *проэктировано* Чацкимъ? За два—три года предъ вторымъ раздѣломъ Польши! Опоздалъ Чацкій съ своими проэктами: никакими палліативными средствами политической экономіи уже нельзя было воззвать къ жизни погибавшую Польшу, отъ головы до пятъ пораженную гангреной междоусобій, фанатизма и неурядицъ.—

Польская отчаянная конституція 3-го маія 1791 года была

громкою предвозвѣстницей внутреннихъ междоусобій, приготовившихъ второй раздѣлъ Польши, а Чацкій за семь дней предъ этою конституціей (26 апрѣля 1791 года) подалъ скарбовой коммисіи свой рапортъ *„о состояніи, въ археологическомъ отношеніи, осмотрѣннаго имъ города Кракова, и о необходимости поддержать зданія Краковскаго замка, семь вѣковъ уже бывшаго свидѣтелемъ славы Польши!“* Польшу раздираютъ партіи; она гибнетъ отъ своего междоусобія; въ близкой погибели ея уже нельзя было сомнѣваться; а такой *„разумный человѣкъ,“* какъ Чацкій занятъ...археологическими проэктами!?! Вскорѣ послѣ появленія конституціи 3-го маія, Чацкій подалъ скарбовой коммисіи новый *проэктъ*—о необходимости сдѣлать генеральное и подробное измѣреніе и размежеваніе всей Польши, всѣхъ ея провинцій, воеводствъ и повѣтовъ, и потомъ составить подробную географическую и статистическую карту Польши въ отношеніи военномъ, экономическомъ, агрономическомъ, и проч. Измѣрить всю Польшу и составить ей карту соглашались, по приглашенію Чацкаго, краковскіе профессоры Янъ Снядецкій и Феликсъ Радванскій; но это дѣло не состоялось. Только по старанію Чацкаго, и на его собственный счетъ, было измѣрено, что городъ Пинскъ лежитъ выше поверхности Чернаго моря на 32%, а выше Балтійскаго моря на 16%. Соображая время, въ которое Чацкій занимался подобными проэктами, невольно приходишь къ слѣдующему сравненію: домъ со всѣхъ сторонъ объятъ пламенемъ и скоро совсѣмъ сгоритъ и развалится, а велемудрые жильцы его ходятъ вокругъ дома съ аршиномъ въ рукахъ, да измѣряютъ длину и широту горящаго дома!?!

Во время *торговицкой конфедераціи,* т. е. почти на канунѣ втораго раздѣла Польши, Чацкій давалъ отчетъ, по дѣламъ скарбовой коммисіи, нарочито-назначеннымъ для того лицамъ. А угадайте, что дѣлалъ Чацкій во время *гродненскаго сейма,* окончательно рѣшившаго второй раздѣлъ Польши?—„Въ товариществѣ многочисленной молодежи, слушалъ лекціи въ краковской академіи и розыскивалъ по кляшторамъ сочиненія древнихъ польскихъ писателей!“ Не правда-ли,—самое приличное и удобное время для литературныхъ и учебныхъ занятій?!. Въ такихъ занятіяхъ Чацкій вдругъ, неожиданно, увидѣлъ себя *подданнымъ русскимъ!*—Волынь, его родина, вмѣстѣ съ Подоліей

и Минскою областью, по приговору гродненскаго сейма, возвратились въ неразрывный составъ единоплеменной и единовѣрной имъ Россіи.

Ксендзъ Осинскій, со свойственнымъ ему польскимъ искусствомъ, говоритъ (стран. 55.), будто всѣ политическія преступленія Чацкаго тогда состояли только въ томъ, что онъ, во время польской революціи, исправлялъ должность *подскарбія*, и будто за одно это его имѣніе было секвестровано.—Чацкій поѣхалъ въ С.-Петербургъ, и хотя (проговорился Осинскій) тамъ сочли его за якобинца, но имѣніе было возвращено ему,—только съ условіемъ, чтобы онъ, въ продолженіи двухъ лѣтъ, продалъ его и выѣхалъ изъ предѣловъ Россіи. Онъ уже рѣшался поселиться въ Краковѣ и посвятить себя ученымъ занятіямъ въ тамошней академіи; но—съ возшествіемъ на престолъ императора Павла 1-го дѣла пошли другимъ порядкомъ, и—Чацкій, не только былъ совершенно оправданъ, но вскорѣ послѣ того былъ избранъ отъ дворянства кіевской губерніи депутатомъ для присутствія при коронаціи императора.

Во время праздниковъ по этому случаю въ Москвѣ, Чацкій, чрезъ князя Куракина, исходатайствовалъ для губерній кіевской, волынской и подольской слѣдующія Высочайшія милости: всеобщую амнистію политическимъ преступникамъ-полякамъ, жившимъ въ этихъ русскихъ губерніяхъ,—перенесеніе въ эти губерніи „актовъ коронной метрики,“ или дворянскаго архива бывшей Рѣчи Посполитой,—учрежденіе „Главнаго Суда“ для этихъ губерній, подобнаго тому, какой былъ учрежденъ для Литвы,—и дозволеніе выбирать предводителей дворянства и исправниковъ изъ среды мѣстныхъ дворянъ. Говоря объ этихъ милостяхъ, кс. Осинскій въ своей книгѣ дѣлаетъ слѣдующее справедливое замѣчаніе (стран. 60.): „когда, подъ благодѣтельнымъ правленіемъ Павла 1-го и потомъ Александра 1-го, полякамъ позволено было употреблять польскій языкъ въ присутственныхъ (*русскихъ!*) мѣстахъ, на дворянскихъ выборахъ и въ училищахъ, тогда поляки, отошедшіе по раздѣлу подъ власть другихъ государей, вовсе не имѣли этого утѣшенія.“—Но—при этомъ случаѣ невольно бросается въ глаза слѣдующая *неучтивость* поляковъ (чтобъ не сказать хуже), жившихъ на русской землѣ, которую *неучтивость* первый Чацкій обнаружилъ въ отношеніи къ русскому правительству—подавши князю Куракину свою просьбу о дарованіи ми-

лостей.... *не на русскомъ языкѣ*, но на французскомъ! Такому ученому лингвисту—славянину, какимъ былъ Чацкій, нельзя было извиняться незнаніемъ *роднаго русскаго языка;* онъ зналъ, что *въ Россіи* всѣ просьбы обыкновенно подаются правительству *на русскомъ языкѣ*. Бывши депутатомъ отъ недавно-возвращеннаго къ Россіи древняго русскаго края, онъ *долженъ былъ просьбу отъ русскаго края, къ русскому правительству изложить на русскомъ языкѣ;* а онъ—изложилъ и представилъ ее по—французски!... Нѣмцы сдѣлали лучше насъ,—тотчасъ заставивши доставшихся имъ поляковъ говорить и писать по нѣмецки, хотя нѣмецкій языкъ отъ польскаго отстоитъ на неизмѣримо бóльшее разстояніе, нежели русскій. Такъ, какъ сдѣлалъ Чацкій, не сдѣлаютъ люди *несчастные и угнетенные*,—какимъ именемъ безчестно драпируются поляки на русской землѣ, окруженные всѣми благами русской жизни и службы. Впрочемъ, не сама ли наша русская аристократія своимъ страннымъ,—что бы не выразиться точнѣе,—пристрастіемъ къ французскому языку подала Чацкому поводъ оказать такое неуваженіе къ языку русскому?—Хотя въ этомъ есть своя доля правды, но министръ народнаго просвѣщенія графъ Завадовскій и товарищъ его М. Н. Муравьевъ *на всѣ французскія письма Чацкаго отвѣчали по русски*.

Не смотря на такую неделикатность Чацкаго, императоръ Павелъ 1-й пожаловалъ ему чинъ тайнаго совѣтника и предложилъ мѣсто сенатора. Чинъ принялъ онъ, а отъ сенаторства отказался, подъ предлогомъ бѣдности, хотя всѣмъ было извѣстно, что онъ вовсе не былъ такъ бѣденъ, чтобы не могъ прожить въ С.-Петербургѣ на сенаторскомъ мѣстѣ и содержаніи; ему, просто, не хотѣлось разставаться съ Волынью, гдѣ онъ расчищалъ обширное поле для полонизаціи русскаго люда, гдѣ онъ стоялъ въ главѣ пропаганды.

Послѣ этого прошло около 6 лѣтъ, въ теченіи которыхъ Чацкій не зналъ, кажется, съ чего начать и на чемъ остановить свою неугомонную дѣятельность. Въ письмѣ своемъ къ бывшему польскому королю Станиславу—Августу онъ торжественно объявилъ свое намѣреніе быть исторіографомъ Польши и продолжать трудъ Нарушевича; для чего и выпросилъ себѣ у короля драгоцѣнное собраніе рукописей, относящихся къ исторіи Польши, стоившихъ королю (по словамъ Осинскаго) болѣе 30 тысячъ червон. злотыхъ. Съ этою же цѣлью онъ исходатайствовалъ себѣ

у папскаго нунція Литты разрѣшеніе читать запрещенныя папою книги, и потомъ отъ прусскаго короля Фридриха—Вильгельма испросилъ позволеніе обозрѣть въ Кенигсбергѣ тайный архивъ рыцарей св. Креста и сдѣлать изъ него выписки. Наконецъ, съ этою же, по видимому, цѣлію онъ путешествовалъ въ Гнѣзно, Познань, Калишъ и Куявы. Но исторія, по всему видно, не была исключительною специальностью Чацкаго, потому что онъ, во время этихъ поѣздокъ, организовалъ изъ своихъ земляковъ два общества: *ученое* и *торговое*. Резиденціей обоихъ обществъ была Варшава; первое называлось „Towarzystwo Przyjaciół Nauk," а другое—просто „торговое," „handlowe." Все это съ виду казалось невинно и благотворно! А о *проектахъ* Чацкаго, которые онъ хотѣлъ осуществить посредствомъ сочиненныхъ имъ „обществъ," никто и не догадывался!—9-го Іюля 1803 года судно, названное именемъ „*Ѳаддея Чацкаго*," отправлялось изъ Одессы въ Тріестъ. Дюкъ де Ришелье, окруженный „*обывателями*" (?), былъ торжественно принимаемъ на этомъ суднѣ и салютованъ „*изъ польскихъ пушекъ*"!!! — Гдѣ Варшава, резиденція этого общества, а гдѣ Одесса, которую общество избрало исходнымъ пунктомъ для своихъ торговыхъ операцій?? Вѣдь нельзя не видѣть, что *общество*, задуманное Чацкимъ, имѣло смѣлую мысль—подчинить своему вліянію и новороссійскій край!.

Наконецъ—въ томъ же 1803 году Чацкій былъ назначенъ *генеральнымъ визитаторомъ училищъ кіевской, волынской и подольской губерній*, въ помощь кн. *Адаму Чарторижскому*, сдѣлавшемуся тогда попечителемъ виленскаго учебнаго округа. Въ мастерскія руки попало народное просвѣщеніе. — Князья Чарторижскіе, по феодальному обычаю, всегда титуловались и подписывались такъ: „*князь на Несвижу и Клевани.*" Несвижъ и Клевань — два родовыя имѣнія ихъ. — Въ мѣстечкѣ Клевани (ровенскаго уѣзда волын. губ.), въ тамошней православной церкви, доселѣ показываютъ могилу православной княгини *Елены Чарторижской*, а въ алтарѣ на престолѣ можно видѣть евангеліе, пожертвованное этою княгиней, на особомъ листѣ котораго она сама собственноручно записала по—русски это пожертвованіе отъ себя и отъ двухъ своихъ православныхъ сыновъ,—князей Чарторижскихъ. Въ послѣдствіи времени, эта издревле—православная фамилія литовско-русскихъ князей со-

вратилась въ папизмъ, и ополячилась. Удивительно, какъ способенъ *папизмъ убивать и уничтожать въ людяхъ всѣ примѣты коренной генеалогіи!* (1)

„Со дня вступленія Чацкаго въ должность визитатора училищъ (говоритъ Осинскій), исторія его жизни соединяется съ исторіей кременецкаго лицея.“ И дѣйствительно — послѣднія 10 лѣтъ своей жизни онъ жилъ уже единственно *„для школъ,“* т. е. для задуманнаго имъ ополяченья западнаго края Россіи, посредствомъ польскихъ училищъ.—Въ трехъ, *управляемыхъ* имъ губерніяхъ (кіев., волын. и подольской) всѣхъ жителей было около четырехъ милліоновъ,—въ томъ числѣ только 300 тысячъ такъ—называемыхъ поляковъ, т. е. немногихъ, поселившихся тамъ выходцевъ изъ Польши и ополячившихся русскихъ, или „перевертней.“ Для умноженія, просвѣщенія и укрѣпленія этого чацкинскаго *избраннаго народа*, была посвящена вся остальная жизнь этого неугомоннаго прожектера и полонизатора. По словамъ Осинскаго (стран. 200.), *„онъ былъ неукротимъ въ своихъ проэктахъ и дѣятеленъ до дерзости въ исполненіи ихъ“*—„(bujnym był w tworzeniu przedsięwzięć a nagłym i dzielnym w ich dokonaniu).“—

Чацкій, держа въ рукахъ книгу, приготовленную для записыванія пожертвованій на задуманный имъ кременецкій лицей, явился въ дворянское собраніе, произнесъ экзальтированную рѣчь, которою воспламенилъ своихъ земляковъ, и хотя думалъ маскироваться распространеніемъ *просвѣщенія вообще*, но невольно проговорился, что все это предпринимается имъ „dla ocalenia droższego dziedzictwa—mowy rodaków“—*для сохраненія дорогаго наслѣдства,—языка своихъ единоплеменниковъ.* Вскорѣ потомъ (20 Окт. 1803.) былъ устроенъ въ г. Луцкѣ съѣздъ латинскаго духовенства, куда также явился Чацкій съ восторженною рѣчью и съ приглашеніемъ къ пожертвованіямъ.—И отъ дворянъ, и отъ духовенства пожертвованія посыпались щедрою рукою, такъ что въ самое короткое время изъ такихъ пожертвованій составилось 415,720 польскихъ злотыхъ, или 62,358 рублей серебромъ. (2)

---

(1) При этомъ *благопріятномъ* случаѣ считаю нелишнимъ замѣтить, что хотя нѣкоторые, даже русскіе, писатели называютъ *Ѳаддея Чацкаго графомъ*, но онъ никогда не былъ ни отъ какого двора пожалованъ въ это достоинство. Говорятъ, впрочемъ, что за границею трактирные слуги называютъ всякаго богатаго русскаго—княземъ, а поляка—графомъ.

(2) Замѣчательно, что въ спискѣ этихъ пожертвованій въ пользу польскаго просвѣщенія четыре *русскіе монастыря* базиліановъ—уніатовъ запи-

Кромѣ денежныхъ пожертвованій, Чацкій обогатилъ задуманный имъ кременецкій лицей библіотекою и другими учеными богатствами. По его приглашенію, всякій жертвовалъ, кто что могъ; а библіотеку, оставшуюся по смерти короля Станислава—Августа, Чацкій купилъ для лицея за 7,500 черв. злотыхъ.— По ходатайству Чацкаго, императоръ Александръ Павловичъ назначилъ, для содержанія лицея, доходы съ староства кременецкаго, бывшіе дотолѣ въ пожизненномъ владѣніи умершаго князя Сангушки. Въ Высочайшемъ указѣ 13-го Октября 1806 года сказано, что эти доходы назначаются для содержанія училищныхъ, филантропическихъ и хозяйственныхъ заведеній, учреждаемыхъ при волынской гимназіи, т. е. кременецкомъ лицеѣ. Наконецъ—и *русскіе монахи* (уніаты—базиліане) должны были посторониться предъ пропагандой и замыслами Чацкаго: должны были отдать для помѣщенія лицея весь свой монастырь въ Кременцѣ, а сами помѣстились въ монастырѣ ксендзовъ—реформатовъ.—

Еще до уничтоженія Польши, сеймъ 1775 года опредѣлилъ: всѣ имѣнія и капиталы, оставшіеся въ королевствѣ польскомъ послѣ изгнанныхъ іезуитовъ, обратить въ пользу училищъ,—для управленія каковыми дѣлами была учреждена въ Польшѣ такъ—называемая *„Эдукаціонная Коммисія.“* Послѣ окончательнаго раздѣла Польши, дѣла этой коммисіи относительно русскихъ частей Польши, возвратившихся въ составъ Россійской Имперіи, находились въ чрезвычайной запутанности. Чацкій подалъ мысль и самъ же помогъ привести ее въ исполненіе, чтобы, для управленія дѣлами поіезуитскихъ имѣній и капиталовъ, были учреждены въ Россіи двѣ эдукаціонныя коммисіи—одна для губерній кіевской, волынской и подольской, а другая; для пяти губерній бѣлорусскихъ и литовскихъ. Будучи назначенъ президентомъ первой коммисіи, онъ распуталъ дѣла самыя многосложныя и открылъ въ пользу училищъ, изъ доходовъ и процентовъ поіезуитскихъ имѣній и капиталовъ, фундушъ въ 2,350,000 злотыхъ польскихъ, или въ 352,500 рублей серебромъ.

Съ такими огромными средствами можно было смѣло приступать къ открытію училищъ, не боясь никакихъ препятствій—

сали болѣе 10 тысячъ злотыхъ, а потомки древнихъ *русскихъ князей* (Четвертинскіе, Чарторижскіе, Яблоновскіе, Любецкіе, Воронецкіе и другіе) пожертвовали болѣе 14 тысячъ злотыхъ.

тѣмъ болѣе, что въ первые годы нынѣшняго столѣтія *„просвѣщеніе народа“* (безъ отчетливаго понятія о *народѣ* и о *просвѣщеніи*) было самымъ моднымъ словомъ; а потому, подъ вліяніемъ этаго магическаго слова, Чацкій смѣло приступилъ къ полонизаціи Волыни, Подоліи и Кіевской страны, посредствомъ учрежденія польскихъ училищъ. Волынская гимназія названа впослѣдствіи времени кременецкимъ лицеемъ и должна была служить для этого края разсадникомъ польскаго просвѣщенія.

По приглашенію Чацкаго три ученые поляка: Игнатій Потоцкій, Гугонъ Колонтай и Янъ Снядецкій, составили планъ и проэктъ устава для лицея, который уставъ, послѣ окончательной редакціи самимъ Чацкимъ, былъ установленнымъ порядкомъ представленъ на разсмотрѣніе, и Высочайше утвержденъ 29 іюля 1805 года. — Лицей состоялъ изъ четырехъ низшихъ *классовъ*—однолѣтнихъ, и изъ трехъ высшихъ *курсовъ*—двухлѣтнихъ; слѣдовательно весь курсъ ученія въ немъ совершался въ 10 лѣтъ. Въ низшихъ четырехъ классахъ было обращено преимущественное вниманіе на изученіе языковъ, польскаго, *„россійскаго,“* латинскаго, французскаго и нѣмецкаго, и на общія такъ — называемыя гимназичесткія науки (humaniora studia), въ элементарномъ ихъ объемѣ. А въ трехъ высшихъ курсахъ, въ продолженіе 6-ти лѣтъ, были преподаваемы (обязательно для всѣхъ учениковъ) слѣдующія науки: математика, топографическое черченіе, физика, естественная исторія, химія, всеобщая исторія, естественное, гражданское и народное право, политическая экономія, литература польская, *„россійская,“* греческая, латинская, французская и нѣмецкая. Очевидно, что языкъ *россійскій* и литература *россійская* допущены были въ уставъ лицея *изъ приличія*, на показъ, для закраски,—потому что безъ нея слишкомъ сквозила бы пропагандивная цѣль заведенія и проэктъ его устава могъ быть неутвержденъ, а для русскихъ людей не было бы приманки въ заведеніе.

Наконецъ, 1-го Октября 1805 года, былъ торжественно открытъ кременецкій лицей. На это торжество пріѣхали волынскій губернаторъ, князь Волконскій, луцкій р. католическій архіепископъ Каспаръ Колюмна-Цецишевскій (предмѣстникъ Михаила Пѣвницкаго), полемонскій (in partibus infidelium) епископъ Божидаръ Подгороденскій и съѣхалась вся польская аристо-

кратія Волыни.—Отъ имени дворянства произнесъ рѣчь графъ Александръ Ходкевичъ, отъ имени виленскаго университета—Янъ Вилежинскій и отъ имени варшавскаго общества любителей наукъ—Янъ Лернетъ. Но всѣ эти рѣчи покрылъ своимъ восторженнымъ ораторствомъ виновникъ торжества, Чацкій! Рѣчь его ошеломила всѣхъ до того, что самъ министръ народнаго просвѣщенія графъ Завадовскій, получивши ее отъ Чацкаго, вмѣстѣ съ описаніемъ торжественнаго открытія лицея, отвѣчалъ ему (14-го ноября 1805 года за № 667), что „онъ, читая эту рѣчь, такъ наслаждался, какъ наслаждались древніе греки слушая Геродота, читавшаго имъ свою исторію. „Тѣмъ, которые утверждаютъ, будто природа, утомленная созданіемъ великихъ геніевъ, теперь уже отдыхаетъ, я могу (писалъ министръ) указать на геній Чацкаго, который на польскомъ Парнассѣ воскрешаетъ музъ, умершихъ въ Аттикѣ.“— Жаль только, что этотъ *„польскій Парнассъ“* былъ устроенъ на русской землѣ, гдѣ ему не мѣсто, и что большинство этихъ „музъ“ ушли въ свое время *до лясу* къ повстанцамъ! . . .

По окончаніи перваго учебнаго года, 15 іюля 1806 года, опять было въ лицеѣ собраніе, и опять Чацкій говорилъ рѣчь. Обращаясь къ архіепископу Цецишевскому, онъ такъ сказалъ: „благослови это училище! наши покорныя сердца Творецъ приметъ въ жертву чрезъ твои святыя руки. Это твое дѣло, „которымъ ты нынѣ утѣшаешься. Будь увѣренъ, что мы желаемъ этому училищу существовать только до тѣхъ поръ, пока оно будетъ украшаться религіей и добродѣтелью. *Пусть „оно превратится въ развалины, ежели запятнаетъ себя „преступленіемъ!“* [1]). Это проклятіе, изреченное Чацкимъ въ видѣ угрозы, постигло кременецкій лицей въ 1831 году, во время незабвенно—постыдной революціи польской. Но такъ—какъ лицей существовалъ все—таки на благословенной русской землѣ, то съ уничтоженіемъ преступнаго лицея, зданія его не превратились въ развалины, но послужили и теперь служатъ для помѣщенія православной русской семинаріи.

Открывши лицей, Чацкій не удовольствовался этимъ, но задумалъ еще открыть при немъ школу практической механики, школу землемѣровъ, и хирургическое отдѣленіе для обу-

1) O życiu i pismach T. Czackiego. Стран. 219 и 220. Только лишь подъ именемъ преступленія Чацкій разумѣлъ противоположное тому, за которое разрушенъ—или точнѣе—упраздненъ лицей.

ченія акушерокъ. Послѣдней школы онъ не успѣлъ открыть, но за то устроилъ при лицеѣ астрономическую обсерваторію съ лучшими, въ то время, инструментами, и сверхъ того завелъ превосходный ботаническій садъ, въ которомъ, на открытомъ воздухѣ и въ теплицахъ, состояло болѣе 5 тысячъ растеній, доставленныхъ со всѣхъ странъ свѣта.—Однако со всѣми этими заведеніями при лицеѣ не можно еще было достигнуть желаемаго полонизаторомъ *„просвѣщенія народа;“* а потому Чацкій, съ первыхъ дней своего *визитаторства*, старался объ учрежденія приходскихъ и уѣздныхъ училищъ въ предположенномъ духѣ и направленіи. По его приглашенію, латинское духовенство луцкой епархіи положило открыть и содержать, на свой „коштъ,“ приходскую школу при каждомъ костелѣ; а духовенство каменецъ-подольской епархіи назначило на сей предметъ десятую часть доходовъ каждаго приходскаго ксендза (плебана) и немедленно прислало Чацкому такихъ денегъ 10,958 злотыхъ польскихъ. Такимъ образомъ, въ самое короткое время, Чацкій устроилъ слѣдующее число приходскихъ училищъ: 85 въ волынской губерніи, 26 въ подольской и 15 въ кіевской. Всѣ эти „парафіальныя школки“ (какъ выше было уже сказано) были западнями для уловленія въ папизмъ православныхъ русскихъ дѣтей, и такихъ ловушекъ вдругъ разставлено было *сто двадцать шесть!!!*

Для учрежденія уѣздныхъ училищъ такъ же не замедлили явиться пожертвованія со всѣхъ сторонъ. [1]) По утвержденіи штатовъ, вскорѣ затѣмъ были открыты слѣдующія уѣздныя училища: владимірское (на Волыни), домбровицкое, любарское, бердичевское, овручское, житомірское, барское и винницкое, кромѣ существовавшихъ прежде, каневскаго и уманьскаго.

Для учрежденія гимназіи въ Кіевѣ, дворянство пожертвовало по 1 рублю ассигнаціями отъ каждой ревизской крестьянской *души*, и такихъ денегъ составилось 462,000 рублей ассигнаціями,—изъ чего видно, между прочимъ, что около полумилліона *православныхъ человѣческихъ душъ* находилось тогда въ порабощеніи у польскихъ помѣщиковъ — папистовъ! ...... *И изъ этихъ православныхъ душъ русскихъ собираема была подать для полонизаціи русскаго края!!!* Позвольте спросить

---

1) Замѣчательно, что и жидовскіе кагалы, любарскій, овручскій и барскій, взнесли отъ себя на этотъ предметъ 900 злотыхъ, а всего было пожертвовано 32,362 злотахъ, или 4929 р. сер.

васъ, гг. современные гуманисты и полонофилы: какъ это вамъ кажется?!..

Впрочемъ Кіевъ—слишкомъ русскій городъ, чтобъ можно было ополячить его посредствомъ польской гимназіи: было о чемъ задуматься Чацкому! Кіевскіе граждане хотѣли, чтобы гимназія была на Подолѣ—для ближайшаго и удобнѣйшаго хожденія дѣтей ихъ въ классы; но Чацкій, боясь, чтобы среди русскаго купечества на Подолѣ гимназія не сдѣлалась черезъ—чуръ русскою, настоялъ на своемъ и открылъ гимназію вдали отъ Подола, въ Липкахъ,—давая чувствовать всѣми возможными способами, что эта гимназія открывается для дворянскихъ дѣтей, а не для *русскихъ гражданъ*. Чтобы положить твердое польское основаніе для этой гимназіи, Чацкій опредѣлилъ въ нее директоромъ эксъ—іезуита *Мышковскаго*.—Предстояла еще одна трудность: надобно было при открытіи этой гимназіи произнести такую рѣчь, которая хотя была бы на польскомъ языкѣ, но угодила бы даже и русскимъ слушателямъ, а не однимъ полякамъ; но—ловкость Чацкаго и тутъ не измѣнила ему, хотя, говоря въ строго—справедливомъ смыслѣ,—*польская рѣчь въ Кіевѣ* уже сама по себѣ была величайшее неприличіе и даже оскорбленіе для русскаго народонаселенія. Но—повторяемъ—ловкость не измѣнила Чацкому. Объ его рѣчи при открытіи кіевской гимназіи *самъ* Адамъ Чарторижскій отозвался такъ: „Чацкій съ рѣдкою ловкостью изложилъ свои мысли „въ такомъ необычайномъ порядкѣ, что побѣдоносною силой „своего ума пробился сквозь великія трудности."— Дѣло шло о томъ, что въ Кіевѣ въ одной и той же церкви Печерской Лавры—почиваютъ смертные остатки *князя Константина Острожскаго* и—*графа Румянцева—Задунайскаго*. Чацкій, по своему заблужденію, считая князя Острожскаго полякомъ, согласился, что его *польскому праху* можно лежать вмѣстѣ съ *московскимъ прахомъ* Румянцева, и что это можетъ даже служить основаніемъ для мира и единенія поляковъ съ русскими. Вотъ подлинныя слова изъ его рѣчи [1]): „Воскуряйте ѳиміамъ обѣимъ тѣнямъ.! Въ пространствѣ вѣковъ великіе люди сохра„няютъ между собою братство. Они уже предъ престоломъ „Предвѣчнаго. Онъ—Господь всѣхъ людей. Каждый муже„ственный защитникъ, каждый доблестный поборникъ своего

---

1) O życiu i pismach T. Czackiego. Стран. 159 и 160.

„отечества имѣетъ свою заслугу предъ Его правосудіемъ. При-„рода, древнѣйшая всѣхъ добродѣтелей и злодѣяній, сглажи-„ваетъ силою времени всѣ могилы—эти памятники несчастныхъ „несогласій. Старайтесь поставить и украсить алтарь мира и „единенія. Пусть всѣ славяне прославляютъ Александра 1-го.“ Дѣйствительно, нельзя не сказать вмѣстѣ съ Чарторижскимъ, что Чацкій *„пробился сквозь великія трудности.“*—

Кіевская гимназія была открыта 30-го января 1812 года, и послѣ того Чацкій уже не открывалъ другихъ училищъ, потому что вскорѣ затѣмъ для него самого открылась дверь вѣчности.

Отъ натуги мысли и дѣятельности, силы Чацкаго начали ослабѣвать. Въ концѣ генваря 1813 года, находясь въ Житомірѣ, онъ получилъ извѣстіе, что кн. Адамъ Чарторижскій ѣдетъ къ нему въ Кременецъ. Чацкій поѣхалъ на встрѣчу своему сподвижнику, пріѣхалъ въ г. Дубно уже больной, и здѣсь встрѣтилъ его. Но тутъ же нервная горячка положила его въ постель, съ которой онъ уже не вставалъ. Не смотря ни на какія усилія медицыны продлить жизнь его, онъ умеръ въ г. Дубнѣ 8-го февраля 1813 года, на 48 году своей тревожной, хлопотливой и экзальтированной жизни.—

Что касается открытой мною въ г. Луцкѣ гимназіи, то съ нею случилось слѣдующее, довольно—необыкновенное *„происшествіе.“* По истеченіи двухъ учебныхъ годовъ, она въ 1834 году была переведена въ мѣстечко *Клевань* и называлась уже не луцкою, а *клеванскою гимназіей*; потомъ еще чрезъ 5 лѣтъ была переведена изъ Клевани въ г. *Ровно*, гдѣ и нынѣ находится называясь *ровенскою гимназіей*. Это переселеніе гимназіи объясняется тѣмъ, что въ Луцкѣ тѣсно было гимназіи помѣщаться въ четырехъ классныхъ комнатахъ бывшаго уѣзднаго училища; а большую часть поіезуитскаго дома, въ которомъ она помѣщалась послѣ уѣзднаго училища, захватили въ свою власть монахини-шаритки и, отдѣлившись отъ гимназіи только досчатымъ заборомъ, завели въ своей части дома, подъ одною крышею съ гимназіей, и больницу, и пріемъ подкидышей, и училище для дѣвочекъ. Я указывалъ на неудобство этого сосѣдства, я доказывалъ, что поіезуитскій домъ весь долженъ принадлежать учебному вѣдомству,—тогда бы въ немъ весьма удобно могла помѣщаться гимназія. Я также указывалъ, что шаритокъ, со всѣми ихъ заведеніями, можно очень удобно помѣстить тутъ же въ Луцкѣ въ кляшторѣ бригитокъ, въ кото-

ромъ были огромныя зданія, а монахинь было менѣе десяти; но нашли гораздо удобнѣйшимъ—перевесть гимназію въ Клевань, въ тамошній замокъ кн. Чарторижскаго, вмѣсто бывшаго тамъ уѣзднаго училища, а училище обратить въ Луцкъ на мѣсто гимназіи.

Въ 24 верстахъ отъ м. Клевани лежитъ уѣздный городъ *Ровно*, принадлежавшій тогда князю Фридриху Любомірскому. Князь, желая увеличить *пропинацію*, т. е. откупныя статьи, приносившія доходъ ему, какъ владѣльцу города, началъ стараться о переводѣ гимназіи изъ м. Клевани въ его городъ Ровно, и нарочито для гимназіи построилъ новый домъ, по указанному ему отъ начальства плану и фасаду, да сверхъ того для учительскихъ квартиръ пожертвовалъ нѣсколько домовъ. Нельзя было пренебречь такимъ выгоднымъ помѣщеніемъ,— и вотъ гимназія перешла въ г. Ровно.—На такихъ же основаніяхъ устроены послѣ того еще двѣ гимназіи во владѣльческихъ мѣстечкахъ, въ *Бѣлой Церкви* и въ *Немировѣ*.—

Тутъ я хотѣлъ бы окончить мои „Воспоминанія о Волыни," но слѣдующій вопросъ самъ собою напрашивается подъ мое перо: откуда у насъ *полонофильство*? Какимъ образомъ русскій человѣкъ дѣлается иногда *полонофиломъ*?.. Обозрѣвая этотъ вопросъ со всѣхъ возможныхъ сторонъ и подвергая нашихъ жалкихъ полонофиловъ всестороннему обслѣдованію, я убѣдился, что полонофильство есть особеннаго рода мономанія, происходящая отъ невѣжества, отъ незнанія русской и польской исторіи, отъ безхарактерности образованія, лишеннаго религіозныхъ и логическихъ основаній, и отъ увлеченія въ сѣти, разставленныя польскими женщинами, панами, ксендзами для совращенія русскихъ людей съ пути правды. Та, или другая причина, а нерѣдко и всѣ эти причины вмѣстѣ такъ разслабляютъ и портятъ иногда русскую душу, что человѣкъ, подъ наитіемъ этихъ дѣйствующихъ причинъ, дѣлается, по—пословицѣ, *ни рыба ни мясо*, или по словамъ Мѣрославскаго, дѣлается *полу-русскимъ* и *полу-полякомъ*, сочувствуетъ полякамъ въ ихъ тенденціяхъ и покровительствуетъ имъ. Вышепоимянованный бунтовщикъ говоритъ, будто такихъ *полу-русскихъ* и *полу-поляковъ* теперь уже очень много расплодилось на всѣхъ путяхъ нашей администраціи. Правда ли это? Ахъ дай Богъ, чтобъ была неправда!...

И. Кулжинскій.

СОВРЕМЕННЫЕ ОЧЕРКИ.

IV.

ГРУСТНАЯ ИСТОРІЯ.

Посвящается его высокопревосходительству Сергѣю Павловичу Шапову.

Скоро ли наступитъ тотъ блаженный часъ, когда бездушные изувѣры перестанутъ терзать тебя, дорогое сердцу отечество мое? Когда перестанетъ этотъ, по видимому, вѣрующій во Христа народъ, творить свои безбожныя дѣла? Скоро ли, наконецъ, наступитъ тотъ счастливый день, когда мы всѣ возмемся дружно за руки, подъ могучимъ покровомъ правительства, руководимые не пошлымъ фразерствомъ, а благороднымъ, искреннимъ единодушіемъ, не дозволимъ изувѣрамъ тревожить, а порой и губить нашихъ соотечественниковъ, и откроемъ глаза заблудшимъ, считающимъ себя вѣрующими во Христа?

Когда наступитъ то, о чемъ я мечтаю, и даже наступитъ ли оно,—Богъ вѣсть; а между тѣмъ горюешь, тоскуешь, сердце болитъ, и рвешься душой, чтобы возбудить бездѣйствующихъ, просвѣтить невидящихъ.

Слушайте же, дорогіе читатели, то, о чемъ я вамъ разскажу, и ежели хоть въ немногихъ изъ дремлющихъ настоящій мой очеркъ, возбудивъ пламень благороднаго негодованія или христіанскаго сожалѣнія къ заблудшимъ, побудитъ къ тому, чтобы дѣломъ помочь нашему святому дѣлу, то цѣль моя будетъ достигнута, и я мысленно пожму тѣмъ немногимъ руку и скажу имъ въ душѣ горячее спасибо.

Въ небольшомъ сельцѣ западной Россіи, изъ рода въ родъ, жило честное семейство православнаго священника. Идеализировать героевъ настоящаго моего очерка, конечно, я не стану, но по совѣсти скажу что отецъ Симеонъ и его семья были хотя и простые, но честные и добрые люди. Смиреніе и почти идеальное христіанское незлобіе клали особенный и обаятельный отпечатокъ на характеръ главы семьи. Разумная и трудолюбивая, а порой немного и кропотливая, *добродзѣйка*,—какъ обыкновенно звали крестьяне жену о. Симеона, была бы вполнѣ достойной сожительницей отца Симеона, если бы порой она не смущала его своимъ раздражительнымъ и энергическимъ

характеромъ, мало способнымъ къ мужественному перенесенію житейскихъ невзгодъ и лишеній, которыя такъ часто и такъ недавно еще приходилось испытывать на нашемъ западѣ, на нашей родной землѣ, нашимъ роднымъ священнослужителямъ! Двѣ дочери—невѣсты Марія и Елена, были гордостью отца, предметомъ безконечной заботливости, любви и душевнаго горя матери. Бѣденъ былъ отецъ Симеонъ, маленькаго жалованья не хватало и на хлѣбъ; умри онъ и хлѣба нѣтъ; безприданницы за мужъ нейдутъ, и не разъ обливалось кровью материнское сердце Агафіи Ивановны, при мысли о злополучной участи дѣтей, въ случаѣ смерти шестидесятилѣтняго ея мужа. Сыновья отца Симеона Петръ и Павелъ учились въ мѣстной семинаріи и учились хорошо; они радовали родителей, но много безсонныхъ ночей за работою проводили ихъ сестры, много слезъ проливала мать, добывая трудомъ и лишая необходимаго домашнихъ, чтобы содержать въ городѣ Петра и Павла. Въ послѣднее только время, т. е., по увольненіи крестьянъ и послѣ подавленія послѣдняго мятежа, финансовыя обстоятельства отца Симеона нѣсколько поправились. Прежній владѣлецъ села Крупова (прихода отца Симеона) былъ дѣятельнымъ пропагандистомъ революціи, а слѣдовательно заклятымъ врагомъ *схизматицкаго*, какъ онъ говаривалъ, попа. Какъ ни кротокъ былъ отецъ Симеонъ, но это не спасло его отъ безконечной и безпричинной ненависти и презрѣнія вельможнаго пана Круповскаго и, конечно, онъ всѣми мѣрами старался унижать нравственно и разорять матеріяльно ненавистнаго ему схизматическаго священника. У деревенскаго духовенства нашего запада три источника доходовъ: незначительное жалованье, указанная правительствомъ крестьянамъ обработка церковныхъ полей и кое-какіе гроши за требоисправленіе. Брать съ крестьянъ деньги за совершеніе таинствъ, а особенно за похороны – отецъ Симеонъ считалъ величайшимъ грѣхомъ [1]). Жалованьемъ, разумѣется, не раскутишься; что же касается обработки крестьянами клочка церковной земли, что составляло бы самую существенную отрасль доходовъ священника, то заклятый антагонистъ отца Симеона—панъ Круповскій, не смотря на существованіе государственнаго закона, издалъ свой законъ, которымъ, подъ страхомъ батоговъ, воспрещалось крестьянамъ работать на священническомъ полѣ,—и увы! въ

1) Да и запрещено указомъ св. сунода. *Ред.*

этомъ случаѣ, панскій законъ оказывался сильнѣе государственнаго. Напрасно возмущавшаяся панскою несправедливостью Агафія Ивановна упрекала за бездѣйствіе отца Симеона; наконецъ, послѣ третьяго письма, полученнаго изъ города о томъ, что Петръ и Павелъ будутъ прогнаны изъ квартиры, если за содержаніе ихъ не будутъ высланы деньги, миролюбивый о. Симеонъ, въ скромныхъ выраженіяхъ попросилъ правительство оказать ему содѣйствіе въ томъ, что слѣдовало ему по закону. По поводу этого прошенія назначено было слѣдствіе, и чтожъ оказалось? Полякъ предводитель и продажная душа становой нашли, что крестьяне исправно обработываютъ церковную землю, и въ тоже время донесли по начальству, что нашъ незлобивый отецъ Симеонъ-клеветникъ, ябедникъ, горькій пьяница и что онъ развращаетъ дурнымъ примѣромъ свою паству [1]). Сильно огорчился отецъ Симеонъ, узнавъ о послѣдствіи своего прошенія, а панъ Круповскій приказалъ *поповское* поле, обсѣмененное и обработанное нанятыми работниками, а частью и личнымъ трудомъ священнической семьи, стравить и сбить своимъ скотомъ. Не трудно себѣ вообразить, каково было смятеніе отца Симеона, порывистое негодованіе Агафіи Ивановны и грусть помощницъ ихъ дочерей, когда они увидѣли плоды многодневныхъ трудовъ своихъ, надежду годичнаго существованія въ одну ночь до тла уничтоженными. Осунулся, похудѣлъ и даже какъ будто постарѣлъ послѣ этой тяжелой ночи отецъ Симеонъ, судорожно рыдала Агафія Ивановна, а Марія и Елена, тайкомъ утирая слезы, старались успокоить своихъ злополучныхъ родителей.

Впрочемъ, не только отецъ Симеонъ, Марія и Елена, но даже и Агафія Ивановна впослѣдствіи привыкли видѣть уничтоженными панскимъ скотомъ нивы свои;—когда же панъ Круповскій въ продолженіи трехъ лѣтъ съ ряду повторилъ одинъ и тотъ же маневръ, то на семейномъ совѣтѣ рѣшено было церковной земли не обработывать, а питаться—злополучной, нищенствующей семьѣ купленымъ хлѣбомъ. Послѣ увольненія крестьянъ, обстоятельства нашего добраго священника понемногу начали поправляться. Въ первомъ же году крестьяне, которые не имѣли уже надобности бояться своего помѣщика, охотно и по-

1) Не такъ давно всякая самая справедливая и законная жалоба православнаго священника на безчинства и обиды кого бы то ни было, вособенности же на пана, считалась ябедой и подвергала его разнымъ непріятностямъ и бѣдствіямъ, изъ коихъ меньшее—это перемѣщеніе. *Ред.*

чти безмездно предложили отцу Симеону свой трудъ. Поле обработано было прекрасно, жатва собрана своевременно, и богатый урожай до того облегчилъ положеніе отца Симеона, что не только онъ заплатилъ во-время за содержаніе въ семинаріи своихъ сыновей, но даже имѣлъ возможность уплатить кое-какіе должки. Въ слѣдующемъ послѣ увольненія крестьянъ году, дѣла о. Симеона до того поправились, что нельзя было довольно налюбоваться сіяющимъ лицемъ Агафіи Ивановны, когда на новый годъ она проводила въ церковь своихъ дочекъ одѣтыхъ въ новыя бѣличьи шубки. Правда, что панъ Круповскій не разъ порывался—было повторять старыя штуки и нерѣдко подговаривалъ своихъ работниковъ травить поповъ хлѣбъ, но теперь это ему съ трудомъ удавалось; потому что если и случалось, что кто нибудь изъ работниковъ Круповскаго, соблазнившись обѣщаннымъ карбованцемъ, загонялъ въ священническое поле его лошадей или быковъ, то крестьяне, увидѣвъ разоряемый хлѣбъ своего *добродзѣя*, непрошеныхъ гостей прогоняли вонъ, а виновный батракъ, вслѣдствіе мірскаго приговора, подвергался, для назиданія прочимъ, публично, возлѣ корчмы, постыдному тѣлесному наказанію. Негодовалъ панъ Круповскій; однажды даже смѣненъ былъ пріятелемъ Круповскаго мировымъ посредникомъ, сельской староста, но и это не помогло, потому что крестьяне твердо стояли на своемъ, а посредникъ нашептывалъ на ушко помѣщику, что *жондомъ* приказано не раздражать, а ухаживать за *пшеклентеми* русинами. Когда возстаніе было подавлено и поляки мировые замѣнены были русскими, то отецъ Симеонъ, найдя сильную поддержку въ мѣстномъ посредникѣ, забылъ-было и думать о своемъ страшномъ врагѣ, а увернувшійся отъ отвѣтственности за участіе въ мятежѣ панъ Круповскій всякій разъ скрежеталъ зубами, когда ему случалось проѣзжать возлѣ священническаго поля, покрытаго богатою, золотистою жатвой. Какъ бы то ни было, но все-таки въ то время къ которому относится начало нашего разсказа, семейство отца Симеона было одѣто, обуто, сыто, имѣло корову, пару лошадей и нѣсколько десятковъ рублей въ запасѣ и считало себя и богатымъ, и счастливымъ.

Въ одинъ суботній іюнскій вечеръ, отслуживъ всенощную, отецъ Симеонъ возвращался изъ бывшей не вдалекѣ отъ его скромнаго жилища церкви домой. Священникъ одѣтъ былъ въ каламиноровый подрясникъ,— обыкновенную лѣтнюю одежду бѣднаго западно-русскаго духовенства, на головѣ у него была соломенная

съ большими полями, круглая пуховая шляпа, а въ рукахъ толстая, домашняго издѣлія, палка. Лице нашего добраго отца Симеона, на этотъ разъ было озабочено и, судя по его печальному выраженію, не трудно было заключить, что его огорчило какое-то непріятное событіе. Спустившись съ холма, на которомъ построена была церковь, и обогнувъ глубокій ровъ, заросшій колючей *термедой* (обыкновенной въ здѣшнихъ околицахъ изгородью), отецъ Симеонъ подошелъ къ воротамъ своей усадьбы, взялся рукой за деревянную задвижку калитки, пріостановился и призадумался. Наконецъ, какъ-бы рѣшившись на что-то отчаянное онъ махнулъ рукой и вошелъ въ калитку. На не большомъ дворикѣ своей усадьбы отецъ Симеонъ нашелъ всю свою семью: Агафія Ивановна доила корову, Марія на крыльцѣ полоскала въ водѣ только что выкопанную ею и видимо приготовленную для ужина картофель, пріѣхавшіе на каникулы молодые семинаристы играли въ мячикъ [1]), а Елена, опершись на деревянный заборикъ, отдѣляющій дворикъ отъ небольшаго бывшаго возлѣ домика цвѣтничка, задумчиво глядѣла въ даль.

— Богъ милость прислалъ, отозвался отецъ Симеонъ, обращаясь къ своимъ.

Вся семья дружно и радушно откликнулась на привѣтствіе своего главы, а отецъ Симеонъ не вошелъ въ домикъ, что обыкновенно онъ дѣлывалъ, возвращаясь изъ церкви, чтобы повѣсить свою шляпу въ горницѣ на гвоздикъ возлѣ печки и поставить тамъ же въ обычномъ уголочкѣ свою палку, а остановился возлѣ Агафіи Ивановны, видимо не рѣшаясь подѣлиться съ домашними занимавшимъ его душу событіемъ. Хорошо знавшая своего мужа Агафія Ивановна оставила свое занятіе и, предвидя что-то недоброе, тоже съ тревогой взглянула на отца Симеона.

— Ну-нечего тутъ, отецъ Симеонъ, скрывать, а скажи что тамъ случилось? спросила наконецъ она.

— Голубушка Агафія Ивановна, отвѣтилъ отецъ Симеонъ; прежде всего я долженъ напомнить тебѣ, что мы должны быть премного благодарны Господу Богу за то, что онъ помогъ намъ пристроить нашу Елену и что также намъ не слѣдуетъ огорчаться никакими житейскими случайностями.

---

1) Не мѣшало бъ имъ быть, вмѣстѣ съ отцемъ, въ церкви. *Ред.*

— Ахъ, отецъ Симеонъ, не мучь меня, скажи что именно случилось? нетерпѣливо отозвалась Агафія Ивановна.

— Да лошадки то наши забрели на помѣщичье поле и ихъ загнали въ дворъ.

Агафія Ивановна перекрестилась.

— Только то! воскликнула она; не велика еще бѣда,—пусть оцѣнятъ потраву и заплатимъ что слѣдуетъ.

— Я не все еще сказалъ, тихимъ и нерѣшительнымъ голосомъ продолжалъ отецъ Симеонъ. Толкують, будто бы наша гнѣдая на барскомъ скотномъ дворѣ околѣла.

Агафія Ивановна опять перекрестилась, но на этотъ разъ подъ вліяніемъ совсѣмъ другаго чувства: на лицѣ ея выразилась смѣсь испуга съ тяжкою печалью. Въ продолженіи длиннаго ряда полныхъ лишеній и всякаго горя лѣтъ, Агафія Ивановна такъ привыкла всего пугаться, все видѣть въ черномъ цвѣтѣ, что ее приводили въ ужасъ и отчаяніе даже не весьма значительныя невзгоды: такъ, напримѣръ, издохшая лошадь, при настоящемъ положеніи дѣлъ отца Симеона, не составляла еще большей утраты, но Агафіи Ивановнѣ въ первые минуты послѣ сообщенной ей мужемъ новости, показалось, что съ потерею лошади, и она, и семья ея невозвратно потеряли столь недавнее благосостояніе и опять на вѣки—вѣчные впали въ прежнюю тяжелую нищету. Въ отчаяніи, съ блѣднымъ лицемъ и дрожащими руками, Агафія Ивановна опять молча принялась доить свою корову, молоко лилось мимо подойника, а она не замѣчала этого; семья тревожно окружила ее, но лице ея было блѣдно, изъ груди готовы были вырваться рыданія, она не замѣчала ни мужа, ни любимыхъ дочерей, ни дорогихъ гостей— сыновей своихъ.

— Не грѣши, Агафія Ивановна, Богъ милостивъ! отозвался первый отецъ Симеонъ. Ну и можно ли такъ скорбѣть—въ особенности теперь, когда по милости Господней мы устроили нашу Елену?!

— Не возметъ нашей Елены Туровскій, когда узнаетъ, что наша гнѣдая околѣла,—сквозь слезы возразила Агафія Ивановна.

Услыхавъ эти слова Агафіи Ивановны, незнакомые съ печальнымъ бытомъ западнаго православнаго духовенства читатели наши, вѣроятно, подумаютъ, что или черезъ чуръ ужъ была впечатлительна жена отца Симеона, или что слишкомъ пошлъ и корыстенъ былъ недавно выпущенный изъ семинаріи женихъ

Елены Туровскій, если онъ способенъ отказаться отъ своей невѣсты изъ—за того только, что родители ея обѣднѣли одной издохшей клячей. Но не осуждайте преждевременно, читатели! Развѣ вы не знаете того, какъ часто заѣдаетъ среда не только Туровскихъ, но даже и болѣе зрѣлыхъ и развитыхъ людей. Но все—таки на этотъ разъ опасенія Агафіи Ивановны были слишкомъ уже преувеличены; услыхавъ ея слова, призадумались на минуту и отецъ Симеонъ и Марія, а у Елены на рѣсницахъ повиснули даже слезы. Развѣ Елена была влюблена въ Туровскаго? О, нѣтъ, читатели! Елена не читывала романовъ, ей по просту съ именемъ жениха соединялась мысль о будущемъ мужѣ, о скромномъ домикѣ, о собственномъ хозяйствѣ, и все это представлялось ей въ обаятельныхъ чертахъ, все манило къ радужному будущему.

— Богъ съ тобою, сказалъ, послѣ минутнаго раздумья, обращаясь къ женѣ, отецъ Симеонъ. Развѣ ты забыла, что по условію гнѣдая вовсе не была предназначена въ приданное Еленѣ? Мы вѣдь обѣщали дать ей только нужное платье, корову, штуку холста, шесть корцевъ [1]) хлѣба и двадцать пять рублей. Все это мы можемъ дать ей и теперь.

— А ѣздить то въ мѣстечко на рынокъ чѣмъ будемъ? возразила Агафія Ивановна. Но уже видно было, что слова отца Симеона отрезвили ее и что она значительно успокоилась ими.

— Купимъ лошадку, утѣшалъ жену отецъ Симеонъ.

— Купимъ! А за какія деньги?

— За какія... За какія?... и замялся добрый священникъ.

Когда Агафія Ивановна совсѣмъ успокоилась и когда, слѣдовательно, она могла уже здраво разсуждать о случившейся съ ея гнѣдой печальной катастрофѣ, ей пришло въ голову подозрѣніе: не причастенъ ли панъ Круповскій смерти гнѣдой и не способствовалъ ли онъ посредствомъ какого либо снадобья, а, пожалуй, что добраго, и при помощи знахарки, столь быстрой кончинѣ лошади, которая была такъ сильна и здорова? Она сообщила свое предположеніе отцу Симеону, который, изъ опасенія напраснаго, быть можетъ, подозрѣнія, хоть и не согласился съ мнѣніемъ жены, но въ душѣ подумалъ, что отъ пана Круповскаго всего можно ожидать.

Разумѣется, что участію вѣдьмъ отецъ Симеонъ совсѣмъ не

1) Корецъ—немного болѣе полчетверти.

вѣрилъ, но онъ хорошо зналъ, что панъ Круповскій страстный *аматоръ* лошадей и въ тоже время искусный коновалъ—и что слѣдовательно, ни его совѣсть, ни профессія не помѣшали ему известь добраго коня „схизматицкаго.“ Когда шли толки о гнѣдой, Елена вдругъ вздрогнула, потомъ вспыхнула и чуткимъ ухомъ начала прислушиваться въ даль.

— Ѣдетъ, мамочка, ѣдетъ! не утерпѣла она, наконецъ, обращаясь къ матери.

— Да гдѣ ты видишь? спросила Агафія Ивановна, тоже заглядывая въ длинную улицу и ничего не видя.

— Слышу мамочка;—это вѣдь стучитъ его *таратайка*.

Дѣйствительно, спустя минуту, вся семья услыхала дребезжаніе разбитой таратайки, а немного погодя на дворъ отца Симеона въѣхалъ женихъ Елены—Туровскій.

— Молодой человѣкъ былъ не слишкомъ красивъ; судя по новенькому, впрочемъ довольно мѣшковатому, сѣренькому, нанковому сертучку, и глядя на красивенькій платочекъ, который щеголевато повязанъ былъ на его шеѣ, не трудно было заключить, что онъ сколько возможно прихорашивался, собираясь предстать предъ лице своей невѣсты. Слѣзши съ своей таратайки, Туровскій поцѣловался трижды въ лице съ отцемъ Симеономъ, подошелъ къ ручкамъ дамъ и поздоровался съ молодыми семинаристами. Окончивъ церемоніалъ свиданія, Туровскій возвратился къ своей таратайкѣ и досталъ изъ нее большой, сѣрый, глинянный горшекъ, а изъ горшка появился на свѣтъ Божій большой букетъ изъ розъ и жасминовъ, а посреди его красовался величественный и ярко пылающій піонъ.

— Вишь какой любезникъ! Видно, что изъ губернскаго! отозвалась, видимо довольная вниманіемъ Туровскаго къ его дочери, Агафія Ивановна, а Елена, хотя съ смущеніемъ, но и съ улыбкой, благодарила своего жениха.

— Гдѣ вы это достали? спросила Елена.

— Купилъ у помѣщичьяго садовника, отвѣтилъ Туровскій.

— А наша гнѣдая околѣла, обращаясь къ Туровскому, тоскливо проговорила Агафія Ивановна.

— Какъ такъ? спросилъ Туровскій; вчера была здоровехенька, а сегодня ни съ того ни съ сего околѣла?!

— Заняли съ помѣщичьяго поля, и она околѣла на барскомъ скотномъ дворѣ.

— Ужъ не штука ли это пана Круновскаго, заподозрилъ Туровскій.

Агаѳія Ивановна такъ обрадовалась совпаденію мысли Туровскаго съ ея собственнымъ предположеніемъ, что на радости всплеснула руками.

— Его, его штука, злодѣя нашего! съ живостью и увѣренностью заговорила она. Вотъ видишь ли, отецъ Симеонъ, и г. Туровскій тоже что и я думаетъ.

— Не клевещите, быть можетъ, напрасно! Грѣшно! отозвался отецъ Симеонъ.

— Ахъ, батюшка, замѣтила Марія, неужели вы все еще не знаете нашего помѣщика? Отъ него все можетъ статься. А я вамъ скажу, что мнѣ старая Галузинская по секрету говорила, что когда она была ключницей у помѣщика, то онъ не разъ говорилъ, что наша гнѣдая—славная лошадь и что онъ постарается—таки, чтобы мы не долго тѣшились ею.

— Почему же ты прежде не сказала намъ этого? спросила у дочери Агаѳія Ивановна.

— Къ чему же мнѣ было, быть можетъ, напрасно огорчать васъ? Мало ли и безъ того вы натерпѣлись уже горя? Теперь же я сказала только потому, что, быть можетъ, помѣщику можно будетъ доказать, что это онъ свелъ со свѣта гнѣдую и тогда его заставятъ вознаградить васъ.

— Умница ты моя! похвалила дочь Агаѳія Ивановна и сейчасъ же послала свою работницу за старой шляхтянкой—паней Галузинской, которая была прогнана съ должности ключницы паномъ Круновскимъ, и посредствомъ которой проницательная добродвина наша надѣялась вывѣдать всю подноготную.

Въ ожиданіи пани Галузинской, отецъ Симеонъ, Агаѳія Ивановна и Туровскій принялись толковать о предстоящей, назначенной чрезъ двѣ недѣли, свадьбѣ, о приготовленіяхъ къ ней и неизбѣжныхъ расходахъ. Сирота Туровскій былъ голъ, какъ соколъ, чего, конечно, онъ не имѣлъ ни надобности ни охоты скрывать отъ родителей своей нареченной: у него, что называется, не было ни гроша за душой. Даже и сѣрый нанковой сюртучекъ, надѣтый на немъ, былъ купленъ за данную ему отцемъ Симеономъ, въ счетъ обѣщанныхъ въ приданное двадцати пяти рублей, зелененькую.

Молодой человѣкъ выходитъ изъ семинаріи и ему дадутъ назначеніе тогда только, когда онъ отыщетъ себѣ невѣсту.

Почему бы, казалось, не предоставить кандидатам священства еще до женитьбы какого нибудь полезнаго занятія, которое могло бы дать им хоть и скудное, но приличное содержаніе? Мысль эта, къ счастью, разработывается [1]) уже, а потому мнѣ показалось не лишним коснуться ея мимоходом въ моем настоящем очеркѣ тѣм болѣе, что она находит горячее сочувствіе и между мыслящими людьми нашего запада.

Туровскій, сватаясь на Еленѣ, руководился тѣми же побужденіями, коими руководится большинство бывших въ его же положеніи молодых семинаристов. Впрочем нельзя сказать, чтобы Елена совсѣм ему не нравилась; напротив того он даже отчасти доказал, что она ему по сердцу, посватавшись против обычая, не на старшей дочери отца Симеона-Маріи, а на Еленѣ. По этому поводу он даже встрѣтил — было большое затрудненіе, потому что Агафія Ивановна, которая никак не хотѣла отдать замуж меньшую дочь, тогда как старшая остается въ дѣвицах, рѣшительно отказала была ему и только, благодаря настойчивости и благородным просьбам и слезам самой Маріи, Туровскому удалось сдѣлаться женихом Елены. Но все таки Туровскій никогда не посватался бы на своей настоящей невѣстѣ, если бы родители ея были въ прежнем бѣдственном положеніи и если бы они не въ состояніи были дать ему въ приданное коровы, штуки холста, шести корцев хлѣба и двадцати пяти рублей. Мог ли он жениться на Еленѣ, без этих благ, когда голод и холод угрожали бы ему въ самый медовой мѣсяц?

Наконец явилась пани Галузинская, а вслѣд за ней неожиданно вошел на дворик священничоскаго домика сельской староста Семен и привел съ собою судцев [2]) (судей).

— Помогай Биг, добродзѣйко! низко кланяясь и обращаясь къ Агафіи Ивановнѣ, отозвался староста.

Судцы тоже почтительно кланялись своей добродзѣйкѣ?

— Здравствуйте, добрые люди, сказала Агафія Ивановна. Ты слышал Семен, что наша гнѣдая околѣла?

— Слышал, добродзико. А гдѣ же добродзѣй?

1) Уже два года, как мысль эта приводится въ исполненіе въ кіевской епархіи. Ред.

2) Всякое сельское общество, как извѣстно, избирает судей, для разбора менѣе важных дѣл.

— Добродзѣй? Добродзѣй ушелъ на пасеку.

Дѣйствительно, благодушный отецъ Симеонъ, зная, для чего позвана Галузинская, не хотѣлъ быть свидѣтелемъ непріятныхъ ему разспросовъ.

— Трп (нужно) батюшку поклыкать, продолжалъ староста: мировы заразъ у васъ будуть.

— Какъ?—онъ здѣсь? спросила Агафія Ивановна.

— Чыжъ (развѣ) вы не знаете? отвѣтилъ Семенъ, удивленный тѣмъ, что Круповская добродзика не знаетъ о случившемся въ с. Круповѣ важномъ событіи,—о пріѣздѣ посредника.

— Вже дви годыны, якъ ихъ высокоблагородіе пріихалы. Воны у Семена въ хати, пояснилъ одинъ изъ судцевъ; заразъ у васъ будуть.

Узнавъ о предстоящемъ посѣщеніи именитаго гостя, Агафія Ивановна попросила Туровскаго отправиться въ находящуюся не вдалекѣ отъ домика небольшую, принадлежащую отцу Симеону, пасеку, чтобы позвать его, услала дочерей въ комнаты, чтобъ онѣ принарядились и распорядились самоваромъ, а сама принялась допрашивать паню Галузинскую и толковать съ Семеномъ о дѣлѣ, которое въ настоящее время такъ сильно занимало ее.

— Голубушка, пани Галузинская, говорила она, скажите ради Бога, какъ это могло случиться, чтобы наша гнѣдая ни съ того ни съ сего околѣла?

— Я думаю, что этому виной злые люди, отвѣтила Галузинская, которая была сердита на Круповскаго за то, что онъ лишилъ ее доходной должности ключницы.

— Ой що правда, то правда! сказалъ Семенъ и разсказалъ Агафіи Ивановнѣ такія чудныя вещи, что она и крестилась, и всплескивала руками, а между тѣмъ внимательно слушала краснорѣчиваго старосту.

Грустная исторія преждевременной погибели гнѣдой, еще гораздо прежде, чѣмъ Агафія Ивановна и самъ отецъ Симеонъ узнали о случившейся катастрофѣ, сильно заняла дѣятельнаго Семена, и онъ успѣлъ уже разслѣдовать дѣло. Лишь только встрѣтившійся въ полѣ Семену нанятый паномъ Круповскимъ изъ чужаго села, извѣстный во всемъ околодкѣ пьяница, полевой сторожъ извѣстилъ его, что имъ заняты на панской ржи поповскіе *кони*,—нашъ староста сейчасъ же отправился на то мѣсто, гдѣ, по указанію сторожа, сдѣлана была потра-

ва и, къ величайшему удивленію, онъ убѣдился, что потравы въ дѣйствительности не было. Само собою разумѣется, что сдѣланное Семеномъ открытіе возбудило въ немъ сильное подозрѣніе о зломъ умыслѣ хорошо извѣстнаго ему пана Круповскаго и о содѣйствіи ему безнравственнаго сторожа. На возвратномъ пути изъ поля домой, проходя мимо панскаго скотнаго двора, Семенъ узналъ, что гнѣдая успѣла уже околѣть и это еще болѣе возбудило подозрѣніе сметливаго старосты. Прійдя въ свою хату, Семенъ прежде разсказалъ своей женѣ о случившемся, а потомъ, чтобъ окончательно убѣдиться въ своемъ предположеніи, отправилъ ее къ извѣстной во всей окрестности круповской знахаркѣ—старухѣ Гапкѣ. По словамъ вскорѣ возвратившейся Семеновой жены, Гапка молилась, крестилась, шептала, плевала, а потомъ рѣшительно объявила, что прямымъ виновникомъ преждевременной погибели поповской гнѣдой, никто другой, какъ злодѣй Круповскій. Семенъ хотѣлъ было немедленно увѣдомить добродзѣевъ, какимъ именно образомъ погибла гнѣдая,—но неожиданный пріѣздъ мироваго остановилъ его. Теперь же, когда Семенъ стоялъ лицемъ къ лицу съ добродзикой, и когда они съ такою живостью и такъ горячо заговорили съ нимъ о печальной участи гнѣдой, онъ расказалъ ей о томъ, какъ и почему именно онъ заподозрилъ пана Круповскаго и какъ несомнѣнно слова старой и всевѣдущей Гапки подтвердили его подозрѣніе. Пани Галузинская присовокупила, что она давно уже знала о томъ что не сдобровать гнѣдой; потому что не разъ слыхала, какъ панъ Круповскій, въ кругу своихъ родныхъ и пріятелей, клялся, что онъ позаботится—таки о томъ, чтобы круповскій попъ не владѣлъ лошадью, которой онъ и самъ со всей семьей не стоитъ. Староста сообщилъ еще, что онъ расказалъ уже мировому о злодѣйствѣ Круповскаго, и, что, по этому-то поводу, желая переговорить съ добродзѣями, мировой намѣренъ посѣтить ихъ. Не успѣла еще взволнованная и отчасти обрадованная Агафія Ивановна оправиться, лишь только возвратившійся изъ пасеки отецъ Симеонъ надѣлъ свою парадную, черную мериносовую рясу, какъ тарантасъ мироваго остановился у воротъ священническаго домика.

— Здраствуйте, отецъ Симеонъ, здравствуйте Агафія Ивановна: панъ Круповскій, кажется, опять сыгралъ съ вами злую штуку, говорилъ мировой, слѣзая съ своего тарантаса, вышедшимъ къ нему на встрѣчу хозяевамъ.

— Я боюсь обвинять, быть может, напрасно, отозвался отецъ Симеонъ.

— Ахъ, отецъ Симеонъ, съ живостью отозвалась Агафія Ивановна; неужели ты не знаешь пана Круповскаго?

— Вѣрьте совѣсти, ваше высокоблагородіе, обращаясь къ мировому, сказалъ Туровскій,—что всему виною врагъ нашего отечества, злодѣй помѣщикъ.

— Развѣ я не говорила тебѣ, что разсказываетъ Семенъ, присовокупила Агафія Ивановна.

— Ну—можно ли вѣрить знахаркамъ? сказалъ съ укоромъ отецъ Симеонъ.

— Вѣрить знахаркамъ, конечно, было бы смѣшно, сказалъ мировой, но неужели въ васъ, отецъ Симеонъ, не возбуждаетъ подозрѣнія то, что ваши лошади взяты съ поля за сдѣланную будто бы ими потраву, тогда какъ потравы въ дѣйствительности не было?

— Но правда ли, что нѣтъ потравы? спросилъ добрый священникъ.

— Вотъ онъ всегда такъ, съ упрекомъ воскликнула Агафія Ивановна, и вмѣсто того, чтобы беречь себя, онъ самъ же и защищаетъ своихъ враговъ.

— Что потравы не было,—это вѣрно, замѣтилъ мировой. Я уже спрашивалъ полеваго сторожа, и хотя онъ еще и не сознается, но по испуганнымъ глазамъ его видно, что онъ виноватъ.

Кстати, я привезъ его съ собой, чтобъ окончательно уяснить событіе!

Какъ ни интересно было Агафіи Ивановнѣ узнать истину о бѣдой, но все таки чувство гостепріимства взяло верхъ, и она, попросивъ мироваго отложить на время допросъ, пригласила его въ домъ и принялась хлопотать возлѣ самовара. Пока мировой пилъ чай и лакомился свѣжимъ медомъ, усердный Семенъ всѣми мѣрами старался убѣдить сторожа расказать на счетъ гнѣдой сущую правду.

— Дэжъ ты взявъ батюшковы кони? спрашивалъ староста сторожа.

— А дежъ? Тажъ въ жыти.

— Брешешъ, не въ жыти.

— Прыйися Богу въ жыти.

— Якъ жежъ въ жыти, колы въ жыти нема жадной шкоды.

— А Господь его знае, видъ чого нема шкоды.

— Эй, прызнайся, Павле, що це панъ тебэ намовывъ!
— Ни-таки, не панъ.
— Эй прызнайся,—а то въ морду триспу!
— А якъ триснете, то що?
— А побачымъ що. Эй прызнайся!
— Ни-таки, не панъ.
— Якъ жежъ не панъ, колы и стара Гапка казала, що панъ.
— А? що? що кажете? Гапка казала?
И Павло совсѣмъ растерялся.
— А въ шкуру не даcьте? спросилъ онъ, подумавъ съ минуту
— Ни, не дамъ прысяй Богу, не дамъ.
— А, трасця его матери, энергически заговорилъ тогда Павелъ,— щобъ я за него вражого ляха та на свою душу грихъ бравъ? Не дочекае того вишъ! Тажъ це правда, що панъ Круповскій намовывъ мене взяты дэ—нэ будь, хочь бы и не въ шкоди, батюшковы кони, а сказаты, що взявъ въ жыти. А я дурны и послухавъ!

Обрадованный сознаніемъ сторожа, Семенъ сейчасъ же отправился изъ священнической кухни, гдѣ онъ допрашивалъ Павла, въ комнаты отца Симеона и радостно объявилъ и мировому и добродзѣю и добродзикѣ, что его подозрѣніе о зломъ умыслѣ пана Круповскаго наконецъ окончательно подтвердилось сознаніемъ сторожа—что лошади взяты были не съ потравы, а по наговору помѣщика, съ сосѣдней съ его рожью крестьянской паранины [1]). Позвали сторожа и онъ, какъ будто бы говоря с третьемъ лицѣ, ругалъ себя и дурнымъ и скаженымъ (сумашедшимъ) и снова подтвердилъ свое сознаніе. Ясно было, что панъ Круповскій для того старался заманить въ свой скотный дворъ священническихъ лошадей, чтобы при помощи какого нибудь снадобья спровадить съ Божьяго свѣта хоть одну изъ нихъ, и потому мировой, обѣщавъ свое содѣйствіе, уговорилъ отца Симеона сейчасъ же написать къ Круповскому отзывъ, требуя вознагражденія за потерянную лошадь. Бумага была написана и отправлена съ старостой, а спустя полъ-часа, къ немалому удивленію отца Симеона и его семьи, надменный панъ самъ явился въ скромный священническій домикъ.

— Ахъ, пане мировой, входя въ комнату развязно заговорилъ Круповскій, какъ я радъ, какъ я счастливъ, что вижу васъ

1) Паранина—первое поле.

Вообразите, я только что собрался было ѣхать въ нашъ уѣздный городъ: я всегда ѣзжу по ночамъ, — какъ вдругъ узналъ, что вы въ нашемъ селѣ и разумѣется, поспѣшилъ явиться сюда, чтобы выразить вамъ мои неизмѣнныя искреннія чувства.

И Круповскій протянулъ мировому руку, которую тотъ, разумѣется, долженъ былъ пожать.

— Ксендзъ добродзѣй, обратился Круповскій къ отцу Симеону, ради Бога, объясните мнѣ, что за странную бумагу я получилъ отъ васъ? Неужели, живя болѣе чѣмъ двадцать лѣтъ въ одномъ съ вами селѣ, я все еще не успѣлъ доказать вамъ мою преданность, дружбу, смѣю сказать, любовь? Неужели при вашемъ правдолюбіи и умѣ, вы повѣрили словамъ этого негодяя, моего полеваго сторожа, и могли заподозрить меня въ гнусномъ дѣлѣ?

— А Богъ васъ знаетъ,—Богъ вамъ и судья, нерѣшительно заговорилъ отецъ Симеонъ.

Мировой собирался что то сказать, но нетерпѣливая и изумленная наглостью пана Круповскаго Агафія Ивановна заговорила съ увлеченіемъ:

— Не совѣстно ли вамъ, панс Круповскій, объясняться въ любви, когда вы, въ продолженіи двадцати лѣтъ, были нашимъ явнымъ и заклятымъ врагомъ? Не по вашей ли винѣ, имѣя собственную земельку, мы питались купленнымъ хлѣбомъ? Не по вашей ли милости мы терпѣли голодъ и холодъ? И еще вы хвалитесь вашею дружбою и любовью?

— Ахъ, пани добродзика, — какъ вы горячитесь, восклицалъ Круповскій, и подскочивъ къ Агафіи Ивановнѣ, звонко чмокнулъ ее въ руку. Вѣрите ли, панъ *сендзя*, обратился онъ къ мировому, что пани прекрасная и великодушная женщина, но у нея такой уже нравъ, что она погорячится и наговоритъ Богъ знаетъ что, а потомъ и сама жалѣетъ. А! И ты здѣсь, моя старая коханая Галузинская? Хотите ли ксендзъ добродзѣй, добавилъ онъ отцу Симеону, я докажу вамъ, какъ я люблю васъ и какъ я сочувствую случившемуся съ вами, мимо моего желанья, горю.

— Едва ли вы намъ это докажете, неутерпѣлъ даже и кроткій отецъ Симеонъ.

— Нѣтъ—нѣтъ, докажу,—сейчасъ же докажу! сказалъ Круповскій. Я знаю, что вы не богаты, и что потеря лошади составляетъ для васъ значительный убытокъ, а такъ какъ это

приключеніе по несчастью случилось въ моемъ скотномъ дворѣ то я предлагаю вамъ въ замѣнъ вашей сѣрой,—кажется, сѣрой?

— Гнѣдой, поправила Агафія Ивановна.

— Ахъ—да гнѣдой. И такъ въ замѣнъ вашей гнѣдой я предлагаю вамъ выбрать какую угодно лошадь изъ моего стада; а вы знаете что у меня въ стадѣ нѣтъ лошади дешевле сорока рублей; это для меня бездѣлица. Ну—что же по рукамъ?

— Не нужна мнѣ ваша лошадь, отвѣтилъ отецъ Симеонъ.

О корысть, корысть! Не только Агафія Ивановна, не только Туровскій, но даже Марія и Елена, не согласились съ мнѣніемъ отца Симеона и всѣ наперерывъ другъ передъ другомъ заговорили, что не слѣдуетъ не кстати великодушничать и пренебрегать лошадью, стоющею сорокъ, а пожалуй—и пятьдесятъ, или даже шестьдесятъ рублей. Мировой согласился съ мнѣніемъ большинства присовокупивъ, что это будетъ не подарокъ или милость со стороны Круповскаго, а особое только вознагражденіе за несомнѣнное его участіе въ погибели лошади отца Симеона. Панъ Круповскій написалъ къ своему эконому записку съ приказаніемъ выдать отцу Симеону, по его востребованію изъ стада по выбору лошадь. Объявивъ что онъ немедленно ѣдетъ по дѣламъ въ уѣздный городъ, Круповскій, поблагодаривъ въ душѣ свою звѣзду, что такъ счастливо выпутался изъ щекотливой исторіи, съ восторгомъ выбѣжалъ изъ священническаго дома.

— Пошелъ вонъ, скотина, чтобы и нога твоя не была болѣе въ моемъ домѣ! съ бѣшенствомъ прикрикнулъ онъ попавшемуся ему на встрѣчу у воротъ полевому сторожу. Попался было я, чортъ возьми! мысленно присовокупилъ онъ. О, чортовъ попъ! постойка, отплачу я тебѣ десятерицею!

— Панъ Круповскій сѣлъ въ свою нетичанку и ускакалъ. Точно ли онъ уѣхалъ въ городъ? Да, онъ поѣхалъ по дорогѣ въ городъ; но городъ вовсе не былъ цѣлью его путешествія; мысль его стремилась къ одинокой корчмѣ, стоящей въ лѣсу, въ семи верстахъ отъ Крупова, или точнѣе—къ двумъ таинственнымъ незнакомцамъ; а въ городъ онъ поѣхалъ послѣ для того только, чтобы прикрыть настоящую причину своей поѣздки.

Послѣ отъѣзда Круповскаго вскорѣ уѣхалъ и мировой, а священническая семья принялась за скромнымъ ужиномъ толковать о событіяхъ дня, о непонятной ей въ панѣ Круповскомъ перемѣнѣ и, разумѣется,—о скорой свадьбѣ.

— Ну, ваше же счастье, Туровскій, говорила Агафія Ивановна, что пану Круповскому захотѣлось похвалиться предъ міровомъ своимъ великодушіемъ и, въ замѣнъ отравленной имъ гнѣдой, дать намъ другую; а то я не на шутку уже подумывала о томъ, чтобы вмѣсто обѣщанныхъ вамъ двадцати пяти рублей, дать только пятнадцать. Вѣдь мы не могли бы обойдтись одной лошадью,—а за что купить вторую?

— Помилуйка Агафія Ивановна, отвѣтилъ Туровскій,—могли ли бъ и мы обойдтись пятнадцатью рублями?

— Ужь что тамъ ни толкуйте, а все—таки мы не дали бы болѣе пятнадцати рублей, если бы пришлось покупать лошадь, упиралась Агафія Ивановна.

— Есть о чемъ толковать, вмѣшался отецъ Симеонъ; вѣдь дѣло уже прошлое.

— Ну—ну, быть по твоему, согласилась Агафія Ивановна; оставимъ этотъ разговоръ, а послушайте-ка лучше, что мнѣ взбрело на мысль. У Круповскаго въ стадѣ, я знаю, все прекрасныя лошади; а такъ какъ онъ дозволилъ выбирать, то, разумѣется, мы возмемъ самую лучшую, примѣрно, рублей въ шестдесятъ; наша гнѣдая не стоила столько, но, къ чему намъ лошадь лучше нашей гнѣдой? Такъ вотъ я придумала: завтра же отправить взятую нами лошадь на ярмарку, и промѣнять ее на худшую, взявъ, разумѣется, въ придачу рублей пятнадцать или двадцать, и часть этихъ денегъ прибавить къ тѣмъ, которыя назначены на камлотовое платье Еленѣ и купить ей шелковое. А славная будетъ вещь! Незабудь отецъ Симеонъ, что не только у Маріи и Елены, но и у меня самой отъ роду не бывало шелковаго платья!

— Я бы думалъ, отвѣтилъ отецъ Симеонъ, что эти деньги слѣдуетъ присоединить къ тѣмъ, которыя собираются на поправку крыши ни колокольнѣ, и которыхъ такъ недостаточно. Согласись, Агафія Ивановна, что это деньги не наши, и что намъ грѣшно было бы употребить ихъ на роскошь, а не на полезное дѣло.

— Ахъ ты съ твоею вѣчною чужою пользою, начала было Агафія Ивановна; но на этотъ разъ трудъ ея былъ напрасенъ, потому что Марія и Елена согласились съ мнѣніемъ отца..

Было около одинадцати часовъ,—поздняя, конечно, пора для жителей деревни! Туровскій уѣхалъ, чтобы не задержать лишнее время одолженной имъ у дьячка своего лошадки и таратайки,

а священническая семья, въ самомъ отрадномъ настроеніи духа, отправилась на отдыхъ. Ложась въ постели всякій разумѣется занятъ былъ своими мыслями. Отецъ Симеонъ съ радостью думалъ о томъ, какъ на нашемъ западѣ обстоятельства перемѣнились, и какъ паны недавно еще столь надменные и недоступные ухаживаютъ теперь за нами—русскими; въ умѣ засыпавшей Агафіи Ивановны пріятно мелькали припасенные на черный день рожъ, пшеница, холстъ, десятки рублей, свадьба дочери, неразлучныя по этому поводу, но столь пріятныя, хлопоты; Маріи мерещилось, какъ со временемъ она будетъ пріѣзжать къ своей замужней сестрѣ, и няньчить ея ангельчиковъ—малютокъ; а Елена, разумѣется, погружена была въ свои сладостныя, дѣвичьи—невѣстины мечты. Миръ и счастье царили, надъ свидѣтелемъ тяжкой и продолжительной нужды и горя, надъ скромнымъ священническимъ домикомъ. Полночь. Огни затушены осторожной рукой Агафіи Ивановны, и вотъ заснула она, заснула и вся священническая семья. Спитъ она безмятежнымъ сномъ, и вовсе не чудится ей близкое и ужасное бѣдствіе, дѣло рукъ ужаснаго врага. А онъ уже здѣсь, онъ поднялъ преступную руку—свершилось злодѣяніе. Вскочилъ съ своей постели отецъ Симеонъ и сонными блуждающими глазами озирается кругомъ; обънятая ужасомъ Агафія Ивановна бѣжитъ къ своимъ дочерямъ и плачетъ и рыдаетъ она и умоляетъ Марію и Елену,—бросить все—и спасаться самимъ... Рушилось съ такимъ трудомъ добытое благосостояніе,— не предвидѣли злополучные Агафія Ивановна, Марія и Елена, чѣмъ разыграется еще плачевная драма ихъ многострадальной жизни!

Выѣхавъ отъ священника, панъ Круповскій хоть ѣхалъ весьма шибкою рысью, но все—таки нетерпѣливо понукалъ своего кучера, а когда въѣхалъ въ лѣсъ, въ которомъ находилась такъ сильно занимающая его корчемка, то ежеминутно вглядывался впередъ—не видать ли уже ее. Поровнявшись съ корчмой, хитрый Круповскій не остановился возлѣ нея, а далъ проѣхать сотню шаговъ впередъ.

— Ахъ-да, сказалъ онъ своему кучеру,— я и не замѣтилъ, что мы проѣхали уже корчму. Кажется проѣхали?

— Проѣхали, отвѣтилъ кучеръ.

— Погоди—ка минуточку, я пойду въ корчму закурить трубку.

Кучеръ остановился; а панъ Круповскій направился къ корчмѣ, вошелъ въ ея сѣни, но не входя въ жилыя комнаты, прошелъ сѣни противуположными воротами и отправился въ лѣсъ.

Пройдя сотни три шаговъ, онъ услыхалъ голосъ разговаривающихъ въ лѣсу людей. Поровнявшись съ незнакомцами панъ Круповскій молчалъ около минуты, а только пристально вглядывался въ ихъ лица. Видно было, что они вовсе незнакомы другъ другу. Предусмотрительный Круповскій, не будучи вполнѣ убѣжденъ, тѣ ли это именно люди, съ которыми ему нужно видѣться, повелъ рѣчь изъ далека.

— Панове, началъ онъ, вѣроятно, такъже, какъ и я, пользуясь прекрасною ночью, вздумали прогуляться здѣсь.

Незнакомцы не разъ, должно быть, наученные опытомъ оказались также осторожными, какъ и панъ Круповскій.

— Мы, пане, сказалъ одинъ изъ нихъ, люди проѣзжіе; остановились ночевать вотъ въ той корчмѣ, что вблизи, но тамъ очень душно, и мы пошли пройдтись.

— Панове изъ далека?

— Мы изъ за границы—по паспорту.

— А! изъ за границы! И панъ Круповскій убѣдился, что ему нечего опасаться. Я Янъ Круповскій, добавилъ онъ, — я начальникъ здѣшняго уѣзда и братъ Карла Круповскаго *Каптуроваго* судьи.

Незнакомцы и панъ Круповскій дружески поцѣловались.

— Панове, вѣроятно, теперь изъ Минска? спросилъ Круповскій!

— Изъ Минска; славная была тамъ работа!

— Честь и слава вамъ и вашей предусмотрительности. Вотъ и теперь вы поступили весьма осторожно не заѣхавъ ко мнѣ въ домъ, а назначивъ здѣсь свиданіе. Вы не повѣрите что тутъ творятъ, у насъ, на нашей родовой коронной землѣ, москали. Вотъ и теперь, я уже часа съ четыре, какъ получилъ съ честнымъ жидкомъ ваше письмо, и давно былъ бы уже здѣсь, если бы попъ не написалъ на меня доноса, въ слѣдствіе чего бывшій въ Круповѣ мировой чуть чуть не арестовалъ меня.

— Попъ! воскликнулъ одинъ изъ незнакомцевъ, У насъ въ Швейцаріи окончательно порѣшили — уничтожать это крапивное сѣмя.

— Прекрасно, прекрасно! восхищался Круповскій. Какъ ни ненавестны намъ эти москали, а все таки ихъ нельзя сравнить съ этими *бородачами*. А какую они имѣютъ теперь власть! Просто ужасъ! Стоитъ только одному изъ нихъ донести что только взбредетъ на умъ на кого нибудь изъ насъ—поляковъ, и уже несчастную жертву — тащутъ, со всѣмъ ея родомъ въ ужасную Сибирь. Нещадятъ даже и малютокъ, — и тѣхъ заковываютъ въ цѣпь! Ужасное племя, эти попы! Мой же попъ своимъ изувѣрствомъ извѣстенъ въ цѣлой губерніи. Повѣрите ли, что во время революціи, послѣ одной изъ стычекъ, мой попъ собственноручно закопалъ на полѣ битвы болѣе сотни раненныхъ поляковъ? Этотъ людоѣдъ упивался кровью невинныхъ мучениковъ и за то, теперь, отъ своего правительства получилъ высокій у русскихъ санъ.

Панъ Круповскій хорошо зналъ о томъ, что его товарищи поляки хорошо знакомы съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ и вовсе не вѣрятъ ему; незнакомцы также знали, что Круповскій, толкуя небылицы, основывается на пословицѣ, не любо не слушай а врать не мѣшай,—но все таки Круповскій продолжалъ врать, а тѣ, не только серіозно слушали, но даже и поддакивали ему. Таковъ уже край, складъ польскаго ума, что, толкуя о занимающемъ его предметѣ, онъ не любитъ истины, фактовъ, а фантизируя и идеализаруя, расписываетъ картину самыми яркими и даже и небывалыми цвѣтами. Если бы намъ русскимъ вздумалось толковать между собой на подобный ладъ, то мы бы, увѣряю васъ, рѣшительно не поняли другъ друга,—но у поляковъ выходитъ совсѣмъ другое дѣло. Они такъ привыкли, такъ изучили свой исключительный, свойственный только имъ однимъ складъ рѣчи, что разговаривая, среди путанницы и галиматьи, чутьемъ разбираютъ что именно дѣло, а что сказано такъ себѣ, единственно для краснаго словца,—для эфекта.

— Ужасы, ужасы, панове, творятся у насъ теперь! продолжалъ Круповскій. Всякой москаль, и всякій схизматикъ, будь онъ мировой, становой, попъ, старшина, староста и даже простой хамъ, имѣютъ право безнаказанно терзать насъ! И насъ терзаютъ, мучатъ, грабятъ, колютъ, рѣжутъ! Вѣрите ли, русское правительство ввело теперь въ дѣйствіе турецкіе законы, на основаніи которыхъ, всякій москаль имѣетъ право убивать правовѣрнаго католика?

И панъ Круповскій такъ печально качалъ головой и такъ тяжело вздыхалъ, что глядя на него можно было подумать, что въ припадкѣ увлеченія, онъ простодушно вѣритъ своей собственной лжи.

— О, негодные изувѣры! воскликнулъ одинъ изъ незнакомцевъ.

— Признаться, замѣтилъ второй изъ швейцарскихъ эмиссаровъ, и мы не дремлемъ,—и ежели москали терзаютъ насъ явно, за то мы тайкомъ порядочно насаливаемъ имъ. Однакожъ, пане Круповскій, не будетъ ли намъ отъ васъ какъ отъ здѣшняго повѣтоваго начальника какихъ нибудь распоряженій?

— О будутъ, будутъ, милые друзья! и панъ Круповскій засуетился, съ энтузіазмомъ замахалъ руками, и началъ шептаться съ незнакомцами, боясь, чтобъ ихъ не подслушалъ даже лѣсъ.

Нашептавшись вдоволь и опять поцѣловавшись съ незнакомцами, панъ Круповскій уѣхалъ въ уѣздный городъ, а миссіонеры *жонда*, пользуясь темнотою ночи, ни кѣмъ не замѣченные, направили шаги свои въ с. Крупово, къ злополучному священническому домику...

— Марія, Елена, все бросьте, сами только спасайтесь, дорогіе дѣти мои! Плача, рыдая, ломая руки, въ отчаяніи, въ изступленіи кричала Агафія Ивановна—а яркое пламя, раздуваемое вѣтромъ, въ нѣсколько минутъ, успѣло уже охватить сухую солому крыши священническаго дома.

Перепуганныя и полунагія Марія и Елена выскочили въ свой дворикъ,— Агафія Ивановна тоже была тамъ. Вскорѣ вышелъ и отецъ Симеонъ: старикъ былъ въ какомъ-то нѣмомъ оцѣпенѣніи; вдругъ глухіе вопли несчастной матери заставили болѣзненно и судорожно вздрогнуть его.

— Гдѣ дѣти? Гдѣ сыновья мои? Ради Бога, гдѣ, гдѣ они? ломая руки, вопила Агафія Ивановна.

— Умаялись и спятъ голубчики! Они тамъ, въ домѣ подъ крышой, на сѣновалѣ! плача, говорила Марія.

Не говоря ни слова, отецъ Симеонъ направился къ дверямъ пылающаго зданія.

— Поздно, отецъ! загораживая дорогу, сказала Марія. Развѣ вы не видите, что поздно уже? Или хочете и сами оставить насъ?

— Оставь, Марія, сказалъ отецъ Симеонъ, и отстрачивъ рукою дочь, пошелъ спасать своихъ сыновей.

Сбылись слова разсудительной Маріи: спустя минуту послѣ того, какъ отецъ Симеонъ послѣдній разъ вошелъ въ свой домикъ, — крыша его рухнула и своимъ паденіемъ заглушила предсмертные стоны погибшихъ.

Не ломала болѣе рукъ Агафія Ивановна, не плакала уже она, а только присѣла на сырую отъ утренней росы землю, склонила голову и тихо шептала молитву. Марія и Елена стояли въ двухъ шагахъ отъ своей матери и блѣдныя, трепещущія глядѣли на нее съ ужасомъ.

Панъ Круповскій, сейчасъ же послѣ возвращенія изъ города, прислалъ Агафіи Ивановнѣ обѣщанную лошадь и, конечно, никто и не заподозрилъ того, кто былъ истиннымъ виновникомъ постигшей отца Симеона и его сыновей участи.

И. Шигаринъ.

26 Августа 1865 года. С.-Петербургъ.

Письма изъ западнаго края Россіи. *)

XI.

Кто наши враги?

Враговъ нашихъ въ дѣлѣ польскомъ и западно-русскомъ обыкновенно раздѣляютъ на двѣ категоріи: на *бѣлыхъ* и на *красныхъ;* но если всмотрѣться попристальнѣе, столько найдется еще категорій, что, для опредѣленія ихъ, не достанетъ всѣхъ радужныхъ цвѣтовъ.

Такъ какъ одна изъ главныхъ обязанностей публициста состоитъ въ неутомимомъ преслѣдованіи и обличеніи враговъ общества принадлежащихъ, именно, къ этимъ неопредѣленнымъ категоріямъ, то мы и открываемъ противу ихъ правильную кампанію рядомъ статей подъ рубрикою: *кто наши враги?* Побѣдителями изъ этой кампаніи только можемъ мы выйдти при помощи всѣхъ единомышленниковъ нашихъ, потому, не только не беремъ монополіи на нашу рубрику, но приглашаемъ всѣхъ воспользоваться ею, чтобы обличить новаго врага, или извѣстить общество о скрывающейся гдѣ либо враждебной партіи.

Откроемъ дѣйствія наши характеристикой партіи, по мно-

---

*) Смотри 7 и 8 кн. Вѣстника зап. Р. за 1864—65 года.

гочисленности, не уступающей ни *бѣлымъ*, ни *краснымъ;* назовемъ эту третью категорію враговъ нашихъ: *синими*,— такъ назывались во Франціи имперіалисты. Наши *синіе* хотя тоже выдаютъ себя за приверженцевъ династіи, но въ чистосердечіе ихъ мы менѣе вѣримъ чѣмъ въ чистосердечіе *синихъ* французскихъ.

Синіе—ярые противники *красныхъ*, потому что они враги всякаго безпорядка и кромѣ того ультра—крѣпостники; они также не сочувствуютъ и *бѣлымъ*, потому что не вѣрятъ въ возможность возстановленія Польши, въ особенности, въ предѣлахъ шире *Конгрессувки*.

Синіе всегда были и будутъ покорны законному правительству, протестуя противу всякаго вооруженнаго возстанія, поэтому и стоятъ они въ главѣ всѣхъ демонстрацій для изъявленія вѣрноподданническихъ чувствъ; заподозрить ихъ тутъ въ неискренности нельзя, потому что въ вѣрности къ престолу и къ подлежащимъ властямъ синіе видятъ покой, порядокъ и охраненіе своей собственности, къ чему болѣе всего они и стремятся.

Въ Царствѣ Польскомъ синіе, пожалуй, безвредны, даже-полезны, потому что изъ нихъ правительство всегда можетъ составить ядро для партіи порядка... дѣло иное на западной Руси!—Тутъ мы считаемъ ихъ самою вредною категоріею враговъ нашихъ, потому что вопервыхъ: они усиливаются раздѣлить въ этомъ краѣ дѣло нераздѣльное—дѣло русское отъ дѣла правительственнаго, такимъ образомъ: изъ покорности къ правительству протестуютъ противу всякаго вооруженнаго возстанія, но изъ ненависти къ русской народности и православію стоятъ въ главѣ латино-польской пропаганды ведущей къ этому возстанію; во вторыхъ: самая покорность подлежащимъ властямъ становитъ ихъ внѣ законнаго преслѣдованія, отъ чего обществу, въ борьбѣ съ ними, трудно разсчитывать на правительственную поддержку; въ третьихъ: они имѣютъ сильныхъ союзниковъ среди самаго русскаго общества въ крѣпостникахъ—по тождественности интересовъ, въ сословникахъ—по тождественности сословныхъ тенденцій, въ близорукихъ русскихъ политикахъ, которые съ возстановленіемъ внѣшняго порядка считаютъ дѣло русское поконченнымъ въ западномъ краѣ, наконецъ въ русскихъ скептикахъ, невѣрующихъ въ жизненную силу русскаго элемента и омороченныхъ поляками

мнимымъ превосходствомъ польской интеллигенціи надъ русскою [1]).

Политическая работа синихъ ограничивается: строгимъ исполненіемъ и поддержкой всѣхъ обрядовъ латинскихъ въ средѣ, на которую имѣютъ вліяніе; поддержкой, въ той же средѣ, польскаго языка и вообще польской культуры, наконецъ ратованіемъ за шляхетскія права.

Пріемы ихъ въ этой политической работѣ слѣдующіе:

1) Всякую дѣятельность, направленную къ пользѣ крестьянъ называютъ распространеніемъ демагогическихъ началъ,—стараются этимъ застращать правительство и сочувствующую имъ, въ этомъ отношеніи, часть русскаго общества. Тутъ, разумѣется, естественными врагами синихъ являются: православные священники, мировые посредники, волостные писаря и сельскіе учители; лишъ только одинъ изъ нихъ начнетъ честно работать въ пользу православія и русскаго дѣла, они провозглашаютъ его краснымъ, раздражаютъ его и доводятъ до того, что онъ, вслѣдствіе раздраженія, по юридической неопытности, дѣйствительно и сдѣлаетъ промахъ или превыситъ власть; такимъ образомъ часто случалось, что они достигали своей цѣли, принуждая правительство удалять лучшихъ своихъ служителей; такое удаленіе, къ прискорбію, охлаждало усердіе и другихъ. Нравственный надрывъ въ натурѣ русскаго человѣка!

2) Латинскую вѣру называютъ польскою, чѣмъ смѣшиваютъ, въ массѣ народонаселенія понятіе о вѣрѣ съ понятіемъ о народности, такимъ образомъ, привлекаютъ въ свой лагерь толпу русскихъ совращенныхъ, въ былыя времена, въ латинство. Противодѣйствовать этому пріему политической работы синихъ очень трудно, потому что дѣйствительность какъ бы подтверждаетъ распространяемое ими понятіе: до сихъ поръ въ латинскихъ костелахъ на западной Руси проповѣдь говорится по польски и молитвенники этаго исповѣданія печатаются по польски. На Жмуди эта аномалія уже устранена: проповѣдуютъ тамъ теперь по жмудски, а для молитвенниковъ приняты мѣры, чтобы они печатались не только по жмудски, но даже и русскими буквами; къ равносильной мѣрѣ нельзя прибѣгнуть въ латинскихъ приходахъ, гдѣ населеніе русское: если пропо-

1) А особенно въ той прессѣ, которая толкуетъ о разныхъ примиреніяхъ, защищаемъ поджигателей фабрикантовъ фальшивыхъ ассигнацій и проч. и проч. *Ред.*

вѣдь будетъ говориться по русски и молитвенники печататься на русскомъ языкѣ, не будетъ ли это служить новымъ оружіемъ для пропаганды [1])? Уничтожая ложное понятіе, что вѣра латинская есть польская, не возродимъ ли мы другое, что латинская вѣра можетъ быть русскою? Все это требуетъ тщательнаго и не спѣшнаго обсужденія, къ чему мы и приглашаемъ опытныхъ мыслителей.

3) Синіе пользуются всѣми дозволенными правительствомъ празднествами и по преимуществу религіозными процессіями, чтобы группировать, въ административныхъ центрахъ западной Россіи, наибольшее число простолюдиновъ, говорящихъ по польски и тѣмъ фактически заявить предъ правительствомъ и русскимъ обществомъ о преобладаніи польскаго элемента въ краѣ и о невозможности подавить его равносильнымъ русскимъ. Въ примѣръ приведемъ ежегодно происходившія въ Вильнѣ, двѣ, совпадающія въ одинъ день, процессіи, латинскую по случаю праздника: *Божье тѣло* и православную—въ память возсоединенія уніи. Православный крестный ходъ совершается, и нынѣшній годъ совершился очень скромно, въ раннее время дня, внутри монастырской ограды, при маломъ стеченіи богомольцевъ, случайно узнавшихъ о немъ, и при должностныхъ лицахъ оповѣщенныхъ приказами отъ подлежащихъ властей. Для латинской процессіи, улицы, по сохранившемуся еще обычаю времень польскаго преобладанія, даже исключительно населенныя евреями, бываютъ и были установлены березками (въ старину это разумѣется дѣлалось насильственно, посредствомъ полиціи, а въ послѣдствіи вошло въ обыкновеніе), всѣ магазины были заперты, (по той же причинѣ), были наряжены цѣхи съ своими знаменами (о коихъ распущена молва, что нѣкоторыя изъ нихъ относятся ко времени Ягайлы, даровавшаго Вильнѣ магдебургское право), разставлены жандармы и полиція: за процессіей слѣдовала огромная толпа; улицы были запружены народомъ (за нѣсколько тому лѣтъ высылалась еще толпа мальчиковъ, которые разгоняли евреевъ, кидая въ нихъ камнями и грязью; евреи, помня это, и на этотъ разъ всѣ по-

1) Нисколько! Пропаганда, правда, пугаетъ насъ этимъ страхомъ, но это отъ того, что она сама въ страхѣ. Для чего жъ она старалась когда то навязать русскимъ свой языкъ но для того ли, чтобы всѣ паписты подѣвались православными'.. такъ пугать надъ все равно, что говорить: не учите добру, иначе вы можете тѣмъ самымъ пріучить къ добру. *Ред.*

прятались!)... Синіе между тѣмъ (разумѣется мужескаго пола женскаго пола нѣтъ: эти всѣ или бѣлыя или красныя), находились въ кружкахъ русскихъ, которые глазѣли на процессію, и со вздохомъ замѣчали, указывая на толпу, что — теорія съ дѣйствительностью не сходится; что — грѣшно обманывать правительство и называть Вильно—русскою (синіе никогда не склоняютъ Вильну и не скажутъ, какъ слѣдуетъ: Вильна); что— заставить эту пятидесятитысячную толпу, молящуюся по польски, называть этотъ языкъ не роднымъ своимъ — можно только въ журнальныхъ статьяхъ; но что, къ счастію, правительство логичнѣе этой крайней русской демагогической партіи, которая все хочетъ ломать, и признаетъ, хотя бы допущеніемъ такой процессіи, что de facto римско-католическая вѣра, въ западномъ краѣ, есть господствующая...; „въ Петербургѣ, гдѣ дѣйствительно господствуетъ православіе," прибавляютъ синіе, „не дозволены же процессіи ни католическія, ни лютеранскія, не смотря на огромное число обывателей этихъ вѣроисповѣданій!"

Нелюбознательные русскіе индифференты, русскіе скептики и русскіе новопріѣзжіе вздыхаютъ вмѣстѣ съ синими и глубокомысленно замѣчаютъ что: „трудно дѣло русское," „безъисходное, молъ, положеніе!"

Къ счастію есть русскіе, ознакомившіеся съ тайными пружинами всей этой махинаціи, которые въ состояніи отвѣтить синимъ господамъ, что во первыхъ: ежели бы православному крестному ходу придана была такая же обстановка какъ латинской процессіи: съ березками по еврейскимъ улицамъ, съ знаменами цѣховъ, съ полиціей и жандармами, то онъ конечно привлекъ бы такую же громадную толпу всѣхъ возможныхъ вѣроисповѣданій; во вторыхъ: не безизвѣстно, что латинскіе пропагандисты во время владычества своего въ краѣ съумѣли придать, разными происками, процессіи тѣла Божьяго характеръ народнаго праздника, который безразлично чтится и латинянами и православными, а потому въ пятидесяти-тысячной толпѣ, на которую указываютъ какъ на латино—польскую, можно насчитать нѣсколько тысячъ православнаго русскаго народа; въ третьихъ: въ нынѣшнемъ году толпа была многочисленнѣе чѣмъ когда либо, потому что необходимо было сдѣлать латино—польскую демонстрацію при перемѣнѣ управленія въ краѣ; съ этой цѣлью, намъ положительно извѣстно, ксендзы

частью угрозами недопущенія къ причастію, частью обѣщаніями полнаго отпуска грѣховъ, посылали своихъ прихожанъ въ Вильну, къ празднику тѣла Божьяго, изъ отдаленнѣйшихъ губерній; мы сами слышали это отъ богомольцевъ витебскихъ и минскихъ... Раждается вопросъ; какова была бы толпа на православномъ крестномъ ходѣ, если бы священники употребили, при настоящихъ обстоятельствахъ, усиленную свою власть, чтобы выслать на это торжество своихъ прихожанъ?

Къ счастію пастыри церкви православной, оставшейся въ первоначальной своей чистотѣ безъ всякихъ политическихъ примѣсей, не слѣдуютъ примѣру агентовъ латинской воюющей церкви (eglise militante); этимъ церковь теряетъ, можетъ быть, въ блескѣ своихъ процессій, но за то возвышается духовнымъ своимъ величіемъ надъ суетою мірской!

Что касается до клеветы возводимой на правительство, будто оно, de facto, признаетъ латинскую вѣру господствующей въ западномъ краѣ, мы скажемъ: что правительство было занято до сихъ поръ подавленіемъ вооруженнаго мятежа т. е. одними *красными* и *бѣлыми*, которые принимали въ немъ участіе, *синими* правительство не могло еще заняться; потому что они притаились во время опасности: дѣло ихъ мирное и начинается только теперь,—теперь только и можно за нихъ приняться! Начало сдѣлано съ преобразованія виленскаго музея, этого святилища латино—польской культуры; дойдетъ, можетъ быть, и до процессій, если кромѣ религіознаго онѣ сохранятъ характеръ демонстративный.

Во всякомъ случаѣ, да будетъ извѣстно какъ *бѣлымъ* и *краснымъ*, такъ и *синимъ*, что въ западномъ краѣ нельзя быть въ одно время *за* правительство и *противъ* русской народности, потому что само правительство признало этотъ край русскимъ не вслѣдствіе побѣды, а по сродству кореннаго его народонаселенія съ народонаселеніемъ остальной Россіи и такъ: люди губерній Царства Польскаго, которое также неотъемлемо принадлежитъ Россіи, но по праву побѣды, если они хотятъ сохранить свой языкъ и вѣру, что имъ не воспрещается, лишь бы они остались вѣрноподданными, пускай считаютъ себя въ западномъ краѣ только гостями, и ведутъ себя таковыми, уважая православіе, какъ господствующую вѣру и народность русскую какъ господствующую народность; уроженцамъ же здѣшняго края, которые гордятся отступничествомъ предковъ отъ вѣры своей и народности—да будетъ стыдно! . . *Ст.*

Съѣздъ духовенства, брагинскаго благочинія минской епархіи, рѣчицкаго уѣзда, въ селѣ Брагино—Сельцѣ 1865 года 28 мая. *)

Двѣнадцать священниковъ, одинъ діаконъ, одиннадцать дьячковъ и десять пономарей съѣзжались въ с. Брагино-Селецъ, вслѣдствіе предложенія мѣстнаго благочиннаго, по ниже объясненному дѣлу.

При указѣ минской духовной консисторіи отъ 16 апрѣля за № 4,125, на имя мѣстнаго благочиннаго, прислано росписаніе на добавочное, за второе полугодіе 1864 года—жалованье, по коему священникамъ (ежегодно) назначено по 225 р., діаконамъ по 100 р., дьячкамъ по 50 р., а пономарямъ по 40 р. По прежнимъ окладамъ, священники получали отъ 180 р. до 100 р. въ годъ, діаконы по 80 р., дьячки по 40 р., пономари по 32 р., а просфирни по 24 р. въ годъ. Въ настоящее время, добавочнаго жалованья просфирнямъ, къ прискорбію (бѣднымъ и семейнымъ вдовамъ священно и церконно служительскимъ), не положено. Къ предположенному сроку съѣзда духовенства, благочиннымъ получено было изъ мѣстнаго уѣзднаго казначейства добавочное жалованье, о чемъ оповѣщено было и духовенство. Извѣстно, что добавочное, на усиленіе средствъ къ содержанію, жалованье, для духовенства въ сѣверо-западномъ краѣ, Всемилостивѣйше пожаловано и отпущено, по ходатайству и представленію бывшаго, незабвеннаго начальника сѣверо-западнаго края, генерала отъ инфантеріи, графа Михаила Николаевича Муравьева, изъ 10%-сбора съ помѣщичьихъ имѣній Минской губерніи.

Въ брагино-селецкой Преображенской церкви (здѣсь до 1840 года, былъ уніатскій базиліанскій монастырь), въ этотъ день, совершена была мѣстнымъ благочиннымъ соборнѣ съ діакономъ божественная литургія. Подъ конецъ литургіи, съѣхалось духовенство и дальнѣйшихъ церквей, а ближайшее поспѣло къ началу литургіи. По отпустѣ литургіи, одиннадцать священниковъ, имѣя во главѣ первенствующаго благочиннаго, при сослуженіи діакона и при пѣніи 20 причетниками на два клироса,—совершили благодарственное Господу Богу молебствіе и вслѣдъ за онымъ молебныя пѣнія—Спасителю,

---

*) Этотъ «Съѣздъ» равно какъ «Актъ» и «Еврейскую пропаганду» мы не перепечатываемъ изъ газетъ. Мы получили эти статьи далеко прежде появленія ихъ въ газетахъ.

Матери Божіей (здѣсь мѣстно—чтимая чудотворная икона Богоматери) и св. Архангелу Михаилу, — о здравіи и долгоденствіи ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и Всего Царствующаго Дома и вѣрнѣйшаго и преданнѣйшаго Его слуги, бывшаго начальника края, графа Михаила Николаевича Муравьева. По окончаніи молебныхъ пѣній, провозглашено было многолѣтіе ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ и Всему Царствующему Дому, св. Сvноду, вселенскимъ патріархамъ, архіепископу минскому Михаилу, всѣмъ митрополитамъ, архіепископамъ, епископамъ и православному духовенству, бывшему и настоящему—начальникамъ края—Муравьеву и фонъ-Кауфману и всѣмъ дѣятелямъ и поборникамъ въ дѣлахъ православія и русской народности, христолюбивому воинству, православнымъ христіанамъ и собравшемуся здѣсъ духовенству. Непосредственно за симъ, совершена была паннихида, по почившемъ въ—Бозѣ Наслѣдникѣ Цесаревичѣ и Великомъ Князѣ Николаѣ Александровичѣ, православныхъ воинахъ, павшихъ во время минувшаго польскаго мятежа, священникахъ, повѣшенныхъ польскими мятежниками, оо. Конопасевичѣ и Рапацкомъ. Этимъ закончилось церковное молитвословіе, при настоящемъ торжествѣ.

Когда духовенство собралось въ домъ хозяина (мѣстнаго священника), пропѣта была пѣснь: „Днесь благодать св. Духа насъ собра" и начались между священниками разныя совѣщанія, касающіяся общей дѣятельности пастырской, каковую усубить на пользу церкви и отечества духовенство дало строгій между собою обѣтъ, по мѣрѣ настоящаго усугубленія матеріальныхъ средствъ и улучшенія быта духовенства. По окончаніи совѣщаній, мѣстнымъ благочиннымъ роздано было добавочное содержаніе подвѣдомымъ ему священно—и церковно-служителямъ. Многіе изъ духовныхъ, особенно бѣдныхъ и многосемейныхъ, со слезами на глазахъ и съ заявленіями искренней благодарности принимали новое благодѣяніе начальства. Въ слѣдъ за симъ священники, отъ полученнаго ими добавочнаго пособія, по приглашенію благочиннаго, пожертвовали по 2% на усиленіе средствъ содержанія парицкаго, минской епархіи, училища дѣвицъ духовнаго званія, каковыя деньги и отосланы мѣстнымъ благочиннымъ по принадлежности. Потомъ, мѣстнымъ благочиннымъ, съ согласія всего духовенства, открыта была добровольная подписка, на устройство памятника, на могилѣ покойнаго о. Даніила Конопасевича,—священника богушевицкой церкви, игуменскаго уѣзда (на мѣсто простаго деревяннаго, безъ всякой ограды,

креста), сдѣлавшагося жертвою изувѣрства польскихъ мятежниковъ (скончавшагося чрезъ повѣшеніе), руководимыхъ начальникомъ ихъ шайки помѣщикомъ Свенторжецкимъ.

По окончаніи сказанныхъ занятій, всѣмъ духовенствомъ воспѣта была пѣснь Богородицѣ: „Достойно есть яко воистинну" и церковно—служители разъѣхались по домамъ, а священнослужителямъ хозяинъ дома предложилъ хлѣбъ—соль [1]). Въ шесть часовъ по полудни, и сіи послѣдніе разъѣхались по домамъ.

Настоящую замѣтку составилъ председатель съѣзда брагинскій благочинный, священникъ *Максимъ Еремичъ*.

АКТЪ.

1865 года 20 Іюня, минской епархіи, рѣчицкаго уѣзда, брагинскій благочинный, мировый посредникъ и мѣстный хойницкій священникъ, составили настоящій актъ о нижеслѣдующемъ:

Въ мѣстечкѣ Хойникахъ 20 іюня совершены два торжества православія.

Первое. Это возложеніе мелхіоровыхъ крестиковъ на вновь (и прежде) принявшихъ православіе хойницкихъ прихожанъ: 224 крестики, высланные на этотъ предметъ, бывшимъ г. начальникомъ края, графомъ Муравьевымъ, возложены были торжественно 28 февраля сего года. Отъ времени принятія римлянами православія, до времени высылки крестиковъ, упомянутые прихожане, начали значительно присоединяться къ православію и даже, какъ видно изъ акта 28 февраля, десять семействъ тогда еще изъявили желаніе возвратиться къ православію. Для этихъ-то, вновь принявшихъ православіе, испрошено было и выслано отъ щедротъ графа Муравьева еще 200 мелхіоровыхъ крестиковъ, кои и возложены сего числа на возсоединившихся.

Божественную литургію совершалъ въ хойницкой церкви мѣстный благочинный, въ сослуженіи двухъ священниковъ и діакона. На литургіи присутствовалъ г. мировый посредникъ и

---

1) Нужно было, хоть на общій счетъ, накормить и церковно-служителей—тѣмъ болѣе, что они крѣпко проголодались и что многимъ изъ нихъ приходилось голодать еще слишкомъ долго,—особенно тѣмъ, которые должны были проѣхать (или пройти) около 50 верстъ, и которые, разсчитывал на гостепріимство своихъ собратій, не запаслись, быть можетъ, и кускомъ хлѣба. *Ред.*

множество народа, изъ сословія крестьянскаго—древле православныхъ, возсоединившихся и римлянъ. Предъ началіемъ литургіи, освящены были среди церкви крестики и, положенные на блюдѣ—на налоѣ, лежали чрезъ всю литургію. По отпустѣ литургіи, началось торжественное на новообращенныхъ возложеніе крестиковъ. Представители обществъ—сельскіе старосты, подъ руководствомъ волостнаго старшины, по деревнямъ, подводили своихъ юныхъ православныхъ собратій. Подведенный положивъ земный поклонъ, подходилъ къ одному изъ священниковъ. священникъ окроплялъ его св. водою, другой давалъ цѣловать крестъ, а благочинный возлагалъ крестикъ; принимавшій же крестикъ, облюбызавъ крестикъ и положивъ земной поклонъ, отходилъ всторону. Нельзя было смотрѣть на это торжество православія и христіанскаго-братскаго единенія безъ особеннаго умиленія! Замѣчательно, что возложеніе крестиковъ совершалось, не смотря на тѣсноту въ церкви,—тихо, чинно и съ благоговѣніемъ. Оставалось нѣсколько нерозданныхъ крестиковъ, которые вручены родителямъ возсоединившихся, для возложенія на малолѣтнихъ ихъ дѣтей, приведенныхъ къ православію чрезъ св. муропомазаніе, но остававшихся въ это время по домамъ. По раздачѣ крестиковъ, пропѣта была трижды пѣснь „Кресту Твоему поклоняемся, Владыко“ и проч., при пѣніи коей, всѣ присутствовавшіе во храмѣ, полагали земные поклоны. Этимъ окончилось первое торжество Православія и непосредственно началось—*Второе.*

По распоряженію г. главнаго начальника края, въ слѣдствіе мѣстныхъ представленій, 8-го іюня сего года, переданы въ православное духовное вѣдомство, два каменные костела великолѣпной архитектуры и одинъ деревянный, малый. Нелишнимъ считаемъ предварительно сказать нѣсколько словъ объ этихъ костелахъ. Каменные костелы построены помѣщикомъ Владиславомъ Прозоромъ въ теченіи 1859, 60, 61, и 62 годовъ; окончаніе костеловъ, по распоряженію правительства, въ началѣ 1863-го года воспрещено. Костелы эти покрыты желѣзомъ, одинъ изъ нихъ—на кладбищѣ оштукатуренъ внутри и снаружи, а другой, на площади въ м. Хойникахъ, оштукатуренъ только внутри, и то не окончательно. Нѣтъ еще въ этихъ костелахъ ни окошекъ, ни дверей, ни половъ. Въ костелѣ на кладбищѣ (здѣсь кладбище и православное) устроены склепы, въ коихъ уже погребены фундаторъ костеловъ, его жена и

сынъ (умершій въ 1864 году въ Минскѣ). Сказанные костелы, устроялись въ видахъ римской пропаганды и польскаго фанатизма, для какихъ цѣлей польскіе магнаты (къ числу коихъ принадлежали и Прозоры) ничего не жалѣли, лишь бы только распространить, закрѣпить и увѣковѣчить папизмъ, зародившійся въ здѣшнихъ искони—православныхъ мѣстностяхъ единственно отъ совращенія православныхъ въ унію, а потомъ и въ папизмъ. Совращеніе это происходило въ теченіи болѣе 100 лѣтъ и продолжалось до 1832 года (какъ это видно изъ фактовъ имѣющихся при церкви) не только семействами, но даже цѣлыми мѣстечками и селами, по вліянію польскихъ пановъ и ксендзовъ. Теперь совратившіеся, Богу благодареніе, возвращаются на лоно вѣры своихъ предковъ—тоже и семействами и деревнями, такъ что въ настоящее время открылась надобность образовать новый приходъ.

Церемоніалъ пріема костеловъ въ православно-духовное вѣдомство происходилъ слѣдующимъ образомъ: Изъ приходской церкви начался крестный ходъ, въ сошествіи благочинному шести священниковъ и діакона; во главѣ же народа слѣдовалъ г. мировый посредникъ. По случаю ярмарочнаго дня, къ народу, шествовавшему изъ церкви (на возсоединенныхъ блестѣли недавно возложенные крестики) по пути, присоединилась толпа и богомольцевъ, и зрителей, въ массѣ коихъ замѣтны были не только паписты (жители м. Хойникъ), но даже и евреи. Шествіе двигалось стройно и медленно, въ предднесеніи св. крестовъ, хоругвей и иконъ. Прибывшіе на ярмарку, разнаго сословія и вѣроисповѣданія лица, не знали куда направляется шествіе. Какое же было удивленіе и восхищеніе православныхъ, когда они увидали, что шествіе направлено въ новый каменный великолѣпный костелъ Какъ ни великъ и вмѣстителенъ этотъ костелъ, но въ немъ было тѣсно. Всякаго тянуло двойное любопытство—узнать, что здѣсь будетъ совершаться. Въ костелѣ, — будущемъ православномъ храмѣ,—предварительно совершено было освященіе воды, коею и окропленъ былъ весь храмъ. Вслѣдъ за симъ прочитаны были молитвы на основаніе храма Господня,—на будущихъ мѣстахъ, жертвенника и престола. Послѣ сего, крестный ходъ направился къ другому костелу—на кладбищѣ, отстоящему болѣе полуверсты отъ мѣстечка, гдѣ тоже были прочитаны молитвы на основаніе храма, который и окропленъ св. водою. Здѣсь, на мѣстѣ покоя умершихъ, совершена была литія по всѣхъ преждепочившихъ христіанахъ, въ томъ числѣ и создателяхъ храма

ма сего. Послѣ сего, крестный ходъ, возвратившись въ мѣстечко, отправился уже въ старый деревянный костелъ, въ коемъ отправленъ былъ благодарный Господу Богу молебенъ и при пѣніи; „Спаси Господи люди Твоя“ и проч: костелъ окропленъ былъ св. водою. Предъ отпустомъ молебствія, мѣстнымъ священникомъ сказана была приличная обстоятельствамъ двухъ торжествъ рѣчь, а по отпустѣ, провозглашено было многолѣтіе Государю Императору и Всему Царствующему Дому, святѣйшему Сvноду, минскому архіепископу, бывшему и настоящему начальникамъ края, воинству, всѣмъ христіанамъ и ревнителямъ православія и русской народности.

Наконецъ крестный ходъ возвратился въ православную Покровскую церковь и здѣсь, съ колѣнопреклоненіемъ, всею церковію пропѣта была пѣснь Покровительницѣ рода христіанскаго—Матери Божіей: „подъ Твою милость“—чѣмъ и закончились два торжества православія,—которыя надолго останутся памятны и для жителей м. Хойникъ и для насъ—руководившихъ совершеніемъ этихъ торжествъ. Къ вечеру, въ здѣшнемъ управленіи, подъ предсѣдательствомъ г. мироваго посредника, въ присутствіи мѣстныхъ—благочиннаго и священника, собрался волостный сходъ и опредѣлилъ изъ запаснаго общественнаго капитала 400 рублей сереб., а 100 рублей пожертвовала церковь, на первоначальную и главнѣйшую отстройку и украшеніе своей юной сестры. При чемъ прихожане просили, во первыхъ: какъ можно скорѣе устроить церковь и открыть въ ней богослуженіе, во вторыхъ,—ходатайствовать чрезъ кого слѣдуетъ у начальства, о пожертвованіи суммъ на окончательную отстройку церквей, на что примѣрно, на одну, нужно болѣе 3,000 руб. По общественному приговору, назначены—блюститель и 6-ть братчиковъ, для присмотра при производствѣ работъ около церкви.

Составлявшіе настоящій актъ постановили:

1) Съ завтрашняго же дня, приступить къ первоначальной работѣ около церкви, т. е. къ устройству дверей, оконъ, пола и внутренней очисткѣ и побѣлкѣ стѣнъ;

2) Церковь-бывшій костелъ на кладбищѣ-оставить пока безъ всякаго устройства, для чего, впрочемъ, нѣтъ никакихъ источниковъ;

3) Ветхій, деревянный костелъ внесть и отдать въ распоряженіе общества жителей деревни Храпкова, для устройства ими приписной церкви, вмѣсто обветшавшей, на что уже имѣется и

распоряженіе отъ епархіальнаго начальства и 50 р., собранныхъ жителями сказанной деревни;

4) По отстройкѣ новой каменной церкви въ м. Хойникахъ, старую деревянную церковь (такъ какъ она ветха, въ крышѣ и въ куполѣ, да ктому жъ умышленно построена почти въ болотѣ) общими силами перевезть въ село Великій—Боръ, для устройства тамъ новой церкви, на мѣсто совершенно обветшавшей уницкой (поступившей 1-го марта изъ костела въ православное вѣдомство), гдѣ открыть и новый приходъ, для возвратившихся тамошнихъ жителей къ православію; а иконостасъ перенесть изъ старой церкви, до устройства новаго;

5) О возложеніи крестиковъ на возвратившихся къ православію сообщить по начальству чрезъ брагинскаго благочиннаго.

Нелишнимъ считаемъ присовокупить, что въ 1860 году Государынею Императрицею Маріею Александровною пожертвованы въ хойницкую церковь нѣкоторыя утварныя и ризничныя вещи и богослужебныя книги, какъ бы въ духѣ пророческомъ, что эти великолѣпныя вещи, отъ Высочайшихъ щедротъ пожертвованныя, будутъ нѣкогда украшеніемъ и великолѣпнаго храма, какъ были единственнымъ украшеніемъ ветхаго и не благолѣпнаго. Знаемъ, что и правительству трудно будетъ отпустить значительный капиталъ на полную отстройку упомянутыхъ церквей, а потому, для избѣжанія укора со стороны папистовъ, говорящихъ, что мы умѣемъ только отбирать, но не умѣемъ или не имѣемъ нужды пользоваться отобраннымъ,—слѣдуетъ заявить, посредствомъ современныхъ періодическихъ изданій, чрезъ мѣстныхъ—благочиннаго и священника (хойницкой церкви), о нуждахъ помянутыхъ церквей, въ надеждѣ, что добрые русскіе люди, всегда готовые къ жертвамъ на нужды церквей особенно въ западномъ краѣ,—стонавшемъ такъ долго подъ гнетомъ, полонизма и папизма,—откликнутся сочувственно и на нашъ призывъ.

Настоящій актъ, составленный въ двухъ экземплярахъ, представить чрезъ мѣстнаго благочиннаго и мироваго посредника по начальству и ходатайствовать о командированіи инженера и архитектора для осмотра церквей и отпуска изъ казны потребной суммы для совершеннаго ихъ окончанія, такъ какъ большой и скорой помощи со стороны бѣдныхъ православныхъ и

ново-возсоединившихся прихожанъ, равно какъ и отъ другихъ жертвователей на этотъ предметъ не ожидается.

Подлинный актъ подписали:

Брагинскій благочинный, священникъ Максимъ *Еремичъ.*

Мировый посредникъ 2-го участка рѣчицкаго уѣзда, арміи подпоручикъ И. *Дѣгтеревъ.*

Хойницкой Покровской церкви священникъ Іоаннъ *Лиосвичъ.*

Съ подлиннымъ вѣрно:

Брагинскій благочинный, священникъ Максимъ *Еремичъ.*

Еврейская пропаганда.

1865 года 16 Іюля, минской епархіи, рѣчицкаго уѣзда, брагинскому благочинному, священнику Максиму Еремичу, съ помощію Божіею, удалось открыть неслыханный доселѣ поступокъ фанатической еврейской пропаганды. Обстоятельство дѣла слѣдующее:

9-го Мая сего года, къ брагинскому благочинному, явился 14-ти лѣтній еврейскій мальчикъ, назвавшій себя Мовшею Рутманномъ, съ изъявленіемъ желанія креститься. Этотъ мальчикъ, при первомъ допросѣ, не объявилъ ни родителей своихъ, ни родственниковъ: онъ только показалъ, что воспитывался какъ сирота, въ г. Рѣчицѣ и болѣе 10-ти лѣтъ скитался по разнымъ мѣстностямъ, между евреями, выучившись еврейскимъ-грамотѣ и молитвамъ.

Мальчикъ этотъ, между прочимъ, пояснилъ, что онъ подслушалъ тайный между евреями разговоръ, изъ котораго заключилъ что онъ не изъ евреевъ, а изъ христіанъ. Это то обстоятельство Господь благоволилъ устроить поводомъ къ возврату уже погибшаго—было дитяти на путь православія. Пока этотъ еврейскій мальчикъ былъ приготовляемъ, по распоряженію епархіальнаго начальства, священникомъ къ св. крещенію—чрезъ обученіе молитвъ и первоначальныхъ истинъ вѣры христіанской, въ немъ болѣе и болѣе раскрывалось самосознаніе, воспроизводимое молитвами къ Богу и общеніемъ съ христіанскими мальчиками.

5-го Іюля обнаружилось слѣдующее: назадъ тому 10 лѣтъ, у дворовыхъ крестьянъ, Минской губерніи, рѣчицкаго уѣзда, 2-го

[illegible]

стана, деревни Шарѣкъ Николая и Евфросиніи Трошковыхъ, пропалъ безъ вѣсти пяти лѣтній сынъ Иванъ. Старшій сынъ Трошковыхъ—Исидоръ оралъ на своемъ участкѣ; при старшемъ братѣ находился и маленькій братъ его Иванъ.—Исидоръ отлучился искать заблудившихся воловъ и возвратившись къ своему мѣсту, не засталъ брата своего, который, идя дорогой, думалъ что идетъ домой, тогда какъ шелъ въ противоположную сторону. Встрѣченный двумя евреями, ѣхавшими на парѣ лошадей, заблудившійся мальчикъ былъ схваченъ и отвезенъ въ уѣздный городъ Рѣчицу. Здѣсь, надъ христіанскимъ мальчикомъ Иваномъ исполненъ былъ въ синагогѣ іудейскій обрядъ обрѣзанія, съ нареченіемъ имени-Мовсей. Страшныя истязанія и мученія, при семъ случаѣ, мальчикъ весьма живо и отчетливо помнитъ и доселѣ, равнымъ образомъ припоминаетъ и ту мѣстность въ г. Рѣчицѣ, гдѣ онъ воспитывался и обучался еврейскому нечестію. Онъ помнитъ также всѣ тѣ мѣстности и имена хозяевъ—евреевъ, у коихъ скитался чрезъ 10 лѣтъ. Далѣе мальчикъ воскресилъ въ памяти своей ту мѣстность, съ ея обстановкой, гдѣ родился: онъ помнитъ стариковъ-крестьянъ (сосѣдей своихъ родителей), глухую Татьяну и слѣпца Ивана, съ сыномъ коего Петромъ онъ въ младенчествѣ игралъ. На вопросъ почему онъ Иванъ, впервые о себѣ ничего этого не объявлялъ, объяснялся, что онъ многія изъ этихъ обстоятельствъ призабылъ да и боялся какого либо наказанія, равно сильно тревожился тѣмъ, что его не будутъ уже крестить. чего ему сильно хотѣлось.

Родители Ивана, вызванные чрезъ брагинскаго благочиннаго, явились къ нему, при отзывѣ юревицкаго волостнаго управленія 16 Іюля, для опознанія сына своего. Тутъ то Господь сподобилъ пишущаго эти строки видѣть ту картину, для изображенія коей не достаетъ у него таланта, и которую нужно бы рисовать слезами умиленія. Родители, обнимая свое погибшее назадъ тому 10 лѣтъ, дитя, то плакали, то лишались чувствъ, не находя пріемовъ и выраженій для заявленія восторга, по случаю обрѣтенія погибшаго дитяти. Нельзя было не плакать при видѣ этой картины. Въ свою очередь, мальчикъ Иванъ, бросившійся въ объятія своихъ родителей и задыхаясь отъ слезъ, поминутно терялъ даръ слова. Когда у родителей опознаннаго, по нѣкоторымъ примѣтамъ, дитяти и сего последняго волненія чувствъ утихли, тогда благочинный, въ присутствіи другаго священника, снялъ показанія съ родителей и

сына ихъ Ивана. Показанія эти, по важности дѣла, переданы г. мѣстному военному начальнику уѣзда и тогоже 16 іюля о столь важномъ происшествіи донесено епархіальному архіерею и мѣстному полицейскому управленію. Знаменательно и то, что мнимый еврейскій мальчикъ впервые явился къ благочинному 8-го мая,—въ день своего ангела Іоанна Богослова, съ изъявленіемъ желанія креститься, посему, при первомъ оглашеніи, по чину православной церкви, дано ему имя (его собственное, нареченное при св. крещеніи) Іоаннъ. Этотъ Іоаннъ оказался родившимся и записаннымъ по церковнымъ актамъ, при ввѣренной брагинскому благочинному Николаевской церкви въ 1850 году и крещенъ имъ же-самимъ благочиннымъ.

По окончаніи этихъ формальностей, мальчикъ Иванъ былъ отданъ благочиннымъ на руки его родителямъ, съ обязательствомъ. явиться въ мѣстное свое волостное управленіе и о всемъ, касающемся сына ихъ Ивана., дать такое же показаніе, какое дано благочинному, потомъ представить сына своего къ мѣстному приходскому священнику, для окончательнаго усовершенствованія въ знаніи молитвъ и начальныхъ истинъ вѣры христіанской-православной. Въ настоящее время, по распоряженію военнаго уѣзднаго начальника, поручено судебному слѣдователю 2-го участка, рѣчицкаго уѣзда, произвесть по этому неслыханному дѣлу строжайшее разслѣдованіе.

Пишущій эту замѣтку долженъ, при настоящемъ случаѣ, сказать, что ему не разъ приходилось бороться съ еврейскимъ (въ здѣшней мѣстности) фанатизмомъ. Пятерыхъ евреевъ онъ просвѣтилъ св. крещеніемъ, при страшной борьбѣ съ евреями. Въ 1848 году, евреи украли у него еврейку, за два дня до ея окрещенія и слѣдственное дѣло виновныхъ не открыло и доселѣ. Окрещеннаго имъ 1864 г. 16 августа еврея, 5-го ноября, того же года, среди бѣлаго дня, евреи схватили и хотѣли сдать въ рекруты; но онъ успѣлъ, при помощи, мѣстнаго волостнаго управленія, спасти его отъ этой злобы и самоправства, о каковомъ поступкѣ евреевъ брагинскихъ дѣло и по сіе время не произведено.

Брагинскій благочинный священникъ Максимъ Еремичъ.

Село Казанское, бывшее Куродичи,

Рѣчицкаго уѣзда, Минской губерніи.

Въ 6 верстахъ отъ м. Домоновичи, въ сторонѣ отъ большой дороги, скромно пріютилось маленькое село, называемое: „*Село Казанское.*" Это имя красуется на новомъ столбѣ при самомъ въѣздѣ въ село. А этотъ новый столбъ и эта новая надпись— вещи, столь обыкновенныя въ другомъ мѣстѣ,—тутъ результатъ исторіи этого села въ отношеніи религіозномъ... Село Казанское некрасиво и невелико: оно состоитъ изъ сорока убогихъ хатъ и 237 душъ; но въ этихъ хатахъ, въ этихъ душахъ совершился недавно великій переворотъ. Казанцосельцы 12 генваря сего 1865 года возвратились къ православію своихъ предковъ.— Прежде описанія торжества этого присоединенія, я считаю не лишнимъ изложить историческій очеркъ религіознаго состоянія коренныхъ жителей этого села,—очеркъ, составленный на основаніи фактовъ, не подлежащихъ сомнѣнію.

По сохранившимся метрическимъ записямъ вязковской церкви, бобруйскаго уѣзда (1755—1798), къ приходу которой принадлежало и с. Куродичи, нынѣ Казанское, видно, что жители его до 1799 года были уніятами, имѣли свою церковь, а приходомъ принадлежали къ вязковской. Уцѣлѣвшія царскія врата, нѣкоторыя церковныя иконы (св. Николая, Введенія во храмъ и Покровъ Пресвятой Богородицы), а также большой крестъ съ славянскими надписями, нѣкоторыя древнія иконы въ домахъ тамошнихъ мужичковъ, чисто греческой живописи, соблюденіе всѣхъ православныхъ постовъ (не смотря на усилія ксендзовъ вывести ихъ), и наконецъ то обстоятельство, что въ упомянутыхъ метрическихъ записяхъ есть мѣста, написанныя по славянски, хотя и польскими буквами,—все это не служитъ ли краснорѣчивѣйшимъ доказательствомъ того, что жители этого села были сперва православными, а потомъ уже уніятами? Для подтвержденія своихъ словъ о метрическихъ записяхъ заимствую изъ нихъ слѣдующія два мѣста: „Roku 1755 miesionca Maia 6 „az Ierey Stefan Turcevycz Paroch Cerkvy diazkovskoy okrestych „y myrom sviatym pomazach raba bożyia Iakova z oyca Vasylyia „Lovdzaka, z matery Anny Małżąkov. Kum Stefan Sadycky. Kuma „Kateryna Sievoczoda. Sie otrocza z Kurodicz „или" Roku 1772 „miesiąca Ianuaria 24 dnia po viszlych zapovydzech y po vislucha„niu spoviedzy svietoy dal szlub mladencu Savi Koloskovi s pano

„Evdokja Lavdovno v cerkvi Kurodickoy, parafiy Vazkovskoy.—„svaty buly Harosym Kolosko y Petro Lavdenko. Xąz Stefan Tur-„czevycz paroch Viązkovskoy.“—

Въ достовѣрностію невозможно опредѣлить времени, когда именно куродицкіе крестьяне совращены въ унію; можно полагать, что это случилось между 1720—1730 годами, когда въ рѣчицкомъ и мозырскомъ уѣздахъ много православныхъ церквей отнято уніятами и православный народъ, угнетаемый ими, былъ совращаемъ цѣлыми приходами въ унію. Около 1799 г., когда этотъ край уже былъ возвращенъ матери своей Россіи, приходской священникъ, о. *Пигулевскій*, принялъ православіе, а съ нимъ и его прихожане, исключая жителей д. Куродичи, которые послѣ этого остались папистами. Нѣтъ достовѣрныхъ данныхъ для объясненія того обстоятельства, почему жители д. Куродичъ не послѣдовали примѣру своихъ сoприхожанъ и своего пастыря, и изъ уніятовъ обратились въ латинянъ. Неблагопріятныя условія сообщенія [1]) священника съ ними, особенно во время разливовъ рѣки и болотъ, отдѣлявшихъ его отъ паствы, можетъ быть, затрудняли священника во время поспѣшать къ своимъ блуждающимъ овцамъ. Даже, около этого времени куродичане (не знаю какими судьбами) очутились въ крестьянствѣ у одного ксендза, который, безъ сомнѣнія, не усиливался обрусить и оправославить своихъ *хлоповъ*. Напротивъ намъ извѣстно, что этотъ ксендзъ завелъ тамъ училище, въ которомъ обучали польскимъ молитвамъ, польской и латинской грамотѣ. „Я встрѣтилъ, говоритъ мнѣ одинъ мой знакомый, такого куродицкаго крестьянина, который безъ запинки читалъ на память предлинную молитву по латинѣ, хотя и не понималъ въ ней ни слова; и не могъ объяснить мнѣ, что значитъ прочитанное имъ „*mea culpa, mea maxima culpa*.“ Впрочемъ, какъ трудно было ксендзу искоренить все православное въ с. Куродичахъ, видно изъ того, что православные посты остались тамъ и по нынѣ. Разсказываютъ сами крестьяне, какъ заставлялъ ксендзъ поститься ихъ по субботамъ. Каждый разъ приходилъ онъ къ своимъ овцамъ и гдѣ, бывало, увидитъ кушанье съ говядиной, сейчасъ оно иммъ собакамъ... Но все таки слѣдствіемъ ксендзовскаго вліянія было то, что во время всеобщаго возсоединенія уніятовъ съ православными, куродичане остались папистами. Со времени же поступленія ихъ въ казенное вѣдомство, окрестное право-

1) Чѣмъ особенно страждетъ мин. губ.

славное духовенство нѣсколько разъ пыталось возвратить ихъ къ православію, и даже священникъ каленковицкой церкви, достойнѣйшій о. *Антоній Малевичъ*, успѣлъ разновременно возвратить въ лоно православія 20 душъ. Но попытки къ общему возсоединенію были безуспѣшны: ксендзы и чиновники—ляхи каждый разъ мѣшали этому... Въ минувшемъ 1864 г. слѣдующія обстоятельства, одно за другимъ, привели куродичанъ въ объятія истинно-католической, православной церкви.

Пользуясь пребываніемъ въ с. *Каленковичахъ* [1]) сельскаго управленія, къ которому принадлежатъ *Куродичи*, о. Антоній Малевичъ, при содѣйствіи сельскаго писаря *Прокофія Олиферовича*, успѣлъ расположить куродицкихъ крестьянъ къ принятію православія. Поводъ къ этому былъ слѣдующій: по распоряженію главнаго начальника края, образовывалась повсюду земская стража, которой дозволено было имѣть пики. Священникъ о. А. Малевичь, при встрѣчахъ своихъ съ куродичанами въ каленковицкомъ управленіи, говаривалъ имъ, что имъ не слѣдуетъ имѣть пикъ, *потому что они поляки*. Это крайне обидѣло мужичковъ, и вотъ они рѣшились доказать, что между ими и ляхами нѣтъ ничего общаго. Но *жидъ Митманъ Абрамовъ Винокуръ*, проживающій въ Куродичахъ на костельной землѣ, узнавъ, что уже нѣсколько семействъ собирается отправиться въ Каленковичи, для присоединенія къ православію, въ тамошней церкви,—поспѣшилъ увѣдомить объ этомъ одного изъ мозырскихъ ксендзовъ, въ приходѣ котораго были Куродичи. Тотъ поспѣшно прибылъ туда и, подъ страхомъ разныхъ мукъ въ сей вѣкъ и въ будущій за отступленіе отъ католицизма, успѣлъ до того запугать простодушныхъ крестьянъ, что они стали въ тупикъ и впали въ раздумье. Ксендзъ уѣхалъ обратно, но, мужички, не остались безъ ксендзовскаго агента: жидъ шинкарь т. е. тотъ же Митманъ Абрамовъ Винокуръ уговаривалъ своихъ посѣтителей *„не ломать своей вѣры для спасенія души"* [2]). Вы, читатель, съ трудомъ вѣрите этому? Ахъ! чего не бывало и не бываетъ въ этой сторонушкѣ, гдѣ латино-польская пропаганда хитра на выдумки, чтобы сломать кого и что ей угодно!... Этимъ однако дѣло не кончилось: ксендзъ подалъ жалобу на каленко-

1) Рѣчицкаго уѣздъ, мин. губ., въ 9 верстахъ отъ уѣзднаго города той же губерніи Мозыря.

2) Сообщено мнѣ однимъ священникомъ, которому передавали это нѣкоторые изъ куродичанъ, послѣ уже возсоединенія.

вицкаго священника и тамошняго писаря, гдѣ, между прочимъ, говорится и слѣдующее: „какъ крестьяне куродицкіе вовсе не „желаютъ измѣнять римско-католической вѣрѣ своихъ предковъ (?), то чрезъ это гнусное (?) принужденіе (?!) каленковицкаго управленія и тамошняго священника они рѣшатся на „самый противузаконный поступокъ—вынуждены будутъ (?? !!) „измѣнить отечеству (sic!), отъ чего послѣдуютъ гибельныя „бѣдствія“ (sic!) Вслѣдствіе этой кляузы, началось дѣло. 14 октября 1864 г. съѣхала въ Куродичи коммисія, состоящая изъ каленковицкаго священника, судебнаго слѣдователя и становаго пристава. Священникъ спросилъ крестьянъ, принуждалъ ли онъ присоединиться въ православію? Отвѣтъ былъ, конечно, отрицательный. Мало того, они выразили желаніе принять православіе, но съ условіемъ, чтобы тотъ же мозырскій ксендзъ прочелъ имъ хотя отрывки изъ тѣхъ метрическихъ записей вязковской церкви, о которой было сказано выше. Для сокращенія времени, крестьянамъ было предложено послать за другимъ ближайшимъ ксендзомъ, но тѣ сдѣлали складчину, наняли подводу и все таки послали въ г. Мозыръ за ксендзомъ. Видно, этотъ патеръ хорошо запугалъ ихъ вѣчными муками и огнемъ *пекельнымъ!* Проходитъ ночь, проходитъ день, нѣтъ ксендза! Наступаетъ вечеръ и въ 11 часовъ является подвода безъ ксендза. Посланный куродичанами крестьянинъ *Лавдо,* объявилъ, что ксендзъ *не хочетъ* (?) ѣхать и что въ случаѣ *будутъ принуждать* (?) къ обращенію въ православіе, то бѣжать *do lasu* [1]). Послѣдній совѣтъ до того обидѣлъ нашихъ честныхъ мужичковъ, что они, не дождавшись слѣдующаго дня, явились всѣ поголовно къ спавшей еще коммисіи, и съ разными нареканіями на ксендза, объявили рѣшительное желаніе принять православіе. „При „датѣ формальной подписки на вѣрное пребываніе въ послушаніи православной церкви, сообщаетъ мнѣ одинъ знакомый, замѣтна была необыкновенная радость на лицахъ всѣхъ куродицкихъ крестьянъ, и почти каждый изъ нихъ кланялся до ногъ „и цѣловалъ руки грамотнаго суховицкаго крестьянина *Демяна Никитина,* прося его за себя и семейство свое расписаться, „и своеручно вручая ему для сего перо.“ Тогда же куродичане просили ходатайствовать предъ высшимъ начальствомъ о томъ, чтобы при обращеніи ихъ костела въ церковь, посвятить пре-

1) За эту выходку *оный* ксендзъ, по распоряженію начальства, заплатилъ въ пользу куродицкихъ крестьянъ 200 р. с. штрафа.

столъ оной въ честь знаменія казанской Божіей Матери, и самое село назвать *Казанскимъ*. Причина этого обстоятельства заключается въ томъ, что у одного тамошняго крестьянина, *Бовдыря*, тридцать лѣтъ находился образъ казанской Божіей Матери, который былъ преслѣдуемъ ксендзами. При каждомъ посѣщеніи обладателя этой иконы, ксендзы совѣтовали уничтожить ее, какъ схизматическую; но благочестивый хозяинъ берегъ ее, какъ наслѣдственное благословеніе отъ своихъ предковъ...

По доведеніи обо всемъ этомъ до свѣдѣнія главнаго начальника края, его высокопревосходительство изволилъ отпустить изъ суммъ, имѣющихся въ его распоряженіи, 1500 р. на постройку новой церкви, а теперешній ветхій костелъ, согласно желанію жителей этого села, разрѣшилъ обратить только до времени въ церковь. Тогда же открыто въ этомъ селѣ народное училище.

12-го генваря, около 9 часовъ утра, начался обрядъ освященія храма, потомъ совершился обрядъ возвращенія въ православіе, затѣмъ, еще не муропомазанные удостоились получить это таинство и пріобщиться на литургіи Тѣла и Крови Господа нашего Іисуса Христа. Тогда же были возложены на каждаго изъ нихъ мельхіоровые крестики, пожертвованные главнымъ начальникомъ края.

Нужно отдать честь г. начальнику мозырской жандармской команды, *А. В. Вилліо*, благодаря распорядительности котораго куродичанскій костелъ такъ скоро обращенъ въ церковь; эта церковь получила разныя пожертвованія отъ доброхотныхъ подателей. Священникъ домоновицкой церкви, *о. Евѳимій Здановичъ*, въ приходъ котораго поступило теперь село Казанское, съ течес кою заботливостію научилъ новообращенныхъ складывать по православному крестное знаменіе и понимать Божію службу. Умилительно было видѣть, какъ его новые прихожане во время богослуженія старались не пропустить ни одного божественнаго слова и при каждомъ произношеніи священнослужащими, или пѣвчими: „*во имя Отца и Сына и св. Духа*, спѣшили повторять это и крестились уже большими крестами.

Ко всему сказанному прибавлю еще и слѣдующее: 12 генваря былъ день очень морозный, и поэтому на церковномъ дворѣ горѣлъ костеръ, около котораго поочередно грѣлись молящіеся. Озябнувъ, и я вышелъ изъ церкви и подошелъ къ костру. Меня

удивилъ смѣхъ мужиковъ. Я ласково спросилъ ихъ о причинѣ его. „Да якъ же не смѣяцця," сказалъ одинъ и показалъ на пылающіе обломки тѣхъ лавокъ и скамей, которыя стояли въ бывшемъ костелѣ и были назначены для пановъ. „Южъ (уже) насѣдзелись тутъ паны... хе, хе, хе," подхватилъ другой и остротамъ не было конца. Видно хорошую оставили по себѣ память и папизмъ и паны!... Невольно, право, вспомнишь извѣстное выраженіе „отъ великаго до смѣшнаго одинъ только шагъ."—

Григорій Кулжинскій.

г. Мозырь.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

Къ путешествію г. главнаго начальника сѣверо-западнаго края Россіи, генералъ-адъютанта К. П. фонъ-Кауфмана.

Въ „Витебскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ" пишутъ изъ г. Дриссы:

3-го минувшаго іюля, господинъ главный начальникъ края, генералъ адъютантъ Константинъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ, въ сопровожденіи г. витебскаго губернатора, изволилъ посѣтить городъ Дриссу. Осмотрѣвъ православную церковь, училище и больницу, гдѣ, за найденный порядокъ, благодарилъ уѣзднаго штабъ-лекаря, статскаго совѣтника Ивановскаго, его высокопревосходительство прибылъ въ отведенную для него квартиру. У входя въ квартиру, онъ встрѣченъ былъ почетнымъ карауломъ отъ дриссенской уѣздной команды и городскимъ обществомъ, поднесшимъ ему хлѣбъ-соль. Въ самой квартирѣ, по извѣщенію военнаго начальника, собрались: предводитель дворянства, помѣщики дриссенскаго уѣзда и чиновники присутственныхъ мѣстъ. Господинъ главный начальникъ края обратился къ присутстовавшимъ помѣщикамъ съ слѣдующими словами: „Вамъ извѣстно, господа, что всѣ тягости, понесенныя и нынѣ несомыя здѣшнимъ краемъ, а также мѣры, принятыя моимъ предмѣстникомъ и поддерживаемыя мною, карательныя мѣры, суть слѣдствіе безумнаго стремленія ваше-

го, или многихъ изъ васъ, къ идеѣ, никогда несбыточной — водрузить на почвѣ, искони принадлежавшей Россіи, знамя польскаго владычества. Я увѣренъ, что вы убѣдились, наконецъ, въ своей ошибкѣ, причинившей столько бѣдствій, и порицаете и должны порицать дѣйствія тѣхъ, которые были орудіемъ, произведшимъ смуты и несчастія, разразившіяся надъ вами и дѣтьми вашими. Теперь вы обязаны загладить проступокъ свой чистымъ раскаяніемъ и обратиться къ долгу вѣрноподданнической преданности, не на словахъ, а на дѣлѣ. Мѣры строгости не уменьшатся до тѣхъ поръ, пока я не удостовѣрюсь, что вы именно русскіе, идете по пути, закономъ указанному, безъ заднихъ мыслей. Повторяю, что отъ васъ самихъ, господа, зависитъ улучшеніе положенія края и собственнаго вашего.“ Затѣмъ г. витебскій губернаторъ изволилъ представлять чиновниковъ, которыхъ его высокопревосходительство благодарилъ за усердную службу. Послѣ завтрака, г. главный начальникъ края долго говорилъ съ собравшимися у квартиры крестьянами-собственниками, объясняя имъ ихъ обязанности, которымъ они должны слѣдовать неуклонно. Въ 3 часа по полудни, г. главный начальникъ края оставилъ Дриссу и, на пути слѣдованія въ Полоцкъ, изволилъ посѣтить м. Волынцы, гдѣ находятся ветхая православная церковь и великолѣпное зданіе р. католическаго костела.

ПОСѢЩЕНІЕ ГРОДНЫ и СЛОНИМА

Главнымъ Начальникомъ сѣверо-западнаго края Россіи.

Въ четвергъ, 16-го сентября, въ 11½ часовъ утра, прибылъ въ Гродну г. главный начальникъ сѣверо-западнаго края, генералъ-адъютантъ Константинъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ. Съ дебаркадера желѣзной дороги, гдѣ его высокопревосходительство всрѣченъ былъ г. начальникомъ губерніи и высшими военными чинами, Константинъ Петровичъ отправился въ губернаторскій домъ. На обширномъ дворѣ этого зданія его ожидали гг. офицеры старо-ингерманландскаго пѣхотнаго, князя Меньшикова, полка, депутаціи отъ городскихъ сословій и еврейскихъ ремесленныхъ цеховъ и старшины отъ крестьянъ-собственниковъ и государственныхъ гродненскаго уѣзда. По представленіи гг. офицеровъ отпустивъ почетный караулъ, его высокопре-

восходительство обратился къ депутатамъ отъ городскихъ сословій и принялъ отъ нихъ хлѣбъ-соль и адресъ съ денежнымъ пожертвованіемъ на сооруженіе памятника въ честь лицъ, павшихъ во время бывшаго мятежа и запечатлѣвшихъ кровью преданность свою отечеству. Поблагодаривъ депутатовъ за ихъ усердіе и предложивъ имъ нѣсколько вопросовъ относительно условій ихъ быта и состоянія городскаго хозяйства, Константинъ Петровичъ подошелъ къ старшинамъ отъ крестьянъ-собственниковъ. Одинъ изъ нихъ привѣтствовалъ его слѣдующими словами: „Батюшка, ваше высокопревосходительство! мы не умѣемъ и не знаемъ какъ благодарить ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА за Его милость, за то, что Онъ избавилъ насъ отъ панскаго гнета и пустилъ людьми на свѣтъ Божій. Благодаримъ и благодѣтеля нашего графа Михаила Николаевича Муравьева, ваше высокопревосходительство и все начальство." „Съ удовольствіемъ принимаю, братцы, вашу хлѣбъ-соль и выраженіе тѣхъ чувствъ признательности ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ, которыми вы проникнуты," отвѣтилъ имъ Константинъ Петровичъ. „Помните 19 февраля; празднуйте этотъ день, въ который ГОСУДАРЮ угодно было оказать вамъ великую милость освобожденія отъ крѣпостнаго состоянія, докажите, что вы достойны этой великой милости. Доказать это вы можете только строгимъ исполненіемъ законовъ, повиновеніемъ властямъ, отъ ЦАРЯ надъ вами поставленнымъ, уваженіемъ чужой собственности и честнымъ трудомъ. Обработывайте свою землю съ любовью, посылайте вашихъ дѣтей въ школы, отбывайте аккуратно всѣ повинности и уважайте мировыхъ посредниковъ, приставленныхъ для вашего блага." Государственныхъ крестьянъ генералъ-губернаторъ распрашивалъ про дѣйствія люстраціонныхъ коммисій, объясняя имъ, что эта милость ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА служитъ доказательствомъ постоянной заботливости ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА объ ихъ участи, и что они должны показать себя достойными этой милости. Старшины еврейскихъ ремесленныхъ цѣховъ представили его высокопревосходительству всеподданнѣйшій адресъ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ съ изъявленіемъ чувствъ благодарности за дозволеніе селиться во внутреннихъ губерніяхъ Россіи. Принявъ адресъ, Константинъ Петровичъ, указалъ имъ на тѣ выгоды, которыя предоставляются евреямъ-ремесленникамъ черезъ это право, и выразилъ требованіе, чтобъ они, понявъ весь вредъ, происходящій отъ упор-

ной ихъ замкнутости, старались окончательно слиться съ русскою народностью.

Послѣ этого, въ домѣ губернатора, представлялись его высокопревосходительству всѣ служащіе, духовенство и дворянство. На отзывъ губернатора, что въ настоящее время гг. дворяне, хотя и исполняютъ требованія правительства, но до сихъ поръ чуждаются всего русскаго, Константинъ Петровичъ обратился къ нимъ съ слѣдующими словами: „Не стану напоминать вамъ, господа, прошедшее! оно должно быть вамъ памятно. Вы всѣ болѣе или менѣе виноваты передъ ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ и передъ русскимъ народомъ; русское имя было поносимо и унижено въ этомъ краѣ, искони русскомъ. Разъ утраченное довѣріе не легко пріобрѣтается. Желая загладить свою вину, вы подали адресы на Высочайшее имя. Согласенъ съ вами, что съ этого слѣдовало начать, но остановиться на этомъ нельзя. Въ настоящее время одной наружной покорности и преданности на словахъ не достаточно; вы должны на дѣлѣ доказать, что сознаете свои заблужденія, за которыя многіе изъ васъ несутъ заслуженную кару. Вы должны стать русскими отъ головы до пятокъ, и гордиться этимъ именемъ, а не чуждаться его. Такова воля ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, таково требованіе русскаго народа и правительства; и требованіе это имѣетъ за собою твердую основу историческаго преданія. Я не допущу въ этомъ дѣлѣ ни малѣйшаго колебанія. Никакая національность здѣсь не мыслима кромѣ русской. Кто думаетъ иначе, тому нѣтъ мѣста въ здѣшнемъ краѣ, тому мѣсто за Бугомъ.“

По окончаніи пріема, его высокопревосходительство отправился въ Софійскій соборъ, гдѣ въ присутствіи чиновниковъ и многихъ постороннихъ лицъ отслуженъ былъ молебенъ; за тѣмъ посѣтилъ Рождество-Богородичный женскій монастырь и губернскую гимназію. Исправляющій должность директора представилъ его высокопревосходительству всѣхъ преподавателей; каждый изъ нихъ былъ спрошенъ о мѣстѣ воспитанія, о времени поступленія на службу, объ учебныхъ руководствахъ, принятыхъ по каждому предмету, о порядкѣ и программахъ преподаванія. Законоучителю римско-катол. исповѣданія Константинъ Петровичъ замѣтилъ, чтобъ онъ не слѣдовалъ примѣру многихъ ксендзовъ, оффиціально говорящихъ и дѣйствующихъ такъ, а частнымъ образомъ иначе; что на его обязанности лежитъ нравственное образованіе молодежи, а потому послѣд-

ствія покажутъ степень его добросовѣстности. Изъ отвѣтовъ данныхъ учениками на предложенные имъ вопросы, оказалось, что въ среднихъ классахъ занятія идутъ успѣшнѣе, нежели въ высшихъ; особенно слабы познанія ихъ въ русскомъ языкѣ, что объясняется ложнымъ направленіемъ преподаванія въ предшествующіе годы. За тѣмъ генералъ-губернаторъ посѣтилъ зданіе благотворительнаго общества и женскую гимназію, въ которой дѣвицы хоромъ пропѣли народный гимнъ: „Боже Царя храни!“ Изъ числа присутственныхъ мѣстъ и казенныхъ зданій особенное вниманіе генералъ-губернатора обратили на себя губернское правленіе, казармы, военный госпиталь и тюремный замокъ. Всѣ эти зданія отличаются удобствомъ помѣщенія и содержатся весьма исправно; что же касается до городской больницы, то генералъ-губернаторъ остался совершенно доволенъ порядкомъ и устройствомъ ея. Больница эта помѣщается въ такомъ великолѣпномъ зданіи, и во всѣхъ отношеніяхъ, такъ исправно содержится, что остается только пожелать поболѣе такихъ больницъ не только въ губернскихъ городахъ, но и въ столицахъ.

Вечеромъ его высокопревосходительство былъ въ городскомъ театрѣ, на которомъ шла драма Островскаго: „Доходное Мѣсто.“

На другой день утромъ генералъ-губернаторъ дѣлалъ смотръ войскамъ, которыя нашелъ въ отличномъ состояніи и благодарилъ за молодецкую службу; гг. офицерамъ говорилъ про необходимость строго исполнять служебныя обязанности и соблюдать съ точностью военный этикетъ, дабы пріобрѣсти надъ солдатомъ нравственное вліяніе. Послѣ смотра вторично представлялись лица, служащія по мировымъ учрежденіямъ. Константинъ Петровичь пожелалъ видѣть ихъ, чтобы выразить имъ свою признательность за успѣшное окончаніе въ губерніи дѣйствій повѣрочныхъ коммисій. Въ рѣчи, обращенной къ нимъ онъ выразилъ ту мысль, что въ дѣлѣ устройства быта крестьянъ русская цивилизація впервые была сопоставлена съ польскою, и что изъ этого состязанія она вышла съ полнымъ торжествомъ; что эта великая реформа, упрочивающая русское начало въ западномъ краѣ, совершилась столь блистательно, благодаря тѣмъ твердымъ и разумнымъ началамъ, которыя положены въ основу ея Высочайшею волею, и получили дальнѣйшее направленіе отъ графа Михаила Николаевича Муравьева, а также просвѣщенной дѣятельности лицъ, служащихъ

по мировымъ учрежденіямъ, которыя не только сами неуклонно и добросовѣстно исполняли данные имъ въ руководство законы, но и отъ другихъ требовали того-же; что такіе дѣятели дороги для края, а потому онъ не рѣшится разстаться съ ними, и убѣждаетъ продолжать свою служебную дѣятельность, дабы окончательно упрочить начатое дѣло, и по возможности усилить русскій элементъ водвореніемъ въ краѣ. Губернаторъ отъ имени мировыхъ учрежденій выразилъ полную готовность служить русскому дѣлу въ западномъ краѣ и просилъ согласія Константина Петровича включить его имя въ число лицъ, заказавшихъ, для мѣстнаго собора, образъ въ память успѣшнаго окончанія дѣйствій повѣрочныхъ коммиссій въ гродненской губерніи. Константинъ Петровичъ отвѣтилъ, что сочтетъ себѣ за особенную честь, чтобъ его имя было включено въ этотъ списокъ, хотя и долженъ сознаться, что его участіе въ дѣлѣ, въ память котораго сооружается образъ, было еще весьма незначительно.

На третій день генералъ-губернаторъ поѣхалъ осматривать развалины Борисо-Глѣбскаго храма, что на Коложѣ. Основаніе этой церкви относится къ XII в. Полагаютъ, что она построена правнукомъ Ярослава Великаго, Всеволодомъ Давидовичемъ, или его сыновьями Борисомъ и Глѣбомъ. Весною 1853 года правый берегъ Нѣмана, на которомъ стоитъ эта церковь, былъ такъ сильно подмытъ разливомъ рѣки, что южная стѣна совершенно рушилась, такъ что въ настоящее время уцѣлѣли только три стѣны этого древняго памятника православія, замѣчательнаго по особенному акустическому устройству стѣнъ. Внѣшнія стѣны его весьма прочно сложены изъ камня и кирпича, а внутреннія изъ длинныхъ горшковъ, коихъ узкія, открытыя горлушки обращены внутрь храма. По указаніямъ генералъ-губернатора, какъ опытнаго инженера, составляется проектъ земляныхъ работъ для укрѣпленія подошвы этого крутаго берега, а за тѣмъ предполагается пригласить академика Рѣзанова подробно изучить этотъ памятникъ, дабы возобновить его въ первобытномъ видѣ.

День этотъ заключился совѣщаніемъ съ мировыми учрежденіями, продолжавшимися до поздней ночи.

Утромъ 14 сентября Константинъ Петровичъ, въ сопровожденіи губернатора, выѣхалъ изъ Гродны, для осмотра губерніи.

Здѣсь по извѣщеніи о пріѣздѣ главнаго начальника края чрезъ мироваго посредника Лаврова, собралось великое множество, изъ близкихъ и дальнихъ деревень, народа, состоящаго изъ крестьянъ, преимущественно собственниковъ, для поднесенія, по русскому православному обычаю, главному начальнику края хлѣба-соли. Всѣ крестьяне по волостямъ расположились у подъѣзда около крыльца дома; и когда главный начальникъ края туда подъѣхалъ и изволилъ выйти изъ коляски, раздалось въ воздухѣ громкое „ура!“ Вслѣдъ за тѣмъ, старшины поднесли Константину Петровичу хлябъ-соль, а одинъ изъ мальчиковъ езерницкаго училища сказалъ краткую рѣчь, окончаніи которой, прочіе мальчики того же училища пропѣли „Боже, Царя храни.“ Эффектъ при этомъ былъ необыкновенный! Послѣ, по предварительномъ дозволеніи Константина Петровича, мальчики пропѣли еще одну русскую пѣсеньку, составленную по случаю усмиренія мятежа и тѣмъ окончилось ихъ пѣніе. Я забылъ еще сказать, что при встрѣчѣ этой былъ съ своими прихожанами и мальчиками пѣвчими езерницкій священникъ, отъ коего Константинъ Петровичъ, по выходѣ изъ коляски, изволилъ принять благословеніе и цѣловать іерейскую руку. Этимъ, конечно, Константинъ Петровичъ показалъ, какъ высоко онъ смотритъ на санъ смиреннаго пастыря церкви, и какое народу должно имѣть уваженіе къ этому по истинѣ высокому пастырскому служенію! Примѣръ этотъ великъ, а равно *великъ* и тотъ, кто подаетъ народу такой примѣръ! Когда поданы были лошади, главный начальникъ края, поблагодаривъ народъ за поднесенные ему хлѣбъ-соль, а мальчиковъ за пѣніе, изволилъ отправиться прямо въ Слонимъ.

Въ Слонимъ Константинъ Петровичъ прибылъ въ 6-ть часовъ вечера, и встрѣченъ былъ у заставы города слонимскими граданачальниками и народомъ съ хлѣбомъ-солью, а въ комнатахъ, ему приготовленныхъ—всѣмъ уѣзднымъ православнымъ и римско-католическимъ духовенствомъ, чиновниками, какъ военными, такъ и гражданскими всѣмъ вѣдомствъ, и помѣщиками.

Обращаясь къ православному духовенству, главный начальникъ края сказалъ, что онъ очень радъ, что всѣхъ ихъ здѣсь видитъ; отзывался съ великимъ къ нему сочувствіемъ; прямо предъ всѣми выразилъ ту мысль, что духовенство должно быть здѣсь, какъ и вездѣ, надежной опорой правительства и проводникомъ русской народности въ полячённомъ русскомъ краѣ; оно очень

много, какъ ему извѣстно, перенесло бѣдствій во время минувшаго мятежа, но что эти бѣдствія больше никогда не повторятся, и въ заключеніе, совѣтовалъ ему серьезно заняться обученіемъ народа. Обращаясь же къ духовенству р.-католическому, сказалъ, что оно много виновато въ развитіи здѣсь польской крамолы и что до мятежа ксендзы въ костелахъ не тому народъ учили, чему учить бы имъ слѣдовало, и совѣтовалъ имъ впредь не заниматься политикой, а проповѣдывать слово Божіе. Потомъ, обращаясь къ помѣщикамъ, сказалъ, что, къ сожалѣнію, ему не за что еще благодарить ихъ, ибо они ни чѣмъ по настоящее время не заявили и не доказали фактически преданности своей правительству; затѣмъ убѣждалъ ихъ сдѣлаться русскими людьми, какъ то слѣдуетъ быть русскимъ дворянамъ. Чиновниковъ же, всякаго по особо, изволилъ спрашивать, кто какъ называется и гдѣ служитъ. Наконецъ, простившись со всѣми, главный начальникъ края остался въ комнатахъ одинъ съ гродненскимъ губернаторомъ, съ коимъ изъ Гродна вмѣстѣ и пріѣхалъ, а также изъ Вильны съ нимъ прибывшимъ предсѣдателемъ коммисіи по крестьянскимъ дѣламъ г. Левшинымъ, и еще нѣкоторыми другими, въ свитѣ его высокопревосходительства находящимися лицами.

На слѣдующее утро, т. е. 21 сентября въ 8 ч. утра, главный начальникъ края изволилъ быть въ соборѣ и слушать молебствіе по случаю высокоторжественнаго дня; а потомъ прямо изъ церкви отправился осматривать войска; затѣмъ посѣтилъ училища, тюрьму, лазаретъ, лѣчебницу и обозрѣвалъ весь городъ. Въ три часа по полудни отъѣхалъ съ начальникомъ губерніи, предсѣдателемъ коммисіи по крестьянскимъ дѣламъ и другими въ жировицкій монастырь, который отстоитъ отъ Слонима въ 9-ти верстахъ. Тамъ изволилъ осматривать весь монастырь, церкви, училище и наконецъ зашелъ въ кельи настоятеля, гдѣ приготовлена уже была ему закуска. При въѣздѣ въ Жировицы, главный начальникъ встрѣченъ былъ казенными крестьянами окрестныхъ деревень, также съ хлѣбомъ-солью, и съ ними изволилъ нѣкоторое время разговаривать о ихъ бытѣ и настоящемъ положеніи. Вечеромъ того же дня, по возвращеніи изъ Жировицъ, долго имѣлъ разсужденіе съ членами Слонимской повѣрочной коммисіи и мировыми посредниками о дѣлахъ крестьянъ собственниковъ и послѣ второй ночи, въ г. Слонимѣ проведенной, на слѣдующее утро въ 8 часовъ изволилъ отъѣхать по ружан-

ской дорогѣ въ Пружаны. Нашему Слониму выпала завидная участь. Главный начальникъ края пробылъ въ немъ долѣе, чѣмъ въ другихъ городахъ, именно: съ 20 числа 6-ти ч. вечера до 22 числа 8 ч. утра. Не знаемъ, какое о нашемъ городѣ вынесъ Константинъ Петровичъ впечатлѣніе; но русскіе этого города, всѣ съ гордостію будутъ вспоминать все это время и припоминать каждое слово, которое вышло изъ устъ сего достопочтеннаго новаго западно-русскаго дѣятеля, которому завидная выпала доля замѣнить собою въ этомъ краѣ обожаемаго всѣми нами графа Михаила Николаевича Муравьева.

Слоним. собора свящ. Климентъ Смольскій.

1-го октября 1865. (*Вил. Вѣст.*)

Еще извѣстія объ осмотрѣ губерній главнымъ начальникомъ юго-западной Россіи.

Въ „Кіевлянинѣ“ печатаются извѣстія объ осмотрѣ губерній главнымъ начальникомъ юго-западнаго края, изъ коихъ представляемъ здѣсь слѣдующія подробности (Дубно, Почаевская Лавра, Кременецъ): Уже стемнѣло, городскія улицы были освѣщены, когда по мосту, нѣкогда подъемному, и подъ сводами средневѣковой башни, экипажъ генералъ-губернатора въѣхалъ на дворъ *дубенскаго* замка, нѣкогда построеннаго Константиномъ Острожскимъ, а теперь принадлежащаго князю Любомирскому. Принявъ представлявшихся ему дворянъ, служащихъ чиновниковъ и хлѣбъ-соль отъ городскаго общества, генералъ-губернаторъ въ тотъ-же вечеръ занялся крестьянскимъ дѣломъ съ мировыми посредниками.

На слѣдующее утро онъ осматривалъ православныя церкви, кармелитскій монастырь и ѣздилъ на островъ, образуемый рѣкою Иквою, въ устроиваемую тамъ Крестовоздвиженскую обитель, на мѣстѣ, гдѣ нѣкогда спасался преподобный Іовъ, котораго мощи почиваютъ въ Почаевской лаврѣ. По благословенію святѣйшаго сѵнода, 14-го сентября нынѣшняго года долженъ былъ совершиться первый крестный ходъ изъ Почаевской лавры въ эту обитель. Въ ожиданіи этого торжества, здѣсь спѣшили отдѣлать къ этому времени вновь построенную церковь. Нынѣшній крестный ходъ будетъ устроенъ по примѣру крестныхъ

ходовъ, совершаемыхъ въ Великой Россіи изъ Боголюбова во Владиміръ и изъ Коренной пустыни въ Курскъ.

Послѣ ревизіи присутственныхъ мѣстъ, генералъ-губернаторъ посѣтилъ дубенское еврейское училище, обратившее на себя особенное его вниманіе. Нельзя не сознаться, что почти всѣ казенныя еврейскія училища не достигаютъ того благодѣтельнаго значенія, которое правительство имѣло въ виду при ихъ учрежденіи; дубенское, однакожъ, составляетъ самое пріятное изъ этого числа исключеніе. Дѣвочки, имѣющія особую наставницу, пристойно себя держатъ и охотно учатся по-русски. Одна изъ нихъ, десятилѣтняя, разсказала выученное стихотвореніе Лермонтова „Молитву"—съ чувствомъ и одушевленіемъ; но когда мальчикъ такого же возраста, въ мужескомъ классѣ, сталъ передавать басню Крылова „Оселъ и соловей", то всѣ изумились искусной интонаціи, сдержанности и мастерству разсказа этого малютки. Вообще удовлетворительнымъ состояніемъ этого училища генералъ-губернаторъ остался особенно доволенъ.

Здѣшняя еврейская больница находилась, за двѣ недѣли до пріѣзда начальника края, въ состояніи непозволительномъ для человѣколюбивой цѣли; но дубенскіе евреи успѣли (а въ чемъ евреи не успѣютъ, если захотятъ?) устроить къ пріѣзду его высокопревосходительства новую больницу, найденную въ положеніи удовлетворительномъ.

26 августа, главный начальникъ края отправился въ *Почаевскую лавру*. Эта святыня юго-западнаго края, куда стекаются на поклоненіе и православные, и римскіе католики, стоитъ на одной изъ высочайшихъ вершинъ Карпатскаго предгорія врѣзывающагося въ волынскую губернію. Она видна за 50 верстъ, при самомъ выѣздѣ изъ Дубно, видна съ горы королевы Боны въ Кременцѣ и на далекомъ разстояніи изъ Галиціи. На послѣднихъ 6-ти верстахъ, подъѣзжая къ Почаеву, дорога поднимается съ одного горнаго уступа на другой, до самой ихъ вершины, на которой стоитъ громаднѣйшее зданіе лавры, съ нѣсколькими нижними этажами внутри самой горы. Чтобы достигнуть собора, нужно еще подняться по широкой лѣстницѣ на галлерею, откуда открываются великолѣпнѣйшіе виды окрестностей волынскихъ и галиційскихъ, окаймленныхъ съ нѣкоторыхъ сторонъ Карпатскими горами. При входѣ съ галлереи въ соборъ, взоръ поражается величественною архитектурою внутренняго храма, которой вполнѣ соотвѣтствуетъ иконостасъ

превосходной живописи, пожертвованный въ 1857-мъ году ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ. Всѣ усиленныя занятія генералъ-губернатора въ послѣднее время, кажется, имѣли ту цѣль, чтобы поспѣть въ Почаевъ 26-го августа, въ день торжества коронаціи. Въ этотъ день архіепископъ Антоній, по окончаніи литургіи, совершилъ соборное молебствіе, при которомъ присутствовали генералъ-губернаторъ и всѣ находившіеся здѣсь военные и гражданскіе чины.

По окончаніи богослуженія, начальникъ края прикладывался къ чудотворной иконѣ почаевской Божіей Матери и къ мощамъ преподобнаго Іова; осмотрѣвъ потомъ лавру, онъ возвратился въ отведенный ему монастырскій домъ, гдѣ имѣлъ продолжительное совѣщаніе съ архіепископомъ. У преосвященнаго Антонія былъ обѣдъ, на которомъ провозглашены были тосты за здоровье ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и всей Августѣйшей фамиліи, потомъ за здоровье главнаго начальника края, который въ свою очередь предложилъ тостъ за здоровье радушнаго и гостепріимнаго хозяина—архіепископа Антонія. Принимая въ Почаевѣ представлявшееся ему таможенное начальство, генералъ-губернаторъ обратилъ его вниманіе на необходимость имѣть самое строгое наблюденіе за развитіемъ контрабанды, въ особенности виннымъ спиртомъ, безъакцизно отпускаемымъ за границу и потомъ обратно ввозимымъ сюда контрабандистами, для дешевой его здѣсь распродажи, въ ущербъ казнѣ.

Послѣ обѣда генералъ-губернаторъ отъѣхалъ въ *Кременецъ*, который лежитъ въ ущельи Карпатскихъ горъ, окруженный ими со всѣхъ сторонъ, въ самой живописной панорамѣ. На высочайшей изъ этихъ горъ рисуются въ поднебесьи развалины замка королевы Боны,—напротивъ возвышается другая гора—Черча. При въѣздѣ генералъ-губернатора въ Кременецъ, вечеромъ, городъ уже былъ освѣщенъ, а на горахъ Боны и Черчи зажжены были огни, которые, какъ звѣзды, горѣли въ дальней высотѣ неба. Ночлегъ Александру Павловичу отведенъ былъ въ квартирѣ генералъ-лейтенанта барона Дельвига, насупротивъ высоты горы Черчи, по отлогостямъ которой разбросаны сады и домики въ самомъ живописномъ безпорядкѣ.

Весь этотъ вечеръ генералъ-губернаторъ, какъ и во всѣхъ прочихъ уѣздахъ, посвятилъ обычному своему занятію крестьянскимъ дѣламъ, разсматривая повѣрочные протоколы и из-

готовленные выкупные акты. По утру слѣдующаго дня онъ осматривалъ присутственныя мѣста, гдѣ дѣлалъ свои замѣчанія, и духовную семинарію, на которую было обращено его особенное вниманіе. Въ зданіяхъ упраздненныхъ р. католическихъ монастырей, отданныхъ подъ помѣщеніе православнаго духовенства, онъ замѣтилъ, что эти зданія должно поддерживать въ лучшемъ порядкѣ, нежели въ какомъ онъ ихъ засталъ. Еврейскую больницу, найденную въ самомъ дурномъ состояніи, кременецкіе евреи обѣщали устроить въ наилучшемъ порядкѣ, и нельзя сомнѣваться, что это обѣщаніе будетъ ими исполнено въ самомъ скоромъ времени, какъ это сдѣлано было въ Дубнѣ. Мы имѣемъ еще и другую надежду: всѣ свѣдѣнія нынѣшней ревизіи генералъ-губернатора заключаются не только въ личномъ обзорѣ имъ губерній, но и въ документахъ обнимающихъ въ подробности все положеніе югозападнаго края, въ какомъ засталъ его объѣздъ генералъ-губернатора, такъ что при слѣдующей ревизіи можно будетъ видѣть всѣ успѣхи и упущенія, какіе могли произойти въ промежутокъ отъ одной ревизіи до другой. По этому мы имѣемъ основаніе думать, что каждое изъ лицъ, состоящихъ на службѣ въ здѣшнемъ краѣ, станетъ усердно трудиться въ сферѣ назначенной ему должности, въ томъ убѣжденіи, что его услуги будутъ ясно видны изъ тѣхъ данныхъ, которыя уже собраны, для сравнительной оцѣнки будущихъ успѣховъ по службѣ каждаго изъ гг. чиновниковъ.

Послѣ обѣда, даннаго въ честь его высокопревосходительства генералъ-лейтенантомъ барономъ Дельвигомъ, главный начальникъ края отправился въ дальнѣйшій путь—въ *Старый Константиновъ*, и снова по проселочной дорогѣ, для того, кажется, чтобъ видѣть жизнь и положеніе края столько же съ его изнаночной, какъ и съ лицевой стороны.

(*Продолженіе впредь*).

Корреспонденція изъ Вильны „въ Мос. Вѣд." 2 и 10 августа.

Мнѣ пришлось въ послѣднее время видѣться съ нѣсколькими служащими лицами, вернувшимися изъ поѣздки въ различныя мѣстности здѣшняго края и имѣвшими возможность ко многому приглядѣться и прислушаться. Всѣ они единогласно утверждаютъ, что та часть населенія, которая составляетъ револю-

ціонный элементъ края и видитъ жизнь только въ интригахъ и волненіяхъ, очевидно недовольна теперешнимъ порядкомъ вещей. Она разсчитывала, что съ отъѣздомъ отсюда графа М. Н. Муравьева, снова наступятъ для шляхты времена блаженныя, подобныя временамъ недавно минувшимъ; разсчитывала, что наши административныя власти снова станутъ смотрѣть на польскую интригу свысока, для того, разумѣется, чтобы не видѣть ее въ истинномъ свѣтѣ; разсчитывала наконецъ, что конфискованныя и секвестрованныя имѣнія какъ разъ перейдутъ опять въ руки мятежниковъ и что хлопы станутъ въ прежнюю зависимость отъ пановъ. Въ апрѣлѣ она имѣла даже нѣкоторое основаніе считать разсчеты свои не игрой фантазіи; нынѣ же фактически убѣждается, что мечты ея столь же удобоисполнимы, какъ и во время управленія графа Муравьева, и что возбужденные имъ вопросы быстро подвигаются къ разрѣшенію въ интересахъ русскаго народа. Молва даже разноситъ между панами слухи о какихъ-то новыхъ радикальныхъ и энергическихъ мѣрахъ, имѣющихъ въ виду искорененіе въ краѣ революціоннаго элемента. При этихъ расказахъ не могъ я не припомнить старинной военной аксіомы: „если непріятель доволенъ—дѣла твои идутъ дурно; если онъ недоволенъ, значитъ ты не дѣлаешь того, что доставило бы ему возможность нанести тебѣ вредъ.“ Не дай намъ Богъ, конечно, опять дожить до тѣхъ печальныхъ временъ, чтобъ здѣшніе паны, *сохранивъ исконныя тенденціи свои*, сдѣлались довольными нашей администраціей!

Странствуя по желѣзнымъ дорогамъ сѣверозападнаго края вы не услышите на станціяхъ и буфетахъ иного языка кромѣ нѣмецкаго; изрѣдка только раздается руская рѣчь съ германскимъ акцентомъ. Въ прежнее время, до возстанія и въ началѣ возстанія, на станціяхъ, между содержателями ихъ и прислугой, господствовала польщизна. Теперь, во имя обрусѣнія русскаго края стала раздаваться тамъ рѣчь нѣмецкая. Къ тому же этотъ аккуратный народъ беретъ здѣсь и цѣны аккуратныя: напримѣръ за полбутылки зельтерской воды требуютъ съ васъ на станціи между Варшавой и Вильной по 20 коп., тогда какъ она обходится имъ въ Варшавѣ по 4, а въ Вильнѣ по 7 к. Попробуйте заикнуться о дороговизнѣ, эти аккуратные люди непремѣнно сошлются вамъ на тарифъ. На телеграфныхъ станціяхъ тоже сильно преобладаетъ нѣмецкій элементъ

и тоже вѣроятно трудится во имя обрусѣнія края. Казалось бы нелишнимъ, чтобъ эти руссификаторы передавали по крайней мѣрѣ депеши безъ грамматическихъ ошибокъ.

Пріѣзжіе изъ Ковны расказываютъ обстоятельство, которое можно было бы счесть за утку, еслибъ оно не подтверждалось изъ достовѣрныхъ источниковъ. Лѣтомъ или осенью 1863 г. схваченъ былъ объѣздчикомъ въ Россіенскомъ уѣздѣ, пробиравшійся за границу мятежникъ. При преслѣдованіи, онъ одного изъ объѣздчиковъ положилъ на мѣстѣ выстрѣломъ изъ револьвера, по другому тоже сдѣлалъ было выстрѣлъ; но какъ револьверъ далъ осѣчку, то объѣздчикъ успѣлъ ударить мятежника прикладомъ по головѣ и захватить въ плѣнъ. При первоначальномъ допросѣ, мятежникъ показалъ себя Антоніемъ Хрустовскимъ, начальникомъ банды. Спустя нѣсколько времени, онъ заболѣлъ, а потомъ впалъ въ безчувственное состояніе, продолжавшееся по май 1865 г., всего, по разчету, *около шестнадцати мѣсяцевъ*. Сначала онъ лежалъ въ россіенскомъ госпиталѣ, но какъ болѣзнь его не могла не возбудить сомнѣній, то онъ вытребованъ былъ въ августѣ 1864 года въ Ковну и помѣщенъ въ тамошнюю городскую больницу. Здѣсь продолжалъ онъ лежать въ прежнемъ безчувственномъ состояніи, которое медики опредѣлили: „неполною летаргіей съ параличомъ чувственныхъ и двигательныхъ нервовъ;“ пищу принималъ лишь въ жидкомъ видѣ, и въ то время, когда ее клали ему въ ротъ, для чего необходимо было раскрывать ему ротъ силой; прочія физическія отправленія были правильны. Для возбужденія жизни, принимаемы были самыя энергическія мѣры, между прочимъ гальванизмъ и электричество, но всѣ онѣ оказались недѣйствительными. Слухъ о такомъ чрезвычайномъ явленіи, разумѣется, скоро распространился по городу, и здѣшняя „интеллигенція“ не упустила воспользоваться случаемъ, чтобъ чуть не канонизировать дѣятеля „святой справы“ въ глазахъ здѣшняго населенія, до крайности суевѣрнаго.

Въ маѣ нынѣшняго года, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, прибывъ въ Ковну, осматривалъ тамошнія казенныя учрежденія, между ними и больницу. Зная, конечно, подробности о Хрустовскомъ, Константинъ Петровичъ, подойдя къ постели летаргика, сказалъ окружавшимъ его лицамъ громкимъ и внушительнымъ голосомъ: „Вотъ какъ самъ Богъ караетъ преступниковъ!“ Нѣкоторымъ изъ присутствовавшихъ показалось

при этомъ, будто легкая краска выступила на лицѣ больнаго. Затѣмъ главный начальникъ края приказалъ взять больнаго изъ градской больницы въ военный госпиталь и передать на попеченіе особаго медика. По перенесеніи въ госпиталь, больной въ весьма скоромъ времени очнулся и сталъ говорить. По подробномъ осмотрѣ его оказалось, что пролежней не было.

Въ настоящее время, по разсказамъ очевидца, онъ уже сидитъ на стулѣ, ѣстъ и пьетъ какъ здоровый человѣкъ и разговариваетъ хоть нѣсколько слабымъ голосомъ, но продолжительно и вполнѣ отчетливо. Между прочимъ онъ показываетъ нынѣ, что онъ ложно назвалъ себя Хрустовскимъ, а что онъ Казимиръ Цытовичъ, 22-хъ лѣтъ, поручикъ артиллеріи, окончившій въ 1859 г. курсъ въ бывшемъ 2-мъ кадетскомъ корпусѣ въ С.-Петербургѣ, и исчисляетъ много родственниковъ своихъ служащихъ въ артиллеріи. Чтобъ убѣдиться, что арестантъ опять не назвалъ себя ложнымъ именемъ, къ нему приглашенъ былъ одинъ изъ корпусныхъ товарищей. Можете представить себѣ, каково было удивленіе этого товарища, когда Цытовичъ, воспитывавшійся съ нимъ 9 лѣтъ въ корпусѣ и говорившій тамъ по-русски какъ москвичъ, узнавъ его, сталъ на совершенно дружескіе вопросы, дѣлаемые, разумѣется, по-русски, отвѣчать ему *по-польски*—и даже, по отзыву знающихъ этотъ языкъ лицъ, съ плохимъ польскимъ акцентомъ. Ни просьбы, ни убѣжденія постороннихъ лицъ не помогли; онъ и до сихъ поръ всѣмъ обращающимся къ нему съ вопросами отвѣчаетъ не иначе, какъ по-польски. По выходѣ изъ корпуса, Цытовичъ служилъ въ строю до самаго мятежа, слѣдовательно даже при желаніи, не могъ забыть русскаго языка; во время мятежа онъ былъ схваченъ въ плѣнъ, пробылъ въ летаргіи шестнадцать мѣсяцевъ; какъ же смотрѣть на это упорство? Одному изъ объяснявшихся съ нимъ офицеровъ, который кратко замѣтилъ о странности такого поведенія, онъ отвѣчалъ по-польски, что онъ „не желаетъ слушать замѣчаній."

Другое явленіе въ мірѣ мятежниковъ разказывалъ мнѣ одинъ изъ прибывшихъ сюда очевидцевъ изъ Гродны. Тамъ задержанъ молодой человѣкъ, неимѣвшій никакого вида. При допросѣ онъ притворился глухонѣмымъ. Слѣдователи, повѣривъ его болѣзненному состоянію, посадили въ одну комнату съ нимъ арестованнаго за что-то мальчика. Не прошло сутокъ, какъ часовой замѣтилъ, что глухонѣмой шепчется съ мальчикомъ.

При такой уликѣ на лицо, мнимо-глухонѣмой сталъ отвѣчать на дѣлаемые ему вопросы по-италіянски и также писать отвѣты на вопросные пункты. Нѣсколько дней спустя, онъ объявилъ себя Нѣмцемъ, а потомъ Сербомъ или Чехомъ и сталъ говорить и писать на этихъ языкахъ. Не знаю, причислилъ ли онъ себя съ того времени къ какой-нибудь новой національности, знаю только, что слѣдователямъ нашимъ, которые сплошь и рядомъ имѣютъ здѣсь дѣло съ подобнаго рода индивидуумами, надо имѣть не человѣческій запасъ терпѣнія.

Вчера, въ день Происхожденія Честныхъ Древъ, былъ у насъ крестный ходъ изъ Духова монастыря на рѣку Вилію для водоосвященія. Шествіе было блестящее. Въ немъ принималъ участіе, отъ начала до конца, и главный начальникъ края. Это произвело наилучшее впечатлѣніе на здѣшнее православное населеніе.

10-го августа.

Одна изъ главнѣйшихъ заботъ графа Михаила Николаевича при управленіи здѣшнимъ краемъ состояла въ томъ, чтобы поставить здѣшнее русское общество въ то положеніе, какое оно должно занимать въ краѣ русскомъ. Заботы его увѣнчались блестящимъ успѣхомъ. Высокое положеніе въ краѣ *коренныхъ* русскихъ дѣятелей наносило смертельный ударъ революціонной партіи, которая, утративъ оттого и прежнее вліяніе свое на дѣла края, и прежнее значеніе въ глазахъ мѣстнаго населенія, стала помышлять ужъ не о пропагандѣ, а видимо упала духомъ: завѣтныя мечты ея, съ такою нѣжною заботливостью лелѣянныя въ теченіи чарторыйскаго періода, начали оказываться мечтами скорѣй забавными, чѣмъ серіозными; русское общество скоро увидѣло на опытѣ скрываемую шляхтой истину, что мѣстное русское населеніе, не смотря на то, что мы столько лѣтъ собственными руками навязывали ему латинство и польщизну, и душой и преданіями осталось столь же привязаннымъ къ Россіи, сколько враждебнымъ къ полякамъ.

Извѣстіе о замѣщеніи графа Михаила Николаевича, столь ненавистнаго революціонной партіи, казалось сначала полнымъ торжествомъ для польщизны. Горячему воображенію пановъ представилось уже, что ловкая интрига достигла своей цѣли и что русскому преобладанію въ краѣ снова приходитъ конецъ; она повѣрила (чего хочется, тому вѣрится), что національныя

мѣры 1863—1864 годовъ были мѣрами временными, вызванными только мятежомъ, и что за тѣмъ наступитъ прежнее затишье, прежнее царство шляхетско-клерикальной интеллигенціи. Въ припадкѣ радости, шляхта пустилась даже на демонстраціи: польская рѣчь стала громко раздаваться въ публичныхъ мѣстахъ; паны перестали узнавать знакомыхъ русскихъ, передъ которыми до того гнули спину; отовсюду послышались порицанія системы графа Муравьева, что значило въ переводѣ на русскій языкъ порицаніе нашего господства въ здѣшнемъ краѣ.

Но увлеченіе пановъ продолжалось не долго. Скоро убѣдились они, что система управленія краемъ въ исключительныхъ интересахъ Россіи не только не признается анахронизмомъ, но что, напротивъ того, всѣ мѣры администраціи начинаютъ прямо и открыто клониться къ тому, чтобъ *укоренить здѣсь эту систему на основаніяхъ прочныхъ*. Русское общество, по прежнему поддерживаемое сверху, опятъ энергически принялось за дѣло. При такихъ обстоятельствахъ и полякующій людъ снова притаился и снова пустилъ въ ходъ свое испытанное оружіе—интригу и клевету,—оружіе не рѣдко слабое въ здѣшнемъ краѣ, гдѣ этихъ господъ знаютъ наизустъ, но еще дѣйствительное въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, особенно тамъ гдѣ господствуетъ такъ-называемое космополитическое направленіе.

При полномъ уваженіи къ системѣ графа Муравьева, въ здѣшней администраціи замѣчается въ послѣднее время особенность, отрадная для русскихъ дѣятелей и сильно приходящаяся не по сердцу революціонному элементу края. Особенность эта выражается въ стремленіи администраціи къ *разоблаченію истины*, столь горькой для внутреннихъ враговъ Россіи, а для насъ служащей залогомъ великой будущности. Пренебреженіе этимъ оружіемъ всегда было, да и должно было быть, главною причиной нашей внутренней неурядицы; не даромъ же *доброжелатели* Россіи такъ усердно хлопочутъ отвлечь наше вниманіе отъ собственныхъ дѣлъ. Возможна ли была бы, въ самомъ дѣлѣ, полонизація здѣшняго края, еслибъ русское общество зорко слѣдило за всѣмъ, что здѣсь творилось? Самый польскій вопросъ былъ ли бы возможенъ, если бы мы всегда относились къ русскому дѣлу серіозно и съ національной точки зрѣнія?

Обнародованіе въ истинномъ свѣтѣ поучительныхъ для всякаго русскаго событій, совершавшихся и совершающихся еще

въ здѣшнемъ краѣ, необходимо поведетъ за собой устраненіе причинъ ихъ порождающихъ; молчаніе съ нашей стороны всегда было, да и должно быть, самымъ сильнымъ содѣйствіемъ непріятелю во враждебныхъ противъ насъ замыслахъ. До сихъ поръ дѣйствовали мы наступательно противъ польщизны въ русскомъ краѣ преимущественно мѣрами административными; но однѣ эти мѣры, для умиротворенія края, становятся очевидно недостаточными; онѣ однѣ не въ силахъ залѣчить тѣ глубокія раны, которыя нанесены здѣсь русскому дѣлу долголѣтнею интригой; при дальнѣйшемъ наступленіи намъ необходимо, какъ подспорье административнымъ мѣрамъ, всенародное раскрытіе путей, которыми дѣйствовала и продолжаетъ дѣйствовать интрига, дабы никто, не только въ высшей, но и въ низшей администраціи, и не только въ администраціи, но и въ обществѣ, не могъ уже заблудиться на этихъ путяхъ.

Такъ поняло здѣшнее русское общество допущеніе гласности въ вопросѣ о музеѣ—одномъ изъ самыхъ скандалезныхъ вопросовъ для польщизны; такъ понято и напечатанное въ *Виленскомъ Вѣстникѣ* извѣстіе о пожарахъ въ нашемъ краѣ.

Излишне было бы описывать вамъ потрясающее, но вмѣстѣ съ тѣмъ благотворное дѣйствіе, произведенное этими извѣстіями на здѣшнее русское общество. Слухи о поджогахъ, какъ томительный кошмаръ, тяготили всѣхъ насъ, *вполнѣ убѣжденныхъ*, что пожары не дѣло одного случая что и единственное средство къ прекращенію ихъ и къ успокоенію насъ—обнаруженіе истины.

Случай доставилъ мнѣ возможность собрать относительно личностей, названныхъ въ статьѣ *Виленскаго Вѣстника*, достовѣрныя, хотя довольно скудныя свѣдѣнія, которыми спѣшу съ вами подѣлиться:

Ходзько принадлежитъ къ мелкой шляхтѣ. Ему 34 года. Онъ не высокаго роста, худощавъ, бѣлокуръ. На блѣдножелтомъ лицѣ его, съ сѣрыми большими глазами, виденъ отпечатокъ тѣхъ лишеній, которымъ подвергался онъ отъ недостатка въ денежныхъ средствахъ. Одѣтый бѣдно, въ сѣромъ нанковомъ сюртукѣ и длинныхъ сапогахъ, съ загорѣлыми и грубыми руками, знакомыми, вѣроятно, съ тяжелою работой, онъ напоминаетъ съ виду нашего столичнаго ремесленника. Подобно огромному большинству здѣшней шляхты, онъ не получилъ образованія. Въ службѣ не состоялъ. Въ періодъ демонстрацій Ходзь-

ко былъ въ своемъ уѣздѣ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ агитаторовъ, но такъ какъ въ тѣ блаженныя для шляхты времена, многое сходило ей безнаказанно съ рукъ, то и Ходзько не подвергся никакому взысканію. Во время мятежа, онъ захваченъ былъ въ шайкѣ и за то былъ отданъ подъ полицейскій надзоръ. Есть у него за границей соименный ему дядя, эмигрантъ; дядя этотъ—гордость племянника, его идеалъ.

Логиновичъ—небогатая владѣтельница фольварка, разумѣется, дворянка, женщина лѣтъ 36, блѣдная и болѣзненная. Судя по лицу и по разговорамъ ея, никому не приходило въ голову заподозрить ее въ тяжкомъ преступленіи. Будучи въ дружбѣ съ Ходзькомъ, она находилась подъ сильнымъ вліяніемъ его. Одиночное заключеніе подѣйствовало, говорятъ, на нее благотворно: она поняла всю тяжесть совершеннаго Ходзькомъ преступленія; въ ней видно полное раскаянье. Она вызвалась написать Ходзьку два письма, въ которыхъ убѣждаетъ въ дальнѣйшей невозможности скрывать страшную истину и умоляетъ показывать передъ судомъ правду. Письма эти, съ разрѣшенія слѣдователей, были переданы Ходзькѣ для прочтенія.

Капустинскій—юноша довольно пріятной наружности, полный здоровья и силы, всосавшій съ молокомъ матери шляхетскія традиціи, но еще крайне неопытный въ жизни и неразвитый. Отца лишился онъ пять лѣтъ тому назадъ; мать же его, съ двумя дочерьми, живетъ у своего брата, который арендуетъ одно имѣніе. Живя дома и ничего не дѣлая, Капустинскій обнаруживалъ большую склонность къ кутежу, но средствъ къ удовлетворенію такой наклонности не имѣлъ; этимъ-то и воспользовались польскіе патріоты на русской землѣ.

Дятловская—незаконная дочь крестьянина. Мать ея, умершая нынѣшнею весной, была православная, что не помѣшало однако ксендзамъ (извѣстнымъ здѣсь въ православномъ населеніи подъ именемъ душехватовъ) окрестить дочь въ латинскую вѣру. Во время возстанія, когда Дятловскую посылали въ лѣсъ носить разныя вещи мятежникамъ, мать всегда энергически отговаривала ее отъ этого. Преступницѣ всего 40 лѣтъ, но по виду она совсѣмъ старуха. Будучи арестована, она ни минуты не колебалась сознаться въ своемъ преступленіи и весьма охотно и обстоятельно разсказываетъ обо всемъ, что у нея спрашиваютъ. Нравственнымъ насиліемъ вынужденная совершить поджогъ, она съ отвращеніемъ вспоминаетъ теперь о

людяхъ, увлекшихъ ее въ преступленіе и называетъ ихъ нерѣдко не по имени, а просто мерзавцами. Вы знаете изъ записки, помѣщенной въ *Виленскомъ Вѣстникѣ*, что она получила фальшивое свидѣтельство на дворянство. Преступленіе это, кажущееся у насъ, во внутреннихъ губерніяхъ, такимъ страшнымъ дѣломъ, здѣсь вещь обыкновенная. Недавно еще существовало здѣсь нѣсколько фабрикъ спеціально для поддѣлки дворянскихъ документовъ, и есть лица, нажившія себѣ этимъ производствомъ хорошее состояніе. Такая промышленность была съ руки польскому дѣлу: ошляхтенный за нѣсколько рублей мѣщанинъ, считалъ себя уже окончательно польскимъ паномъ, проникался до глубины костей шляхетскимъ гоноромъ и враждебнымъ духомъ къ Россіи, въ которой становился на одну линію съ кореннымъ русскимъ дворянствомъ.

Передавая вамъ эти свѣдѣнія объ извѣстныхъ уже вамъ поджигателяхъ, считаю не лишнимъ дать вамъ понятіе о томъ, какъ встрѣчено было здѣшней „интеллигенціей" печатное заявленіе о поджогахъ. Въ виду невозможности продолжать опровержение слуховъ о поджогахъ, какъ о дѣлѣ цѣлой организаціи, она изъ всѣхъ силъ бьется нынѣ пустить въ ходъ молву, будто поджоги эти дѣлались вовсе *не съ политическою цѣлью, а чисто изъ корыстолюбивыхъ разсчетовъ.* Куда мѣтитъ такимъ маневромъ интеллигенція—понятно; сомнительно только, чтобъ она нашла себѣ здѣсь адептовъ между Русскими. Не посчастливится ли ей въ этомъ отношеніи въ извѣстныхъ космополитическихъ кружкахъ?

Въ заключеніе раскажу вамъ случай очень назидательный для насъ, Русскихъ.

Здѣсь находится подъ судомъ одинъ политическій арестантъ. Одинъ изъ слѣдователей долженъ скоро вступить въ бракъ въ одномъ изъ городовъ Петербургской губерніи. На дняхъ, при производствѣ у какой-то изъ здѣшнихъ жительницъ, обыска, найдена, между письмами, писанная по польски записка, какъ расказываютъ, слѣдующаго содержанія: „Такой-то (офицеръ) долженъ на дняхъ жениться на такой-то дѣвицѣ. Офицеръ этотъ отбираетъ показанія отъ такого-то (имя подсудимаго) и отличается строгостью. Надо за то разстроить свадьбу.... Помочь въ этомъ могутъ XX. и УУ." Два послѣднія лица живутъ въ томъ же городѣ, гдѣ и невѣста офицера: одно изъ нихъ—По-

дякъ, состоящій въ этомъ городѣ на государственной службѣ, другое—женщина съ инородческою фамиліей.

Сельско-хозяйственная выставка въ Ковнѣ.

Въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ пишутъ: Въ началѣ мая и затѣмъ въ іюлѣ нынѣшняго года, сельскіе хозяева и вообще всѣ жители Ковенской губерніи были оповѣщены объ имѣющей быть въ сентябрѣ, съ разрѣшенія министра государственныхъ имуществъ, небывалой еще здѣсь, очередной выставкѣ сельско-хозяйственныхъ произведеній. Оглашеніе это произведено, по распоряженію губернской администраціи, предводителями дворянства, мировыми посредниками, участковыми чиновниками палаты государственныхъ имуществъ и исправниками, при посредствѣ разосланныхъ къ нимъ подробныхъ правилъ о томъ, какіе именно предметы, въ какой мѣрѣ, вѣсѣ и количествѣ принимаются на выставку; при чемъ объявлено и объ отпущенныхъ министерствомъ наградахъ, состоящихъ въ золотыхъ и серебряныхъ медаляхъ, похвальныхъ листахъ и денежныхъ преміяхъ.

Не говоря о пользѣ подобныхъ выставокъ вообще, въ Ковенской губерніи выставка пріобрѣтала особенное значеніе уже по одному тому, что она, въ случаѣ удачи, способствовала бы сближенію, такъ здѣсь необходимому, производителей съ потребителями, разъединенныхъ до настоящаго времени посредниками-евреями,—этой могучей торговой корпораціей, выражающейся въ нашей губерніи серіозною цифрою 116,000 обоего пола душъ (въ дѣйствительности гораздо высшею), то есть слишкомъ 11 процентами всего населенія губерніи. Одна цифра лавокъ въ городахъ, то есть 1,311, или одна на 13 городскихъ жителей, подкрѣпляетъ предположеніе о торговой силѣ этихъ посредниковъ, пропускающихъ чрезъ свои руки всю массу производительныхъ средствъ крестьянскаго сословія по преимуществу. И—что весьма странно въ нашей сторонѣ—привычка не обходиться безъ посредника до такой степени укоренилась въ нравахъ, въ особенности крестьянъ, что они совершенно равнодушны къ тому, какъ въ ихъ же глазахъ скупленное по частямъ перепродается съ барышомъ покупателю, который, разумѣется, не отказался бы купить дешевле прямо изъ первыхъ рукъ отъ производителя. Одинъ торгующій льномъ

нѣмецъ съ горечью разсказывалъ намъ, что, не смотря на всѣ его старанія, онъ никакъ не могъ уговорить крестьянъ одной мѣстности, производящей хорошій ленъ, привозить его къ нему прямо, а не чрезъ руки сказанныхъ посредниковъ. Примѣры этого въ нашей губерніи чуть не на каждомъ шагу. Понятно поэтому, какъ извѣстіе о выставкѣ обрадовало всѣхъ, кто сочувствуетъ успѣху экономической жизни края и кому дорого матеріяльное благосостояніе темнаго мужичка-жмудина.

Всѣ усилія къ устройству предположенной выставки выпали на долю администраціи, и по преимуществу вѣдомства государственныхъ имуществъ и мировыхъ учрежденій; только правительственными средствами пришлось, слѣдовательно, дѣйствовать на пользу дѣла, успѣхъ котораго всегда и вездѣ приводилъ къ самымъ счастливымъ результатамъ, по его отношенію къ экономическому, а за нимъ и къ всяческому преуспѣянію края. Если въ другихъ странахъ классъ землевладѣльцевъ, и въ особенности крупныхъ, идетъ обыкновенно во главѣ благихъ для своего края предпріятій, то у насъ здѣсь почему-то произошло совершенно на оборотъ: такъ называемая интеллигенція не особенно сочувственно отнеслась къ задуманному дѣлу, и краснорѣчивѣйшимъ доказательствомъ того является цифра всего *пяти* экспонентовъ изъ помѣщичьяго сословія на *двѣ тысячи* экспонентовъ изъ крестьянъ. Были самыя нелѣпые, самые фантастическіе слухи о выставкѣ, въ родѣ того напр., что и выставка, какъ русскія народныя училища, имѣетъ цѣлію — обращеніе жмудиновъ въ православіе! Нѣсколько рѣдкихъ случаевъ чумы на рогатый скотъ живо породили слухи о зараженіи чумою цѣлой губерніи, если кто осмѣлится привести скотъ свой на выставку. Понятно послѣ этого, при какихъ неблагопріятныхъ условіяхъ шло у насъ дѣло устройства выставки.

Открытіе выставки послѣдовало 16-го сентября, въ 11 часовъ дня, торжественнымъ молебствіемъ православнаго духовенства, въ самомъ зданіи выставки, въ присутствіи губернатора, членовъ комитета по устройству выставки и значительнаго числа посѣтителей, преимущественно изъ чиновниковъ и ихъ семействъ. Послѣ молебствія и провозглашенія многолѣтія ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ, какъ присутствующіе, такъ и зданіе выставки, со всѣмъ, что она въ себѣ вмѣщаетъ, было окроплено святою водою, по окончаніи чего посѣтители съ

любопытствомъ занялись осмотромъ представленныхъ произведеній.

Въ Ковнѣ не нашлось помѣщенія, въ которомъ бы можно было удобно расположить выставку, почему, составленный для этой цѣли комитетъ отдалъ устройство для нея соотвѣтственнаго зданія, съ торговъ, подрядчику, съ правомъ, по окончаніи выставки, разобрать все зданіе въ его пользу. Это—большой деревянный балаганъ съ окнами, вообще весьма приличной конструкціи и размѣровъ, съ крытыми навѣсами вокругъ и особою загородью для возовъ съ лошадьми пріѣхавшихъ на выставку экспонентовъ-крестьянъ. Зданіе это стоитъ въ центральной части города, на довольно обширномъ плацу. Внутри все помѣщеніе украшено массою зелени, которая вьется по стѣнамъ, столбамъ и балкамъ и производитъ своими разнообразными фестонами весьма пріятное для глазъ впечатлѣніе. Прямо противъ входа—оранжерея, которой главнымъ украшеніемъ служитъ огромное растеніе агава и три акваріума съ живыми рыбками, земноводными и маленькимъ фонтаномъ посрединѣ, выставленными ковенскимъ садовникомъ Мольденке. Вокругъ стѣнъ, направо и налѣво, а также поперегъ, тянутся длинные столы, на которыхъ расположены, по порядку, произведенія земледѣлія, огородничества и разныхъ сельскихъ промысловъ и ремесленности. Между первыми—разные сорты озимаго и яроваго хлѣба въ зернѣ и снопахъ, большею частію ничѣмъ особенно не отличающіеся; замѣчателенъ только развѣ, по отзывамъ нѣкоторыхъ лицъ, особеннаго сорта овесъ, хорошо ростущій и на песчаномъ грунтѣ и при этомъ служащій прикрытіемъ для полей отъ сыпучихъ песковъ. Овесъ этотъ, равно какъ и другіе продукты земледѣлія, представлены отъ образцоваго хозяина, государственнаго крестьянина Россіенскаго уѣзда, Граевскаго, примѣняющаго разные усовершенствованные способы въ своемъ небольшомъ хозяйствѣ. Лучшею пшеницею и вообще хлѣбами изъ выставленныхъ признана высланная отъ управляющаго конфискованнымъ имѣніемъ Колноберже, Ковенскаго уѣзда, г. Бухмана, и изъ Шавельскаго уѣзда, съ фермы лѣсничаго Дитриксона. Затѣмъ всѣ знающіе дѣло признали высокое достоинство льна, выставленнаго крестьяниномъ Шваборомъ, Шавельскаго уѣзда, за его необыкновенную нѣжность, волокнистость и длину. Произведеніе льна въ большомъ количествѣ вообще составляетъ какъ бы спе-

ціяльность Ковенской губерніи и сѣется во всѣхъ уѣздахъ, а въ особенности въ Вилькомірскомъ, котораго ленъ извѣстенъ, какъ лучшій и на европейскихъ рынкахъ. Огородными овощами особенно бѣдна оказалась выставка, если не считать корнеплодныя изъ имѣнія Куроны, Вилькомірскаго уѣзда, помѣщика Козаковскаго, замѣчательныя по величинѣ, и преимущественно кормовая свекловица, красная, желтая и оберндорфская, шведская брюква и англійскіе и шотландскіе турнепсы. Затѣмъ въ томъ же отдѣленіи, то есть по правой сторонѣ входа, выставлены образчики желтаго воска и нѣсколько сортовъ меду, разумѣется не того знаменитаго меду—липцу, которымъ прежде славилась Ковенская губернія, когда по обѣимъ сторонамъ Нѣмана тянулись обширные лѣса липовыхъ деревьевъ, уже давно вырубленные. Впрочемъ многіе не оставили безъ вниманія нѣсколькихъ горшковъ бѣлаго зернистаго меду экспонентовъ крестьянъ Ново-александровскаго уѣзда. Въ концѣ отдѣленія, около выхода подъ крытые навѣсы, тельшевское лѣсничество выставило образцы растущихъ тамъ деревьевъ и чучелы водящихся тамъ лѣсныхъ птицъ. По лѣвой сторонѣ отъ входа расположены разные сорты крестьянскаго ручнаго тканья, изъ льна и шерсти, и ремесленныя издѣлія. Отдѣленіе тканей—самое богатое и наиболѣе безукоризненное изъ всего представленнаго на выставку. Не предваряя рѣшенія экспертовъ, намъ кажется, что большая часть премій, назначенныхъ министерствомъ государственныхъ имуществъ, должна пойдти на ткани; свѣжесть красокъ, искусный подборъ и разнообразіе рисунковъ, а главное необыкновенная прочность, не доступная фабричной работѣ, обязываетъ господъ членовъ комитета выставки и экспертовъ поощрить это полезное подспорье крестьянской промышленности Ковенской губерніи, не отличающейся вообще промышленнымъ духомъ. Притомъ издѣлія изъ льна, шерсти и того и другаго вмѣстѣ, какъ намъ извѣстно, не выходятъ за предѣлы деревни или волости и служатъ только для домашняго обихода. Сбытомъ въ болѣе обширномъ районѣ и производствомъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ увеличилась бы предпріимчивость крестьянина жмудина и можетъ быть разбила бы его упорную замкнутость и апатію. Замѣчательно, что цѣны на однѣ и тѣ же ткани выставлены разными экспонентами какъ-бы наугадъ или слишкомъ высокія, или малыя—всего вѣроятнѣе—по невѣдѣнію крестьянами цѣн-

ности тѣхъ предметовъ, которые приготовляютъ они для собственнаго обихода, а не на продажу. Проѣзжая нѣсколько недѣль тому назадъ по Ковенской губерніи, намъ случилось быть въ одной волости свидѣтелемъ, какъ на вопросъ волостнаго писаря о цѣнѣ матеріи, которую крестьянинъ предполагалъ отправить на выставку, жмудячокъ наивно отвѣчалъ, что цѣны ей нѣтъ, потому что ткалось для юбокъ его женщи и дочекъ, да для его шароваръ и жилета. Странно, что при такомъ умѣньи ткать матеріи, полотна не представляютъ ничего замѣчательнаго и выставлены, сравнительно, въ гораздо меньшемъ количествѣ. Есть здѣсь же и другія издѣлія изъ льна, какъ то толстыя крестьянскія шлеи, подпруги, веревки, нитки, разнообразныя сѣти для ловли рыбъ, тонкія, рѣдкія, частыя. Видно, что крестьяне занимаются и рыболовствомъ, не смотря на то, что ихъ сосѣди пруссаки, пользуясь устьемъ Нѣмана, не пускаютъ болѣе крупной рыбы вверхъ по теченію въ наши предѣлы.

Въ этой же лѣвой половинѣ зданія расположены разныя ремесленныя издѣлія и сдѣланныя крестьянами модели сельско-хозяйственныхъ орудій и машинъ. Есть здѣсь между прочимъ и пастушескія дудки разныхъ фасоновъ, и скрипка, и выточенные изъ дерева башмаки, и деревянный барабанъ-трещотка собственнаго изобрѣтенія крестьянина, для сбора людей по тревогѣ — барабанъ, поднимающій такую оглушительную трескотню, что дѣйствительно въ состояніи поднять на ноги цѣлую деревню. Особенною отдѣлкою и законченностію отличаются въ этомъ же отдѣленіи издѣлія ковенскаго слесаря Высоцкаго, какъ всѣ вообще, такъ преимущественно искусно сдѣланный замокъ, цѣною въ 40 руб., пожертвованный имъ въ пользу православной церкви, передѣлываемой изъ бывшаго доминиканскаго костела, для входныхъ дверей. Затѣмъ глиняныя издѣлія изъ очень прочной глины, находящейся во 2-мъ участкѣ Ковенскаго уѣзда, издѣлія весьма дешевыя. Не пропустимъ безъ вниманія и народнаго поэтическаго элемента нашей выставки: одинъ мужичокъ переплетчикъ, изъ 2-го стана Поневѣжскаго уѣзда, Якубъ Можейко представилъ, въ оправѣ, двѣ картины съ слѣдующею оригинальною надписью:

Іисусъ Христосъ—Спаситель грѣшныхъ христіанъ.
Александръ Второй—избавитель крѣпостныхъ крестьянъ;
Первый есть Царь Царей и всей вселенной,
А второй—Россіи благословенной!

Обоихъ картины я самъ переплелъ,
Христа—святымъ, Царя—славнымъ предпочелъ;
И обѣ картины вмѣстѣ держу.
Всегда веселымъ сердцемъ на нихъ гляжу.
Честь и слава Спасителю славному.
И Императору православному.

Это составилъ вольный земледѣлецъ
Якубъ Юрьевичъ Можейко евангеликъ,
Серебряной же медали владѣлецъ;
Не знаменитъ, не ученъ, не великъ,
Простой трудолюбивый мужикъ!

Видно, что русскія народныя училища на Жмуди дѣлаютъ свое дѣло исправно, если и крестьянинъ смѣло заговорилъ по-русски, да еще стихами.

Выходы изъ обоихъ отдѣленій главной залы ведутъ подъ навѣсы, гдѣ по порядку расположены сначала дюжины двѣ рогатаго скота, не отличающагося ничѣмъ особеннымъ, потомъ нѣсколько овецъ, нѣсколько клѣтокъ съ разною домашнею птицею и въ самомъ углу при концѣ первой стѣны, дѣйствительно, во всѣхъ отношеніяхъ великолѣпное произведеніе—боровъ англійской породы, громаднѣйшихъ размѣровъ, представленный помѣщикомъ Швойницкимъ. Безъ всякаго преувеличенія, боровъ этотъ могъ бы служить украшеніемъ всякой выставки, и мы слышали, что другой такой же экземпляръ отправленъ экспонентомъ въ Петербургъ. Далѣе слѣдуетъ довольно значительный выборъ крестьянскихъ рабочихъ лошадей мѣстной породы, изъ которыхъ нѣкоторыя, по мнѣнію знатоковъ, заслуживаютъ серіознаго поощренія и награды. Остальное пространство подъ навѣсами занято, по большей части, сельско-хозяйственными машинами и орудіями, существующаго въ Ковнѣ желѣзо-дѣлательнаго завода подъ фирмою Минерва, и кенигсбергскаго фабриканта Каризіуса, тутъ же земледѣльческія орудія и крестьянскаго издѣлія—бороны, сохи, плуги, а также телѣги, сани и линейки ковенскаго мастера Герыдыка и вилькомірскаго Кораблинкова. Молотилки, вѣялки, соломорѣзки и другія орудія были въ безпрестанномъ движеніи, потому что всякому желалось убѣдиться въ ихъ достоинствѣ—и пріятно въ особенности было смотрѣть на сосредоточенныя выраженія лицъ мужичковъ, которые входили въ малѣйшія подробности конструкціи орудій, сравнивая и оцѣнивая, на непонятномъ жмудскомъ языкѣ, выгоды или неудобства различнаго рода системъ. Общее мнѣніе знающихъ дѣло лицъ таково, что издѣлія Минервы нисколько

не уступаютъ заграничнымъ по добротѣ, а между тѣмъ дешевле, если, разумѣется, считать и провозъ сюда заграничныхъ орудій.

Вся середина мѣстности, окруженной со всѣхъ сторонъ навѣсами и главнымъ корпусомъ зданія выставки, занята искусственнымъ садомъ съ аллеями, лужайками, выложенными дерномъ, цвѣточными куртинами, скамейками для сидѣнья. Въ центрѣ садика, поставлены привезенныя изъ Берлина пожарныя помпы, окруженныя вкопанными въ землю бочками, которыя наполняются водою, какъ для водопоя лошадей и скота, такъ и для поливанія цвѣтовъ и лужайки. Мы были на сравнительной пробѣ помпъ берлинскихъ и ручной пожарной помпы ковенскаго мастера и, къ удивленію, заграничныя, не смотря на свою дороговизну, выбрасывали струю воды не выше нашей самодѣльной помпы, разница была только въ томъ, что толщина струи въ помпѣ берлинской на двѣ, три линіи болѣе. По всему видно, что нѣмецъ, зная о запросѣ теперь у насъ на пожарные инструменты, пожелалъ сбыть старыя, залежавшіяся помпы. Русская помпа, стоющая всего 18 р., въ особенности понравилась присутствовавшимъ при пробѣ сельскимъ старшинамъ; они освѣдомлялись о мѣстѣ жительства мастера и, какъ мы замѣтили изъ ихъ разговоровъ, постановили предложить на сельскихъ сходахъ крестьянамъ о пріобрѣтеніи такихъ помпъ, на случай пожара, по мірскимъ приговорамъ. Посѣтители впускались на выставку по билетамъ, отъ рубля въ первый день открытія, до 50 коп. во второй и 20 коп. въ третій день; для учащихся въ мужской и женской гимназіяхъ, пансіонѣ, народныхъ училищахъ, а также для дѣтскаго пріюта и воспитательнаго дома, входъ былъ безплатный, вмѣстѣ съ воспитателями и воспитательницами. Сборъ денегъ назначенъ на покрытіе издержекъ по устройству выставки и на выдачи денежныхъ премій экспонентамъ за лучшія произведенія.

Вообще замѣтимъ мы о выставкѣ, что, не смотря на всю ея неудовлетворительность въ строгомъ значеніи слова, она, какъ первый опытъ въ Ковенской губерніи, сопровождавшійся притомъ самыми неблагопріятными обстоятельствами, какъ то: плохимъ урожаемъ, нелѣпыми толками, и несочувствіемъ интеллигенціи,—все-таки заронила доброе зерно въ душу крестьянина. Не надобно упускать изъ виду и того обстоятельства, что о выставкѣ объявлено поздно, когда не было уже времени ни унаво-

зить пожирнѣе полоску земли для лучшаго сѣмени, ни соткать съ особенною тщательностію куска матеріи, ни вообще приготовиться, такъ что все представленное вполнѣ характеризуется пословицей: чѣмъ богаты, тѣмъ и рады, а затѣмъ не осудите.

Примѣч. редакціи. Это описаніе ковенской выставки наводитъ на думы, конечно, не новыя, но тѣмъ не менѣе—на думы замѣчательныя и грустныя.

Ковенской выставкѣ предшествовали разные слухи и толки, распущенные въ народѣ. Нелѣпость и злонамѣренность этихъ слуховъ ясно показываетъ, изъ какого лагера они выходили и съ какою цѣлью распускались. Они ясно изобличаютъ ту застарѣлую болѣзнь ума и сердца ксендзо-шляхетскаго, которая усиливалась вѣками, мучила свои жертвы ежеминутно, и которая прекращается только съ жизнію. *Интеллигенція* не можетъ смотрѣть безъ разлитія желчи ни на какое проявленіе и улучшеніе народной русской жизни; всякой благодѣтельной реформѣ она старалась навязать ложный толкъ и, на сколько то въ ея силахъ, окаймить ее разными тормозами, претензіями, коварными внушеніями, подстрекательствами, выжидая съ злорадствомъ демона смутъ, столкновеній народа съ властью. Лучшая часть интеллигенціи ограничивается нейтралитетомъ, изолированностью и безучастіемъ въ явленіяхъ современной нашей жизни.

Изъ этого уже отчасти видно, почему на 2000 крестьянъ-экспоментовъ, изъ помѣщичьяго сословія явилось только *пять*. Оборотное отношеніе цифры экспонентовъ было бы нормальное, такъ какъ интеллигенція имѣетъ больше средствъ и матеріальныхъ и нравственныхъ къ улучшенію всевозможныхъ сельскихъ произведеній и, слѣдовательно, къ конкурренціи съ туземнымъ простолюдьемъ, недавно только получившимъ права и, можно сказать, образъ человѣка. Но панству не захотѣлось имѣть ничего общаго ни съ москалемъ, ни съ холопомъ; она считаетъ себя людьми совсѣмъ иной націи; она status in statu;— „московская выставка до меня не касается“, говоритъ интеллигенція, покручивая „*длинный*“ усъ и напередъ злорадствуетъ, что безъ нея выставка или не состоится, или будетъ состоять изъ „сору и навозу“ [1]) и представитъ богатый сюжетъ для

---

1) Слова изъ извѣстной басни Крылова.

панской юмористики, которою можно будетъ подѣлиться съ „часомъ, Вольнымъ глосомъ, Opinion Nationale“ и прочими друзьями. Но, не лови, интеллигенція, рыбы передъ неводомъ, не злорадствуй прежде времени бѣдности ковенскій выставки: она очень мало доставитъ пищи панскому остроумію и не слишкомъ потужитъ о панскомъ въ ней безучастіи. Не смотря на неблагопріятныя обстоятельства, предшествовавшія открытію ковенской выставки, не смотря на заботливость панства обставить ее всевозможнымъ страхомъ, не смотря на первоначальность опыта,—выставка превзошла всеобщія ожиданія и, конечно, изумила больше всѣхъ интеллигенцію своимъ прогрессомъ и разнообразіемъ. Мало того, что выставка представила удовлетворительные образчики сельской ремесленности, фабрикаціи, земледѣльческихъ произведеній, животныхъ, орудій, она вступила въ состязаніе съ произведеніями заграничной даже механики: нѣкоторыя земледѣльческія орудія, доморощенная ковенская помпа не уступаютъ, по мнѣнію знатоковъ, нѣмецкимъ, присланнымъ на ковенскую выставку. Этой конкурренціи особенно способствуетъ прочность и дешевизна туземныхъ издѣлій. Вообще, панове, выставка, какъ видите, обошлась и безъ васъ и только по милости статистики замѣтила ваше отсутствіе. А между тѣмъ вамъ, панове, не мѣшало бы подумать о томъ какъ вамъ житв на свѣтѣ при настоящихъ порядкахъ и поскорѣе отказаться отъ пріемовъ старопольской жизни. Иначе, если вы будете, насупившись, пускать турецкій дымъ изъ турецкаго чубука, заниматься одними проектами воскрешенія мертвой націи,—вашъ бывшій хлопъ пойдетъ тихо, ровно, шагъ за шагомъ впередъ и оставитъ далеко за собою „спящихъ зайцевъ“ и—чего добраго—можетъ осуществиться на васъ малорусская пословица: „прыдэ часъ, колы мы будэмъ на панахъ возыть воду.“

Еще о сельско-хозяйственной выставкѣ въ Ковнѣ.

Въ прошедшей статьѣ о нашей сельской выставкѣ мы сказали, что по случаю равнодушнаго отношенія къ ней класса землевладѣльцевъ, всѣ усилія по устройству ея выпали у насъ на долю мѣстной администраціи, и преимущественно вѣдомства государственныхъ имуществъ и мировыхъ учрежденій. Этимъ объясняется и посредственность большой части предметовъ-представленныхъ почти исключительно одними только хозяе-

вами-крестьянами, или, какъ мы сказали въ прошедшій разъ, *мужицкій* характеръ выставки. Но употребляя такой, можетъ быть, для нѣкоторыхъ неблагозвучный эпитетъ, мы этимъ нисколько не намѣрены умалять полезнаго значенія нашей выставки. Она во всякомъ случаѣ должна сопровождаться добрыми результатами, какъ проводительница въ народъ благихъ русскихъ началъ жизни, противъ которыхъ и до сего времени не перестаютъ раздаваться глухіе голоса, въ каждомъ распоряженіи чувствующіе непремѣнно какую-то заднюю мысль, въ родѣ посягательства на католическую религію, увеличенія податей и т. п. Нѣкоторые мировые посредники и участковые чиновники разсказывали намъ, что имъ съ большимъ трудомъ удалось разбить неизвѣстно откуда явившуюся у крестьянъ мысль, что правительство съ тою цѣлію установило выставку, чтобы увеличить подати съ тѣхъ крестьянъ, которые представятъ лучшіе образчики отъ своихъ хозяйствъ. Объявленія же посредниковъ, что лучшихъ хозяевъ не только не обложатъ новыми податями, а еще наградятъ золотыми и серебряными медалями, или похвальными листами, на первыхъ разахъ встрѣчали самыя скептическія улыбки крестьянъ. Осуществленіе мысли правительства въ настоящей выставкѣ, кажется, окончательно разрушило всѣ толки; и самое рельефное тому доказательство мы видѣли на *сельскомъ праздникѣ*, устроенномъ комитетомъ выставки, въ самомъ ея зданіи, въ воскресенье 19-го сентября. На празднествѣ этомъ присутствовали: ковенскій губернаторъ, нѣкоторые пріѣзжіе почетные гости изъ Вильны, въ числѣ коихъ попечитель Виленскаго учебнаго округа, всѣ члены губернской администраціи и огромная масса народу (тысячъ до двухъ), который впускался безплатно. Нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что губернаторъ, собирая около себя кучки крестьянъ и ихъ сельскихъ старшинъ, самъ входилъ съ ними въ бесѣды о ихъ житьѣ-бытьѣ, распрашивалъ о подробностяхъ ихъ хозяйствъ, какъ крестьянъ-собственниковъ, такъ и государственныхъ крестьянъ, при чемъ не преминулъ упомянуть и о тѣхъ нелѣпыхъ толкахъ, опроверженіе которыхъ крестьяне должны сознать, какъ очевидцы всего того, что происходитъ на выставкѣ. Пріятно было смотрѣть на ихъ веселыя, открытыя лица; посторонній наблюдатель ясно убѣждался по нимъ, какое неотразимое вліяніе производятъ радушіе и спокойный тонъ, съ которыми графъ Николай Михайловичъ обращался къ

простому земледельцу. Среди густой толпы двигавшагося по всѣмъ направленіямъ, въ искусственномъ саду выставки, народа, незамѣтно появились въ разныхъ мѣстахъ длинные столы съ пирогами и водкой, а за ними и объемистые котлы душистаго супу, гречневая каша и бочки пива. Этотъ сюрпризъ былъ приготовленъ членами выставки, для угощенія сельскихъ и волостныхъ старшинъ, а также крестьянъ, представившихъ свои произведенія или приславшихъ съ ними уполномоченныхъ. Когда крестьяне чинно сѣли за столы, а прислуживавшіе налили каждому по чаркѣ водки, губернаторъ также взялъ себѣ чарку и торжественно провозгласилъ тостъ за здоровье ГОСУДАРЯ-Освободителя и всего Августѣйшаго Дома. Раздалось дружное, громогласное „ура" и долго передавалось, не умолкая, отъ одного стола къ другому. Наши мужички окончательно развеселились; у нихъ завязалась живая бесѣда, къ несчастію, на непонятномъ для насъ жмудскомъ языкѣ. Незамѣтно шумъ и говоръ стихъ; одинъ изъ старшинъ взобрался на табуретъ и среди глубокой тишины провозгласилъ тостъ „за здоровье графа Николая Михайловича *Муравьева*, нашего отца и благодѣтеля." Рьяное „ура" подхватила вся двухъ-тысячная масса народу; губернаторъ, тронутый неподдѣльнымъ выраженіемъ расположенія къ нему присутствовавшаго народа и публики, въ искреннихъ выраженіяхъ благодарилъ всѣхъ и каждаго, выражая удовольствіе за выпавшее на его долю осуществленіе первой въ Ковенской губерніи сельско-хозяйственной выставки. Этимъ однакоже участники сельскаго празднества не удовольствовались: графа съ криками „ура" подняли на руки и съ увлеченіемъ качали въ воздухѣ; затѣмъ весьма вѣрнымъ чутьемъ угадавъ главныхъ дѣятелей по устройству выставки—инженеръ генералъ-маіора Г. М. *Толстаго* и управляющаго палатою государственныхъ имуществъ А. П. *Энгельмейера*—подняли и ихъ на руки и кликами „ура" выразили и имъ свое неподдѣльное чувство благодарности. Впрочемъ русское ковенское общество еще до этого заявило также свое полное сочувствіе къ дѣятельности членовъ комитета выставки и въ особенности распорядительнаго ея отдѣла, а именно: гг. Толстому, Энгельмейеру, Одинцову, барону Зельтрему, и другимъ.

Развлеченія для народа должны были начаться по окончаніи обѣда. По срединѣ сада былъ укрѣпленъ высокій столбъ, на вершинѣ котораго, на площадкѣ были повѣшены кожухъ, армякъ,

шапка, сапоги и самоваръ. Много было охотниковъ воспользоваться этимъ благопріобрѣтеніемъ, но многіе изъ пробовавшихъ, при всеобщемъ хохотѣ, скатывались, не добравшись и до полъ-дороги. Въ саду и въ зданіи выставки играли два хора музыки, пѣли пѣсенники-гусары, хороводъ русскихъ дѣвушекъ изъ староверокъ и даже, экспромптомъ составившійся хоръ изъ крестьянъ-жмудиновъ, съ ихъ заунывнымъ, какимъ-то костельнымъ напѣвомъ. Къ сожалѣнію, мы никакъ не могли добраться до смысла ихъ пѣсень и на всѣ наши распросы, о комъ или о чемъ поется, ни одинъ мужичокъ не могъ дать намъ удовлетворительнаго отвѣта. Между тѣмъ сельско-хозяйственныя машины, будучи въ полномъ ходу, также шипѣли и трещали и, съ своей стороны, увеличивали неумолчный шумъ, говоръ, пѣніе, музыку и хохотъ. Представьте еще себѣ при этомъ массу двигающихся на небольшомъ пространствѣ народностей, какъ то: русскихъ, жмудиновъ, евреевъ, поляковъ, нѣмцевъ съ ихъ разнообразными говорами — и вы получите понятіе о нашемъ сельско-хозяйственномъ празднествѣ. Наконецъ явился удалецъ, который при всеобщихъ ободрительныхъ крикахъ, въ четыре пріема, разъ за разомъ, успѣлъ добраться до вершины столба и снять, по очереди, какъ постановлено правиломъ, сначала кожухъ, потомъ армякъ, затѣмъ сапоги и наконецъ шапку. Силачомъ этимъ оказался русскій человѣкъ, старо-обрядецъ; самоваръ же снялъ мужичокъ—жмудинъ. Вотъ какъ, и у насъ въ Ковнѣ, русскій-то элементъ уже преобладаетъ, не смотря на меньшинство своихъ представителей. И — одѣвшись въ новый кафтанъ — угостился же нашъ удалецъ, послѣ своего подвига, на славу. Одну неотступную хранительницу его замѣтили мы, сопровождавшую его постоянно, вѣроятно жену, которой выпала неблагодарная роль угомонить разгулявшагося молодца. „Ну, довольно ужъ, Авксентьюшка, не дури, пора ужъ домой," говорила она, ходя за нимъ слѣдомъ и, кажется, проговорила это до самого поздняго вечера. Когда смерклось, садикъ и зданіе выставки освѣтились множествомъ разноцвѣтныхъ фонариковъ, а музыка и пѣсни продолжались до поздней ночи, пока утомленная публика не разошлась наконецъ по домамъ. Однимъ словомъ, сельскій праздникъ нашъ удался какъ нельзя болѣе, и вѣроятно на долго— до будущей выставки—оставитъ неизгладимое по себѣ воспоминаніе въ наслаждавшихся отъ души крестьянахъ.

Въ промежутокъ времени послѣ сельскаго праздника, до за-

ключенія выставки раздачею наградъ представителямъ лучшихъ произведеній, комитетъ выставки былъ занятъ подробнымъ разсмотрѣніемъ ихъ, пробою машинъ и силы лошадей, сравненіемъ доброты, при помощи ткача-эксперта, тканей и т. п.; публика же впускалась между тѣмъ по уменьшеннымъ цѣнамъ. Приглашенъ былъ фотографъ для снятія нѣкоторыхъ типическихъ предметовъ выставки, напр. толстошеихъ лошадокъ-жмудокъ, громаднѣйшаго борова, снята была, кажется, группа особенно характерныхъ типовъ бритыхъ крестьянъ-жмудиновъ, поговаривали о покупкѣ нѣкоторыхъ изъ выставленныхъ предметовъ, моделей и народныхъ костюмовъ, которые по своей своеобразности могли бы пригодиться для приготовляемой въ Москвѣ всероссійской этнографической выставки. Не знаемъ, нашлись ли на это денежныя средства у комитета; во всякомъ случаѣ, жаль будетъ, если наша выставка, въ этомъ отношеніи, пройдетъ безслѣдно, какъ многое другое, къ которому привыкли мы относиться равнодушно, какъ къ чему-то несущественному и для дѣла—постороннему.

День 22-го сентября, въ среду, назначенъ былъ для торжественной раздачи наградъ экспонентамъ лучшихъ произведеній. Для этого поперечные столы въ зданіи выставки, съ находившимися на нихъ вещами, были вынесены подъ крытые навѣсы, а на особо устроенной эстрадѣ, въ зданіи выставки, поставленъ былъ длинный столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, за которымъ, въ парадныхъ формахъ, помѣстились члены комитета, подъ предсѣдательствомъ губернатора графа Николая Михайловича. Хоръ гусарскихъ трубачей расположился въ замаскированной зеленью и невидимой присутствующими боковой комнатѣ, публика же и мужички заняли все остальное пространство залы. По данному предсѣдателемъ знаку, секретарь комитета прочелъ постановленіе о присужденныхъ наградахъ, заключающихся въ присланныхъ, по распоряженію министерства государственныхъ имуществъ, двухъ золотыхъ медаляхъ, пяти большихъ серебряныхъ, десяти малыхъ и шестидесяти девяти похвальныхъ листахъ; кромѣ того комитетъ выставки, для вящшаго поощренія сельско-хозяйственной дѣятельности, заготовилъ еще отъ себя 57 похвальныхъ листовъ. Такимъ образомъ удостоенныхъ наградъ оказалось всего 126 человѣкъ. Золотыхъ медалей удостоены: управляющій конфискованнымъ имѣніемъ Колноберже, Ковенскаго уѣзда, агрономъ-любитель г. *Бухманъ*, за отличное

качество представленныхъ имъ разныхъ сортовъ хлѣбныхъ растеній, и желѣзо-дѣлательный заводъ въ Ковнѣ, подъ фирмою „*Минерва*," за сельско-хозяйственныя машины, которыя по своей прочности, тщательной отдѣлкѣ и сравнительно невысокимъ цѣнамъ признаны могущими конкурировать съ заграничными; въ присужденіи этой награды „Минервѣ" комитетъ руководствовался между прочимъ и тѣмъ основаніемъ, что въ Ковенской губерніи немыслимо успѣшное веденіе болѣе крупнаго хозяйства безъ машинъ. Большихъ серебряныхъ медалей удостоены лѣсничій *Дидрихсонъ*, помѣщикъ *Пржецишевскій*, двое крестьянъ за хлѣбные продукты, а въ особенности за превосходный ленъ, необыкновенно длинный, нѣжный и волокнистый, и одна крестьянка за ткацкія издѣлія. Малыя серебряныя медали получили двое помѣщиковъ, графъ *Тышкевичъ* и *Швойницкій*, ковенскій садовникъ *Мольденке* и семеро крестьянъ-собственниковъ; большинство похвальныхъ листовъ досталось на долю крестьянъ государственныхъ. Интересно было видѣть, какое чарующее впечатлѣніе производила на крестьянъ торжественная обстановка и громогласный тушъ трубачей, который сопровождалъ принятіе ими изъ рукъ губернатора заслуженной награды; съ какимъ благоговѣніемъ выслушивали они тѣ радушныя слова, съ которыми обращался къ удостоеннымъ наградъ графъ Николай Михайловичъ. Нельзя пропустить впрочемъ и того обстоятельства, что крестьянокъ не было со всѣмъ на выставкѣ и награды ихъ получили за нихъ или мужья или уполномоченные. Обстоятельство это тѣмъ болѣе знаменательно, что въ то время, какъ крестьяне, и въ особенности ихъ молодое поколѣніе, съ полною готовностію усвоиваютъ себѣ благія русскія начала жизни, женская половина остается чужда всему совершающемуся и съ усиленнымъ рвеніемъ ищетъ религіознаго утѣшенія... Проѣзжіе разсказываютъ, что по дорогамъ попадаются цѣлыя вереницы путешественницъ, направляющихся въ Ковну, костелы наполнены молящимися женщинами, которыя особенно сильно почувствовали, именно теперь, потребность какъ можно чаще очищать душу покаяніемъ. Не беремся объяснять этого явленія, вслѣдствіе котораго всегда религіозная Жмудь начала жить теперь по правиламъ самого строгаго монастырскаго устава, не отличаясь впрочемъ нисколько строгими монастырскими нравами. Мы желали только, по возможности, объяснить себѣ фактъ отсутствія на выставкѣ женщинъ.

Вечеромъ того же самаго дня наше общество отпраздновало окончаніе выставки баломъ и маскарадомъ въ самомъ зданіи выставки. Благодаря неутомимой изобрѣтательности члена распорядителя инженеръ генералъ-маіора Г. М. Толстаго, такъ искренно принявшаго къ сердцу полный успѣхъ выставки, зданіе освѣтилось безчисленнымъ множествомъ люстръ, лампъ, цвѣтныхъ фонарей,- явился прекрасный полъ для танцовъ, дамская уборная, покрытая коврами, диваны и мебель въ огромномъ залѣ. Масса огня и свѣта, пылавшія въ разныхъ мѣстахъ жаровни, множество народа произвели то, что трехъ-градусной выше нуля холодъ не прорывался сквозь легкія стѣны балагана и вполнѣ оригинальный балъ нашъ и маскарадъ продолжался съ полнымъ оживленіемъ до глубокой ночи. Много всяческихъ толковъ, много теплыхъ рѣчей слышалось намъ изъ разныхъ кружковъ веселыхъ собесѣдниковъ. Общій смыслъ ихъ тотъ, что будущая выставка, по всей вѣроятности, устроится при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, что въ ней примутъ участіе и крупные землевладѣльцы и что придетъ же наконецъ, при помощи Божіей, то желанное время, когда не на долю *одной* только администраціи выпадетъ тяжелое бремя осуществленія благихъ для края начинаній правительства.

(Ков. Губ. Вѣд. № 38).

Обзоръ церковно-строительнаго дѣла въ западныхъ губерніяхъ.

У насъ въ рукахъ, говорится въ газетѣ „Русскій Инвалидъ„ въ настоящее время находится весьма интересный документъ, объясняющій весь ходъ церковно-строительнаго дѣла въ западныхъ губерніяхъ Россіи. Случайныя обстоятельства не позволили намъ воспользоваться этимъ документомъ нѣсколько ранѣе. Въ одномъ изъ послѣдующихъ нумеровъ мы познакомимъ нашихъ читателей въ подробности съ этимъ дѣломъ; теперь же скажемъ по поводу его нѣсколько словъ и приведемъ нѣкоторыя данныя, которыя лучше всего покажутъ, въ какой степени польская пропаганда умѣла ловко пользоваться обстоятельствами для достиженія своихъ цѣлей. Читатели изъ этого документа познакомятся со всѣми ухищреніями латино-польской пропаганды, со всѣми ея уловками и посягательствами на самыя чувствительныя стороны

русскаго народа—на его религію и религіозные обряды. Не разъ уже было говорено, что наибольшій успѣхъ пропаганда эта имѣла со времени присоединенія западныхъ губерній къ Россіи. Нельзя съ точностью опредѣлить цифру вновь образованныхъ со времени перваго раздѣла Польши приходовъ, но съ достовѣрностію можно сказать, что цифра эта весьма ничтожна,—такъ что почти всѣ православныя церкви, находящіяся нынѣ въ западномъ краѣ, были построены еще до присоединенія западныхъ губерній къ Россіи.

Пользуясь тѣмъ, что русское правительство, озабоченное въ первое время внутренними дѣлами государства и внѣшними войнами, не могло заботиться о духовныхъ дѣлахъ западнаго края, польская пропаганда, начала ревностно дѣйствовать въ видахъ ополяченія этаго края. Правда, со стороны народа послышались было жалобы, но онѣ были тотчасъ же заглушены польскою интеллигенціею. Оставалось духовенство православное, но и оно было отдано подъ патронатство польскихъ пановъ. Подъ вліяніемъ такихъ гнетущихъ обстоятельствъ, это духовенство и семейства ихъ свыклись съ польскою жизнію, принимали р. католическіе обряды и усвоивали польскіе обычаи. Если среди подобнаго гнета и оставалась въ селѣ или мѣстечкѣ церковь, то, чтобы она не оставалась на видномъ мѣстѣ, ее обстраивали корчмами, окружали еврейскимъ кладбищемъ и не дозволяли обносить оградами.

При императорѣ Николаѣ I въ первый разъ были употреблены энергическія мѣры къ прекращенію подобнаго порядка вещей въ западномъ краѣ. Правительство обратило свое вниманіе на этотъ предметъ, и начало съ имѣній казенныхъ. Но, не смотря на энергію и добрую волю, правительство оказалось безсильнымъ. Такъ какъ вся мѣстная администрація края состояла почти исключительно изъ поляковъ, то естественно, что исполненія не было почти никакаго. Постройка нѣкоторыхъ церквей тянулась по 10 лѣтъ. Положеніе православныхъ храмовъ въ казенныхъ имѣніяхъ было самое плачевное; но еще въ худшемъ положеніи были храмы въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Хотя послѣ 1831 года помѣщики и были обязаны заботиться о православныхъ храмахъ въ своихъ имѣніяхъ, но это обязательство вовсе не исполнялось. Первое заявленіе объ упадкѣ православныхъ храмовъ было сдѣлано только въ 1848 году бывшимъ кіевскимъ генералъ-губернаторомъ, который предла-

галъ принять энергическія мѣры для побужденія помѣщиковъ къ исполненію Высочайшей воли. Однако, эти мѣры не были приведены въ исполненіе, и въ 1852 г. послѣдовало новое Высочайшее повелѣніе: въ мѣстностяхъ, гдѣ разрушились православныя церкви, латинскіе костелы передать въ православное вѣдомство,—если помѣщики не обяжутся немедленно же устроить новыя церкви, а въ селеніяхъ, гдѣ, при хорошихъ костелахъ, православныя церкви ветхи, заставить помѣщиковъ безотлагательно построить новыя или исправить существующія.

Какъ ни энергичны, повидимому, были подобныя мѣры, однако въ результатѣ онѣ не дали ровно ничего. Такъ ловко и искусно умѣла пропаганда обходить, повидимому, самыя настоятельныя требованія. Чѣмъ же отдѣлались паны отъ такаго требованія? Перепискою, отпискою, проволочками всякаго рода. Многіе изъ помѣщиковъ, заложивъ фундаменты, отказывались строить далѣе, переѣзжали съ мѣста на мѣсто, чтобы уклониться отъ понужденій и дачи подписокъ. Если же иногда это сопряжено было для нѣкоторыхъ съ наложеніемъ запрещенія на имѣніе, то, вслѣдъ за тѣмъ, являлись отсрочки и разнаго рода послабленія.

Только съ 1857 года, когда послѣдовало Высочайшее повелѣніе передать это дѣло въ завѣдываніе одного лица, явилась возможность дать ему должное направленіе и предпринять энергическія и дѣятельныя мѣры для дальнѣйшаго пресѣченія распространявшагося зла. Помѣщики были тотчасъ же устранены отъ этого дѣла и образованъ былъ особый церковно-строительной капиталъ въ 500,000 р.

Нынѣ трудъ этотъ увѣнчивается успѣхомъ; изъ статьи, которую мы предложимъ нашимъ читателямъ легко будетъ убѣдиться, что по этому предмету сдѣлано уже много. Но изъ этой-же статьи будетъ ясно, что многое еще предстоитъ впереди. Намъ приходится имѣть дѣло съ противникомъ ловкимъ и искуснымъ,—съ противникомъ, который изучилъ насъ очень тонко и до сихъ поръ, можетъ быть, даже вовсе и не считалъ насъ за достойнаго себѣ соперника. Наши враги въ западномъ краѣ въ первый еще только разъ встрѣтились съ общественнымъ мнѣніемъ русскаго общества. Не привыкнувъ къ отпору, они не вѣрятъ въ нашу энергію; они сомнѣваются въ успѣхѣ нашего дѣла и убѣждены, что все это не болѣе, какъ временное дѣло навѣяннаго минутнаго настроенія; что съ

измѣненіемъ факта, возбудившаго это настроеніе, насъ ожидаетъ прежняя апатія и прежній летаргическій сонъ. Поэтому, для русскаго общества не можетъ не представлять интереса такое дѣло, какъ поддержаніе православія въ западномъ краѣ, гдѣ религіозный вопросъ тѣснѣе, нежели гдѣ нибудь, связанъ съ вопросомъ національнымъ.

До сихъ поръ наше общество не осталось глухо къ бѣдствіямъ и нуждамъ своихъ собратій въ западныхъ губерніяхъ. Независимо отъ содѣйствія правительства и лицъ Императорской Фамиліи, русское общество принесло и свою лепту. До 2,100 церквей западнаго края снабжены нынѣ, по частной подпискѣ, сосудами для св. причастія, ризами, образами, евангеліями, крестами и проч. На устройство домовъ для болѣе бѣдныхъ поселянскихъ школъ отправлено къ минскому губернатору 5,000 руб., пожертвованныхъ частными лицами. Для распространенія грамотности послано до 60,000 учебныхъ книгъ и руководствъ; 10,000 р. получили православныя братства, а для 10-ти соборныхъ церквей обѣщанъ однимъ изъ благотворителей денежный вкладъ, проценты съ котораго должны поступать, по равной части, на поддержку соборныхъ церквей и на увеличеніе содержанія священно-церковно-служителей. Изъ суммы обѣщаннаго вклада выслано на мѣста для 5-ти церквей 25,000 р.: для остальныхъ-же церквей такая-же сумма ожидается.

Такимъ образомъ, въ настоящее время какъ правительство, такъ и общество, каждое по мѣрѣ своихъ силъ, содѣйствуютъ дѣлу поддержанія православія въ западномъ краѣ. Но не будемъ упускать изъ виду, что, не смотря на всѣ усилія со стороны правительства, никакое дѣло не можетъ дать благопріятнаго результата, если само общество не будетъ содѣйствовать правительственнымъ стремленіямъ и начинаніямъ. Здѣсь въ особенности важна не степень усилія общества въ данное время, а постоянство его напряженія, твердость и неуклонность отъ извѣстнаго пути, какъ бы, повидимому, ни были страшны препятствія, и какъ бы ни были малы средства наши для противодѣйствія этимъ препятствіямъ. Только постоянное стремленіе къ извѣстной цѣли можетъ уравнять наши шансы въ борьбѣ съ пропагандою; только упорная настойчивость и непреклонная энергія могутъ быть опасны для козней нашихъ враговъ и только фактическое доказательство того, что русское общество не охладѣетъ въ своихъ усиліяхъ поддерживать правитель-

ство въ его стремленіяхъ, примирять католиковъ западнаго края съ тою естественною мыслію, что они не болѣе, какъ русскіе римско-католическаго исповѣданія, которое въ цѣлой Россіи пользуется полною религіозною свободою. Только тогда слово „примиреніе" не будетъ пустымъ звукомъ, не имѣющимъ никакого смысла, если не будетъ служить грубою маскою для извѣстныхъ цѣлей. Теперь же говорить о примиреніи было бы болѣе нежели смѣшно; мы вскорѣ познакомимъ нашихъ читателей со взглядомъ на примиреніе самыхъ польскихъ органовъ, которые убѣдились, что нынѣ этимъ трудно провести русское общество. Они открыто сознаются, что теперь нужно выдумать что нибудь потоньше, нежели мысль о примиреніи, которая по достоинству оцѣнена русскимъ обществомъ, смотрящимъ на это дѣло только въ интересахъ Россіи.

Польская пропаганда, дѣйствуя въ западныхъ губерніяхъ подъ эгидою латинской церкви, естественно, стремилась прежде всего къ порабощенію православнаго народа, въ религіозномъ отношеніи, и къ униженію нашей церкви; поэтому гибельное вліяніе пропаганды сильнѣе всего было направлено къ униженію и конечному уничтоженію православныхъ храмовъ.

Появлявшіяся со времени событій 1862 и 1863 годовъ, въ газетахъ, свѣдѣнія о жалкомъ состояніи церквей западныхъ губерній указывали отрывочно на производящіяся, по иниціативѣ правительства, постройки и обновленія храмовъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Статьи эти только въ главныхъ чертахъ знакомили читателя съ вопіющими нуждами тамошнихъ церквей и православнаго духовенства; но общее бѣдственное ихъ состояніе въ западномъ краѣ не было никѣмъ приведено въ положительную извѣстность. Чтобы по возможности представить въ яркомъ свѣтѣ вѣрное изображеніе религіознаго униженія, испытываемаго православнымъ народомъ, достаточно будетъ сгруппировать факты, выяснившіеся вслѣдствіе принятыхъ правительствомъ мѣръ къ возстановленію храмовъ, и указать на тѣ огромныя денежныя затраты, которыя правительство вынуждено было принесть этому дѣлу.

Всѣхъ церквей въ 9-ти губерніяхъ западнаго края считается въ настоящее время, исключая городскихъ, 5,610, изъ нихъ 905 въ селеніяхъ государственныхъ имуществъ и 4,705 во владѣльческихъ имѣніяхъ. При православномъ населеніи въ 6,772,866

душъ, для удовлетворенія религіозныхъ нуждъ прихожанъ, конечно было бы достаточно этихъ храмовъ, если бы всѣ они были устроены, представляли возможность къ отправленію въ нихъ богослуженія и если бы они были распредѣлены равномѣрно между населеніемъ; но по свѣдѣніямъ, собраннымъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, извѣстно, что въ приведенныхъ цифрахъ считается много уже не существующихъ церквей. Однѣ изъ нихъ сгорѣли, другія разрушились, а въ иныхъ богослуженіе не отправляется по 20-ти и болѣе лѣтъ, за ихъ совершенною ветхостью, если же и отправляется, то во временныхъ помѣщеніяхъ, устроенныхъ подъ уцѣлѣвшими отъ пожара колокольнями, или въ наскоро-сколоченныхъ прихожанами избахъ, или, наконецъ въ бывшихъ часовняхъ и каплицахъ *). И все это происходитъ въ странѣ, гдѣ поляки считаютъ себя угнетенными, а римско-католическая церковь жалуется на стѣсненія!

Хотя, въ настоящее время, весьма трудно опредѣлить цифру вновь образованныхъ въ западныхъ губерніяхъ, со времени перваго раздѣла Польши, православныхъ приходовъ, вслѣдствіе приращенія народонаселенія, однако, положительно можно сказать, что она должна быть ничтожна. Иначе и быть не могло: кому же было думать объ образованіи новыхъ приходовъ и устройствѣ новыхъ храмовъ, когда и существующіе рушатся отъ недостатка, средствъ къ ихъ поддержанію? Очевидно, что почти всѣ показанныя выше церкви были построены до присоединенія западныхъ губерній къ Россіи.

Дѣйствительно. изъ имѣющихся свѣдѣній видно, что большая часть даже деревянныхъ храмовъ построена, или въ концѣ XVII, или въ началѣ XVIII столѣтій. Изъ числа этихъ храмовъ многіе, правда, были уніатскими; но уніатскія церкви рѣдко строились новыя, а чаще обращались изъ православныхъ же; ихъ только передѣлывали, перестраивали, подводя подъ конструкцію костеловъ. Притомъ же, значительная часть уніатовъ возсоединилась съ православіемъ въ послѣднюю четверть XVIII вѣка и храмы ихъ, хотя не отличались особеннымъ благолѣпіемъ, но были, по крайней мѣрѣ, въ цѣлости, и нѣтъ слѣда, чтобы хоть одна уніатская церковь оставалась по ветхости запечатанною. Слѣдова-

*) Въ Волынской губерніи, изъ 347-ми осмотрѣнныхъ въ послѣднее время сельскихъ церквей, только 19 найдены въ прочномъ состояніи; въ Подольской же, изъ 112-ти, едва 3 не требуютъ ремонта.

тельно, упадокъ церквей, а съ ними и православія въ западномъ краѣ, начался именно въ настоящемъ столѣтіи, когда этотъ край всецѣло принадлежалъ уже Россіи.

Правительство наше, озабоченное первыя 30 лѣтъ войнами и внутренными дѣлами государства, не могло входить въ нужды западнаго края, и православное населеніе его предоставлено было на произволъ иновѣрныхъ владѣльцевъ имѣній и мѣстной польской администраціи.

Пользуясь трудными для Россіи обстоятельствами и благодушною политикою Императора Александра I, польскіе патріоты съ большею настойчивостію и успѣхомъ, въ этотъ именно періодъ времени, преслѣдовали завѣтную свою мысль—общаго ополяченія западнаго края имперіи. Идеи Черторижскихъ и Чацкихъ могли проводиться свободно въ жизнь народа; имъ не было ни съ чьей стороны препятствій. Народъ, усталый отъ прежней долговременной борьбы своей съ латинствомъ, потерявшій въ ней высшее свое сословіе—дворянъ, обратившихся въ католичество; народъ жившій только надеждою на помощь правительства и забытый имъ замолкъ въ своихъ жалобахъ на преслѣдованіе со стороны полонизма и покорился своей участи; мало по малу онъ началъ утрачивать и средній классъ—мѣщанъ, перешедшихъ большею частію *въ это время* *), въ р. католичество, или въ унію. Православное духовенство, предоставленное патронатству тѣхъ же польскихъ пановъ, лишенное даже средствъ къ существованію, тоже не возвышало голоса, который слышался прежде на польскихъ сеймахъ и предъ польскими королями, въ защиту православія, и хотя духовенство это не присоединилось ни къ уніи, ни къ р. католичеству, но уже примирилось съ ними и усвоило себѣ польскій языкъ, обычаи и образъ жизни; а въ это время церкви пустѣли, ветшали, разрушались. Для уцѣлѣвшихъ храмовъ, польскіе патріоты придумывали средства къ униженію: ихъ окружали корчмами, еврейскими кладбищами, и не дозволяли обносить ихъ оградами,—чрезъ что церковь, занимавшая прежде самое видное мѣсто въ селеніи, была кругомъ застроена и скрыта отъ глазъ народа.

Въ такомъ положеніи было до перваго польскаго мятежа.

Въ 1831 году, когда дерзкія притязанія Польши простирались

---

*) Отсюда понятно то явленіе, что въ пропорціи общаго христіанскаго населенія западнаго края р. католики относятся къ православнымъ какъ $27\frac{3}{4}$: $71\frac{1}{4}$; въ городахъ же отношеніе это измѣняется, какъ 51 : 46.

на западно-русскія губерніи, императоръ Николай I, въ первый разъ, обратилъ вниманіе на упадокъ православія и на бѣдственное положеніе церквей въ западныхъ губерніяхъ. Тогда же повелѣно было церкви казенныхъ селеній возобновить на счетъ государственнаго казначейства, а помѣщики именемъ Его Величества приглашены были къ устройству церквей въ своихъ селеніяхъ; тогда же родилась и мысль о необходимости обезпечить бытъ сельскаго православнаго духовенства, назначеніемъ ему жалованья и повинностей въ его пользу отъ прихожанъ.

Съ того же времени начинаются заботы правительства о поддержаніи православнаго элемента въ западномъ краѣ; все вниманіе сосредоточивается на возобновленіи въ казенныхъ селеніяхъ православныхъ храмовъ, устройствомъ коихъ правительство надѣялось побудить и частныхъ владѣльцевъ къ поддержанію церквей въ ихъ имѣніяхъ. Такимъ образомъ эти церкви остались, попрежнему, подъ патронатствомъ р. католиковъ, до 1852 г.,—а храмы въ казенныхъ селеніяхъ попали въ руки той же польской администраціи.

Забота о возобновленіи церквей въ казенныхъ селеніяхъ первоначально возложена была на святѣйшій синодъ, который и руководилъ этими постройками, при содѣйствіи главнаго управленія путей сообщенія, до 1845 года. Въ распоряженіе синода ежегодно отпускалось изъ казны по 42,857 р. и, сверхъ того, нѣкоторыя издержки относились на счетъ капиталовъ духовнаго вѣдомства. Послѣ, когда казенныя имѣнія поступили въ исключительное завѣдываніе министерства государственныхъ имуществъ, и обязанности синода по устройству храмовъ перешли на это вѣдомство; ему отпущено было изъ государственнаго казначейства, съ 1845 по 1858 годъ, на церковно-строительную операцію 1,247,029 р. 79 к.

Сколько устроено святѣйшимъ синодомъ храмовъ и сколько вѣдомствомъ государственныхъ имуществъ, въ 27 лѣтнее завѣдываніе ихъ постройками, положительныхъ свѣдѣній мы не имѣемъ; извѣстно только, что въ 1858 году, изъ 905-ти церквей, находящихся въ казенныхъ селеніяхъ, 613 требовали устройства вновь, или капитальныхъ исправленій и, по 1865 годъ, изъ нихъ отстроено новыхъ—148 и исправлено старыхъ—175, всего 323 церкви, съ израсходованіемъ на этотъ предметъ изъ казны еще 955 тысячъ рублей; слѣдовательно, однимъ вѣдом-

ствомъ государственныхъ имуществъ истрачено до 2,202,029 рублей! Между тѣмъ постройки эти въ настоящее время далеко еще не окончены.

Казалось бы, при такомъ обиліи денежныхъ средствъ, предоставленныхъ этому дѣлу, правительство было бы вправѣ ожидать болѣе значительныхъ результатовъ. Но неуспѣхъ этотъ убѣждаетъ насъ въ той громадно-упорной силѣ латино-польской пропаганды, которая доселѣ противодѣйствовала всѣмъ благимъ намѣреніямъ правительства въ томъ краѣ, и до позднѣйшаго времени не только не была сознаваема никѣмъ, но даже отвергаема была возможность существованія этого противодѣйствія. Надобно сознаться, что и система, которой слѣдовали при производствѣ церковныхъ работъ въ казенныхъ селеніяхъ, давала польской пропагандѣ полную возможность парализировать церковно-строительную дѣятельность.

Первоначально вся эта дѣятельность сосредоточивалась въ рукахъ мѣстной администраціи, состоявшей исключительно изъ поляковъ; постройки производились посредствомъ подряда, а при неуспѣшности торговъ, чрезъ особые комитеты, составлявшіеся изъ православныхъ священниковъ, мѣстныхъ чиновниковъ и помѣщиковъ православнаго исповѣданія; въ случаѣ же недостатка послѣднихъ, изъ иновѣрныхъ. Смѣты и планы составлялись мѣстными строительными коммисіями. Слѣдовательно, при совершенномъ въ то время отсутствіи русскихъ помѣщиковъ въ западныхъ губерніяхъ, единственнымъ представителемъ и поборникомъ русскаго начала и русскихъ интерессовъ въ этомъ случаѣ былъ только священникъ, и то, когда дѣло велось чрезъ комитеты; при подрядномъ же производствѣ работъ, руководителями были р. католики, а исполнителями—евреи. Отсюда та медленность и тѣ безпорядки, которыми сопровождались постройки. Можно указать на такія церкви, постройка которыхъ тянулась по 10-ти и болѣе лѣтъ, не смотря на то, что сооружаемые зданія были деревянныя и небольшія.

Православные храмы въ имѣніяхъ иновѣрныхъ владѣльцевъ находились еще въ худшемъ положеніи, чѣмъ въ имѣніяхъ казенныхъ. Забота объ устройствѣ ихъ возложена была, по Высочайшей волѣ, на министерство внутреннихъ дѣлъ.

Послѣ отобранія, въ 1831 и 1832 годахъ, подписокъ отъ помѣщиковъ объ оказаніи съ ихъ стороны содѣйствія видамъ правительства къ поддержанію сельскихъ церквей, никто о нихъ

болѣе не заботился, никто въ теченіе 20-ти почти лѣтъ, не думалъ настаивать на исполненіи данныхъ владѣльцами обязательствъ; церкви эти были совершенно забыты, какъ будто онѣ уже были всѣ устроены и религіозныя нужды прихожанъ удовлетворены. Первое заявленіе объ упадкѣ храмовъ сдѣлано было лишь въ 1848 г. бывшимъ кіевскимъ генералъ-губернаторомъ, который тогда писалъ, что Высочайшая воля помѣщиками-католиками не исполняется, что, вмѣсто православныхъ церквей, помѣщики заботятся объ устройствѣ костеловъ, и предлагалъ снова обязать этихъ владѣльцевъ имѣній подписками, чтобы въ теченіе 5-ти лѣтъ были заготовлены ими матеріалы и пріисканы способы для сооруженія церковныхъ зданій.

Но бывшій въ то время министръ внутреннихъ дѣлъ, въ представленной по этому предмету, въ 1851 году, въ комитетъ министровъ запискѣ, полагалъ еще пять лѣтъ дѣйствовать на помѣщиковъ путемъ убѣжденія и послѣ этого уже принять рѣшительныя мѣры къ понужденію ихъ въ дѣлѣ построекъ.

Такая снисходительность со стороны власти доказываетъ, какъ мало придавалось, въ то время, значенія дѣйствію латино-польской пропаганды и необходимости усиленія въ западномъ краѣ русскаго православнаго элемента.

Хотя мысль объ отсрочкѣ по устройству церквей и была отвергнута комитетомъ министровъ, однако же, окончательное разрѣшеніе этого вопроса отложено было до собранія точныхъ свѣдѣній о состояніи каждой церкви.

Государь Императоръ, при утвержденіи этого заключенія, повелѣлъ генералъ-губернаторамъ, независимо отъ затребованныхъ свѣдѣній, представить въ собственныя Его Величества руки списки о тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ костелы существуютъ, а православныя церкви разрушились, и гдѣ, при хорошихъ р. католическихъ храмахъ, ветхи православные. По полученіи этихъ свѣдѣній, въ 1852 г. состоялись Высочайшія повелѣнія: въ мѣстностяхъ, гдѣ разрушились православныя церкви, латинскіе костелы передать въ православное вѣдомство, — если помѣщики не обяжутся немедленно же устроить новыя церкви, а въ селеніяхъ, гдѣ при хорошихъ костелахъ православныя церкви ветхи, заставить помѣщиковъ безотлагательно построить вновь, или исправить существующія.

Но и эти строгія мѣры, хотя дали нѣкоторое движеніе дѣлу, не привели однако къ существеннымъ результатамъ. Возникла

безконечная переписка, начались понужденія со стороны правительства, а съ ними отписки и преднамѣренная проволочка со стороны владѣльцевъ имѣній. Одни изъ нихъ, заложивъ фундаменты, отказывались, за неимѣніемъ средствъ, вести далѣе постройки; другіе, переѣзжая съ мѣста на мѣсто, старались уклониться и отъ дачи подписки, и отъ устройства храмовъ. Если же случалось, что за подобныя уклоненія налагались запрещенія на имѣнія, то вслѣдъ за тѣмъ тотчасъ же слѣдовали отсрочки и разныя послабленія. Такимъ образомъ, повидимому, самыя энергическій мѣры на дѣлѣ не имѣли никакого успѣха. Результатомъ всего этого было только то, что починено 6 церквей и построено новыхъ 13; большая же часть храмовъ, съ каждымъ годомъ ветшала, приходила къ совершенному разрушенію. По свѣдѣніямъ 1853 и 1854 годовъ, 1,108 церквей требовали капитальнаго исправленія и 1892 — постройки вновь; хотя въ дѣйствительности и эти свѣдѣнія далеко еще не выражали точной цифры неустроенныхъ храмовъ, такъ какъ разрушившіеся въ прежнее время и сгорѣвшіе считались упраздненными и приходы оставались приписанными къ сосѣднимъ.

Между тѣмъ чаще и чаще заявлялось о необходимости болѣе рѣшительныхъ мѣръ для поддержанія церквей; предлагались различные способы для обновленія ихъ, но всѣ эти способы вели къ тому, что забота о православныхъ храмахъ, по прежнему, должна была оставаться на тѣхъ же иновѣрныхъ владѣльцахъ имѣній.

Вообще не было принято никакихъ со стороны правительства мѣръ для болѣе самостоятельнаго дѣйствія по постройкамъ. Самое дѣло переходило изъ одного департамента въ другой, и только въ 1857 году, когда дѣло это, по Высочайшему повелѣнію, поручено было въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ одному лицу, явилась возможность дать ему должное направленіе и предприняты были энергическія, и на этотъ разъ дѣйствительныя, правительственныя распоряженія для пресѣченія зла. Помѣщики были устранены отъ непосредственнаго участія въ устройствѣ церквей и образованъ былъ особый церковно-строительный капиталъ въ 500,000 руб. съ возмѣщеніемъ его впослѣдствіи съ тѣхъ имѣній, гдѣ будутъ строиться церкви.

Трудъ, предстоявшій для исполненія Высочайшей воли, былъ громадный: надлежало осмотрѣть и устроить 4,705 церк-

вей, располагая притомъ незначительнымъ кредитомъ; къ постройкамъ должно было приступить въ то время, когда, по окончаніи крымской войны, финансовыя обстоятельства государства были въ стѣснительномъ положеніи, когда существовало еще крѣпостное право, когда въ краѣ сильно развита была польская пропаганда, когда нельзя было разсчитывать ни на какую матеріальную поддержку со стороны духовенства, продолжавшаго находиться въ зависимости отъ польскихъ пановъ, когда не было необходимыхъ этнографическихъ и статистическихъ свѣдѣній о состояніи края, когда даже епархіальное начальство не знало съ точностію ни о числѣ всѣхъ приходскихъ церквей, ни кѣмъ, когда и на чьей землѣ онѣ сооружены и въ какомъ положеніи находятся. Надобно было собирать вновь всѣ эти свѣдѣнія, знакомиться съ мѣстностію, съ бытомъ населенія и, въ то же время возобновлять храмы, такъ какъ, въ виду польскихъ притязаній на народность того края, всякая медленность въ поддержаніи православныхъ церквей могла имѣть самыя вредныя послѣдствія. Между тѣмъ, недостаточно только перевести богослуженіе изъ ветхихъ избъ въ новыя, болѣе просторныя, но надобно было отвлечь православный народъ отъ костеловъ, куда приманивали его и великолѣпіе внѣшней обстановки и вкрадчивое вниманіе ксендзовъ; необходимо было, чтобы сооружаемыя церкви отвѣчали народному понятію о храмахъ и, въ то же время, не напоминали собою ничего ни р. католическаго, ни уніатскаго. Строить вездѣ каменныя церкви, которыя могли бы соперничать съ костелами, не было средствъ и невозможно было потому уже, что въ бѣлорусскомъ краѣ, гдѣ начались первыя постройки, мѣстное населеніе вовсе не было знакомо съ подобными работами, и камень крайне дорогъ *), тогда какъ лѣсъ былъ вездѣ въ изобиліи. Задача была вообще не легкая; для разрѣшенія ея предположено было возстановить всѣ ветхія и разрушившіяся каменныя церкви; новыя же каменныя зданія возводить только въ главнѣйшихъ пунктахъ: въ торговыхъ мѣстечкахъ, въ селеніяхъ, куда стекается много богомольцевъ, и гдѣ вблизи церквей находятся великолѣпные костелы; наконецъ, въ приходахъ многолюдныхъ; въ остальныхъ

*) Въ Минской губерніи, напримѣръ, кубическая сажень булыжнаго камня, во многихъ мѣстностяхъ, доходила до 35-ти руб.; а кирпичъ до 20-ти руб. за тысячу.

мѣстностяхъ строить новыя деревянныя церкви на каменныхъ фундаментахъ, по возможно красивѣйшимъ чертежамъ, и размѣры храмовъ вообще сообразовать съ дѣйствительною потребностію, не задаваясь никакими заранѣе опредѣленными нормами. Старыя церковныя здавія, которыя окажутся или ветхими только въ нѣкоторыхъ частяхъ, или наружною архитектурою похожими на костелы, рѣшено было исправить, передѣлать и украсить.

Такова была первоначальная программа дѣйствій по возстановленію православныхъ храмовъ въ западныхъ губерніяхъ. Расширить эту программу не было возможности потому, что всякая лишняя затрата денегъ на церковныя постройки легла бы новымъ, тяжелымъ бременемъ на тотъ же бѣдный, сельскій православный народъ, для котораго строились храмы; такъ какъ правительство только въ 1863 году отказалось отъ намѣренія возмѣстить впослѣдствіи всѣ издержки съ владѣльческихъ имѣній и приняло расходы по устройству церквей на счетъ государственнаго казначейства.

Первыя работы по возобновленію храмовъ начались въ двухъ губерніяхъ: могилевской и витебской, потомъ, съ 1862 года, при увеличеніи средствъ, постройки распространились на третью губернію—минскую; а съ 1864 года перенесены на Волынь и Подолію.

Всѣ распоряженія по опредѣленію способа работъ и вся экономическая сторона дѣла лежитъ на обязанности губернаторовъ; для содѣйствія же имъ въ этомъ сложномъ предпріятіи министерство внутреннихъ дѣлъ командировало на мѣсто особыхъ, извѣстныхъ по нравственнымъ качествамъ, лицъ, поручивъ имъ всѣ подготовительныя работы, также надзоръ за прочностію построекъ и за дѣйствіями техниковъ, назначенныхъ въ качествѣ строителей.

Предавшись съ любовію и энергіею этому новому для нихъ дѣлу, встрѣтившись лицомъ къ лицу съ кознями латино-польской пропаганды, повѣривъ опытомъ то, о чемъ извѣстно было только по слухамъ, иногда довольно темнымъ, командированныя министерствомъ лица уяснили до мельчайшихъ подробностей всѣ нужды православія въ западномъ краѣ *), дали

*) Министерство издало атласъ населенія 9-ти западныхъ губерній по вѣроисповѣданіямъ и племенамъ, съ приложеніемъ къ оному синхронистической таблицы древняго русскаго княжества.

министерству точное понятіе о храмахъ, о духовенствѣ, о степени образованія народнаго, и указали на средства для излеченія вѣковыхъ ранъ, нанесенныхъ православію въ западномъ краѣ.

Не говоря уже о томъ, что означенными лицами найдено гораздо болѣе, чѣмъ показывалось, разрушившихся, сгорѣвшихъ и запечатанныхъ церквей, они указали, что и уцѣлѣвшіе храмы (въ особенности переданные намъ изъ уніи), не много сохранили въ себѣ, даже по наружности, православнаго. Въ алтаряхъ, по уніатскому обычаю, висѣли колокольчики, звономъ которыхъ оповѣщали народъ о совершавшихся таинствахъ и важнѣйшихъ священнодѣйствіяхъ; изображенія римскихъ папъ и польскихъ патріотовъ, гонителей православія, занимали видныя мѣста въ иконостасахъ; уніатскія иконы Іоасафата Кунцевича сохранялись въ нишахъ за занавѣсками: ихъ предпочитали православнымъ иконамъ и къ нимъ дозволялось прикладываться не иначе, какъ за деньги. Рѣдко въ которой церкви были серебряныя чаши для причастія, а большею частію употреблялись оловянныя и мѣдныя, даже непосеребряныя. Вмѣсто ковчеговъ для храненія св. даровъ на жертвенникахъ, стояли р. католическія монстранціи. Въ нѣкоторыхъ церквахъ не было даже боковыхъ дверей и алтарь стоялъ всегда открытымъ; занавѣсей на церковныхъ дверяхъ (катапетазмъ) или вовсе не было, или ветхія, ситцевыя и коленкоровыя; такія же были и ризы священническія; баптистеры, распятія съ чашами для святой воды помѣщались при дверяхъ церкви, по обычаю латинскому. Ни въ одной почти церкви не было полнаго круга богослужебныхъ книгъ, а во многихъ, съ 1839 года, богослуженіе совершалось и продолжаетъ совершаться по книгамъ уніатскаго типа. Благовѣстіе колокольное, призывающее народъ во храмъ, дѣлалось не по обычаю православной церкви, а по принятому р. католиками—въ размахъ. Въ рѣдкой изъ церквей были подсвѣчники, паникадила, водосвятныя чаши, купели для крещенія младенцевъ. О многихъ предметахъ, употребляемыхъ при православномъ богослуженіи, духовенство не имѣло даже и понятія. При совершеніи св. крещенія и при бракахъ, спрашивалось у родителей крещаемыхъ младенцевъ и брачащихся, по какому обряду желаютъ они, чтобы было совершено таинство: по новому ли (православному) или по старому (уніатскому); послѣдній цѣнился дороже перваго. Перешедшіе

изъ уніи священники большею частію сохраняли, а нѣкоторые и донынѣ сохраняютъ, (?!) одежду латинскихъ ксендзовъ, брѣютъ бороды, стригутъ волосы, (?!) употребляютъ въ семействахъ польскій языкъ; причетники въ нѣкоторыхъ приходахъ были до того неграмотны, что не умѣли даже подписывать свое имя и фамилію на актахъ при осмотрѣ церквей; прихожане не знали первѣйшихъ молитвъ, а если и знали нѣкоторыя, то читали ихъ въ церкви по польскимъ молитвенникамъ.

Бѣдность церковныхъ средствъ оказалась до невѣроятности изумительною; въ рѣдкой церкви кошельковая сумма превышала 10 р., въ другихъ же составляла лишь нѣсколько копѣекъ. Малолюдные приходы, имѣющіе отъ 300 до 400 прихожанъ, имѣли по двѣ и по три церкви, съ полнымъ причтомъ для каждой изъ нихъ; многолюдные же приходы, съ тремя тысячами и болѣе душъ, разбросанныхъ на значительномъ пространствѣ, имѣли нерѣдко одну убогую и маловмѣстительную церковь; во многихъ мѣстностяхъ прихожане были приписаны къ отдаленнымъ отъ ихъ жилищъ церквамъ, имѣя вблизи церкви другихъ приходовъ. отчего или рѣдко, или вовсе не посѣщали своихъ храмовъ и оставались безъ пастырскаго назиданія; приходы распредѣлялись не по соображенію съ нуждами населенія, а по ходатайству священниковъ, и прихожане переводились изъ одного прихода въ другой, безъ собственнаго ихъ вѣдома и согласія.

Бѣдность церквей и нищета священнослужителей были почти повсемѣстныя. О народныхъ школахъ до 1860 г. не было и помину. *)

Упадокъ православныхъ храмовъ замѣчался не только въ однихъ селеніяхъ, но и преимущественно въ городахъ, гдѣ униженіе православія еще больнѣе сказывалось русскому народному чувству. Во многихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ нѣтъ и до настоящаго времени православныхъ каѳедральныхъ соборовъ и божественная служба совершается въ небольшихъ приходскихъ церквахъ. Укажемъ на нѣсколько примѣровъ.

Перестройка приходской церкви въ Житомірѣ и приспособленіе ее для собора, начатая въ 1848 г. *строителемъ евреемъ* и *архитекторомъ р. католикомъ* и стоившая до 115 т. руб. духовному вѣдомству, производившему эти сооруженія, была остановлена въ 1851 г. *паденіемъ сводовъ*, чрезъ что стѣны бывшихъ

*) А въ минской епархіи?

шей церкви во многихъ мѣстахъ превратились въ развалины и оставалась до настоящаго года въ этомъ видѣ.

Въ гор. Острогѣ (волынской губерніи), бывшей резиденціи поборника православія, знаменитаго князя Константина Острожскаго, соборный храмъ также находится въ развалинахъ съ давняго времени. Уцѣлѣвшія стѣны съ бойницами, оконныя рамы изъ тесаннаго камня, внутреннія украшенія и величавая особенность архитектуры напоминаютъ минувшее великолѣпіе этой святыни и свидѣтельствуютъ о ея поруганіи со стороны р. католиковъ.

Въ Ковелѣ, Ровно, Староконстантиновѣ, Владимірѣ-Волынскомъ, Таращѣ, Брацлавѣ и другихъ городахъ является та же самая бѣдность соборныхъ и другихъ церквей.

Въ гор. Луцкѣ, гдѣ помѣщена была православная архіерейская каѳедра и существовало знаменитое ставропигіальное братство, такъ долго ратовавшее за православіе и имѣвшее своихъ представителей на сеймахъ и въ сенатѣ польскомъ, существуетъ нынѣ только одна православная маловмѣстительная церковь для 500 душъ прихожанъ; развалины же древней братской крестовоздвиженской церкви подверглись участи публичнаго отчужденія.

Собраніе подобныхъ данныхъ оказало не малую услугу церковно-строительному дѣлу. Оно опредѣлило направленіе, котораго должно было придерживаться министерство, чтобы дѣйствовать при сооруженіи храмовъ со строгою разборчивостію, согласно нуждамъ православнаго населенія и соображаясь со средствами, которыя имѣются у него въ виду.

Въ началѣ церковно-строительнаго дѣла, министерство, имѣя на обязанности своей одно устройство церковныхъ зданій для сельскихъ приходовъ, при общемъ недостаткѣ въ богослужебныхъ предметахъ, озаботилось однако о внутреннемъ украшеніи храмовъ и, чтобы не затруднить правительство новыми расходами, прибѣгло къ частной благотворительности. Нынѣ, обратясь къ устройству городскихъ храмовъ, оно испросило на этотъ предметъ у правительства особый кредитъ, распространило дѣятельность свою на весь западный край и озаботилось возстановленіемъ уцѣлѣвшихъ древнихъ памятниковъ православія, въ томъ, по возможности, видѣ, въ какомъ они существовали прежде. При сооруженіи новыхъ храмовъ, министерство приняло за правило—воздвигать ихъ, по возможности, изъ ка-

мня и не иначе, какъ на видныхъ мѣстахъ. При починкѣ и обновленіи существующихъ церквей, оно распорядилось объ образованія вокругъ ихъ площадей и объ открытіи свободнаго доступа къ церквамъ, для чего скупаетъ у жителей близъ лежащія земли и ихъ строенія на сносъ. По разрѣшеніи крестьянскаго вопроса, министерство содѣйствовало возбужденію самодѣятельности приходскихъ обществъ, призвавъ прихожанъ къ непосредственному участію въ постройкахъ *).

Чтобы показать, что стѣлано въ этомъ отношеніи съ 1858 года по настоящее время, можно привести слѣдующія цифры.

Въ 3-хъ бѣлорусскихъ губерніяхъ (гдѣ, какъ сказано было выше, прежде всего начаты церковно-строительныя работы), съ 1858 по 1865 г., командированными министерствомъ офицерами генеральнаго штаба осмотрѣна 901 церковь, 80 изъ нихъ найдены въ прочномъ состояніи; 55 изъявили желаніе строить и починить на свой счетъ прапославные владѣльцы имѣній, или починка отнесена на счетъ церковныхъ суммъ; 113 предназначено къ упраздненію, по малолюдности или неимѣнію вовсе прихожанъ; изъ прочихъ затѣмъ 653-хъ храмовъ, 392, имѣвшіе зданія прочныя, но похожія на костелы, или маловмѣстительныя, или нуждавшіяся въ нѣкоторыхъ исправленіяхъ и капитальныхъ передѣлкахъ и въ пристройкѣ колоколенъ, назначены къ исправленію; 261 остальныхъ потребовали новаго устройства и большихъ денежныхъ затратъ: изъ нихъ 168 назначено построить новыхъ деревянныхъ, на каменныхъ фундаментахъ, съ гонтовыми и желѣзными крышами, 37 новыхъ каменныхъ, большихъ размѣровъ, и 56 каменныхъ перестроить. Въ числѣ послѣднихъ есть церкви, обновленіе которыхъ стоитъ до 15-ти тысячъ рублей, тогда какъ нѣкоторыя новыя каменныя стоили до 6-ти и 8-ми тысячъ рублей. Издержки правительства (исключая утвари и прочихъ богослужебныхъ предметовъ) опредѣлены въ 1,683,038 р. 24 к., изъ этой суммы

*) Въ Волынской, напримѣръ, губерніи всѣ церковно строительныя работы производятся нынѣ самими прихожанами, съ вознагражденіемъ ихъ за матеріалы и работы по дѣйствительной ихъ стоимости, и за безвозмездно произведенный ими трудъ, или поставку матеріаловъ, всѣ ассигнованныя на это деньги предназначено передавать въ распоряженіе образуемыхъ въ настоящее время приходскихъ попечительствъ, съ тѣмъ, чтобы изъ нихъ образовался фондъ, для поддержанія въ исправности на будущее время строющагося, или починяемаго храма.

441,221 р. 47 к. на починку и исправленіе первыхъ 392 церквей, 655,683 р. 70 к. на устройство 168 деревянныхъ храмовъ, и 586,133 р. 7 к. на сооруженіе 93 каменныхъ; 479 храмовъ Бѣлоруссіи уже отстроены и въ нихъ открыто богослуженіе, по 67-ми работы оканчиваются, по 107-ми начаты и по остальнымъ 191 или производится осмотръ, или разсматриваются составленыя смѣты.

Въ Волынской губерніи, церкви осмотрѣны только въ 4-хъ уѣздахъ: житомірскомъ, овручскомъ, новградъ-волынскомъ и староконстантиновскомъ. Изъ 346-ти освидѣтельствованныхъ храмовъ, 60 предназначено упразднить, 3 возобновить на счетъ владѣльцевъ, 19 не требуютъ ремонта, 200 опредѣлено устроить. Въ первыхъ двухъ сѣверныхъ уѣздахъ, гдѣ р.-католическій элементъ слабѣе, гдѣ населеніе болѣе разбросано посреди лѣсовъ и болотъ, тамъ, по преимуществу, строятся деревянныя церкви; въ южныхъ же уѣздахъ чрезъ которые пролегаютъ тракты въ австрійскія владѣнія, гдѣ въ каждомъ почти мѣстечкѣ и во многихъ селеніяхъ находятся костелы, — тамъ вездѣ или начаты, или будутъ строиться обширныя каменныя церкви. Въ Житомірѣ приступлено уже къ сооруженію каѳедральнаго собора, издержки на который, по исчисленію, простираются до 252 т. р. Въ непродолжительномъ времени будетъ приступлено къ устройству острожскаго, ковельскаго и луцкаго соборовъ, планы и смѣты которыхъ уже разсматриваются. Постройка каждаго изъ нихъ требуетъ отъ 40 до 70 т. руб. Въ Подольской губ., изъ 112-ти осмотрѣнныхъ въ 1863 г. храмовъ, 17 предназначено къ упраздненію, 4 возобновить на счетъ помѣщиковъ, 3 прочные оставить безъ ремонта; затѣмъ изъ остальныхъ назначено строить новыхъ: 24 каменныхъ и 5 деревянныхъ, изъ дуба, и возобновить: 15 каменныхъ и 44 деревянныхъ. Составляется смѣта на сооруженіе каменецъ-подольскаго каѳедральнаго собора.

Кромѣ устройства храмовъ, министерство обратило вниманіе на особенно чтимыя въ народѣ чудотворныя иконы. Для 5 изъ нихъ, содѣйствіемъ Ея Величества Государыни Императрицы и частными пожертвованіями, сооружены драгоцѣнныя ризы, украшенныя жемчугомъ и каменьями.

До 2,100 церквей западнаго края снабжены, по частной подпискѣ, сосудами для св. причастія, ризами, образами, напрестольными: евангеліями, крестами и другими необходимыми

предметами для богослуженія. Изъ числа ихъ, 50 церквей получили полную утварь и богослужебныя книги отъ щедротъ Государя Императора, Государыни Императрицы и Членовъ Царствующаго Дома. По мѣрѣ поступленія отъ жертвователей новыхъ вещей, онѣ отправляются безмездно къ мѣстамъ назначенія.

Независимо отъ церквей, получившихъ въ даръ отъ въ Бозѣ почившаго Государя Наслѣдника Цесаревича св. иконы, 18 церквей витебской и минской губерній обезпечены всѣми богослужебными предметами Ея Величествомъ Государынею Императрицею.

На устройство домовъ для болѣе бѣдныхъ поселянскихъ школъ отправлено къ минскому губернатору 5 т. руб., пожертвованные на этотъ предметъ частнымъ лицомъ.

Для распространенія грамотности, послано до 60 т. учебныхъ книгъ и руководствъ въ губерніи западнаго края, и образуются для православныхъ причтовъ волынской и подольской губерній до 250 библіотекъ, изъ книгъ духовно-нравственнаго содержанія. Изъ суммъ, поступающихъ въ министерство отъ частныхъ жертвователей на школы и церкви западнаго края, отпущено до 10-ти тысячъ рублей православнымъ братствамъ, на устройство и украшеніе храмовъ въ вѣдѣніе извѣстныхъ министерству лицъ, состоящихъ братчиками, и разрѣшено сдѣлать значительныя воспособленія двумъ училищамъ для дѣвицъ изъ духовнаго званія: паричскому г-жи Пущиной (бобруйскаго уѣзда) и житомирскому Цесаревича Николая Александровича. Для сего послѣдняго училища имѣется въ виду устроить каменный домъ съ домовою церковью, въ память дней рожденія и тезоименитства въ Бозѣ почившаго Цесаревича.

Для 10-ти соборныхъ церквей обѣщанъ однимъ изъ благотворителей денежный вкладъ, проценты съ котораго должны поступать, по равной части, на поддержку соборныхъ церквей и на увеличеніе содержанія священно-церковно служителей. Изъ суммы обѣщаннаго вклада, выслано на мѣста, для 5-ти церквей, 25 т. р. билетами непрерывнаго государственнаго дохода; для остальныхъ 5-ти церквей таковая же сумма ожидается.

О замѣнѣ повсемѣстно въ церквахъ западнаго края книгъ уніатскаго типа православными, изъ запасовъ синодальныхъ

библіотекъ, сдѣлано сношеніе съ оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода.

Вообще на все, что можетъ содѣйствовать успѣхамъ православія въ западномъ краѣ и препятствовать распространенію дѣйствія латино-польской пропаганды, обращается нынѣ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ самое неусыпное вниманіе, не говоря уже о вопросѣ обезпеченія быта православнаго духовенства, въ разъясненіи нуждъ котораго и мѣръ для разрѣшенія этого дѣла, министерство принимаетъ самое живое и дѣятельное участіе. „Русск. Инв.“

Письмо изъ Вилкомира въ редакцію „Русскаго Инвалида.“

26-го прошлаго августа, въ высокоторжественный день священнѣйшаго коронованія ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ, происходило въ г. Вилкомирѣ заложеніе каменной православной церкви, во имя святыя живоначальныя Троицы. Какъ ни мала семья русскихъ здѣсь живущихъ, какъ ни скромно, поэтому, было торжество закладки, мы думаемъ, однакожъ, что читатели *Русскаго Инвалида* не безучастно прочтутъ краткое описаніе нашего истинно русскаго праздника, весьма знаменательнаго въ краѣ, столь долго находившемся подъ гнетомъ латино-польской пропаганды.

Въ г. Вилкомирѣ и обширномъ его уѣздѣ,—гдѣ на разстояніи почти каждыхъ 7-ми верстъ, красуются польскіе костелы, большая часть которыхъ каменные и весьма приличной архитектуры,—до настоящаго времени была всего одна только деревянная православная церковь, нынѣ уже значительно обветшавшая, построенная на окраинѣ города, прилегающей къ р. Свѣнтѣ. Сравнивая эту, почти убогую церковь, съ великолѣпными, относительно говоря, польскими костелами, вилкомирскіе православные не могли не скорбѣть душою о скудости благолѣпія своего храма, для поддержанія и украшенія котораго, по малочисленности городскихъ прихожанъ и крайней бѣдности загородныхъ, не имѣлось даже въ виду никакихъ способовъ. Казалось, не откуда было ждать помощи... Но неисповѣдимый Промыслъ судилъ иначе! Крамола подавлена, русскій духъ пробудился—и вотъ, благодаря неутомимой энергіи усмирителя мятежа, графа Михаила Николаевича Муравьева 2-го и достойнаго преемника

его, Константина Петровича фонъ-Кауфмана, въ здѣшнемъ, искони русскомъ краѣ, возстановляются, на прочныхъ началахъ, православіе и русская народность: повсюду учреждаются народныя училища, во всѣхъ городахъ и значительнѣйшихъ русскихъ селеніяхъ воздвигаются православные храмы, которые будутъ вѣковыми свидѣтелями настоящей великой эпохи!

Въ вилкомирскомъ уѣздѣ предназначено построить три каменныя церкви: одну—въ самомъ городѣ Вилкомирѣ, другую въ с. Можейкишкахъ и третью въ с. Семенишкахъ. Городской храмъ, вмѣстимостью для 700 человѣкъ, проектированъ въ византійскомъ стилѣ, съ колокольнею; на сооруженіе его потребуется до 15-ти тысячъ рублей серебромъ. Мѣсто для храма избрано прекрасное, по главной шоссированной улицѣ, въ самомъ центрѣ города. Здѣсь же будутъ построены дома для помѣщенія православнаго духовенства и церковнаго причта.

Не безъ сердечнаго трепета ожидали мы дня, назначеннаго для закладки новой церкви. Мы боялись, чтобы предстоявшему великому торжеству не помѣшала погода, дотолѣ дождливая; но, благодаря Бога, день 26-го августа былъ ясный, теплый, настоящій лѣтній. По совершеніи въ здѣшней приходской церкви литургіи и молебствія о здравіи ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ и всего Августѣйшаго Дома, духовенство, предшествуемое хоругвями и святыми иконами, отправилось, со всѣмъ бывшимъ въ церкви народомъ, на мѣсто, избранное для постройки новаго храма.

Здѣсь по окропленіи святою водою рва, вырытаго для фундамента, вилкомирскимъ благочиннымъ, о. Евфиміемъ Приневскимъ, положенъ первый камень основанія будущаго храма. вмѣстѣ съ мѣдною доскою, на которой вырѣзана надпись о времени его заложенія. Затѣмъ при 31 пушечномъ выстрѣлѣ, водруженъ временный деревянный крестъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ будетъ совершаться безкровная жертва, и провозглашены многолѣтія: ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ и всему Царствующему Дому, святѣйшему правительствующему синоду, митрополиту литовскому и виленскому Іосифу и ковенскому епископу Александру, россійскому христолюбивому воинству и, наконецъ, всѣмъ православнымъ христіанамъ. По окончаніи закладки, нижніе чины, бывшіе въ парадѣ, рабочіе, подряженные для постройки храма, а также и прихожане-крестьяне, изъ которыхъ нѣкоторые прибыли за 80 верстъ разстоянія, были угощены виномъ и булками.

Праздникъ нашъ окончился обѣдомъ, устроеннымъ, по подпискѣ, здѣшнимъ русскимъ обществомъ, на который приглашены были всѣ офицеры войскъ, здѣсь находящихся. Обѣдъ этотъ отличался братскимъ, истинно русскимъ единодушіемъ и неподдѣльнымъ удовольствіемъ. Тостъ за здравіе ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА встрѣченъ былъ восторженнымъ троекратнымъ ура! Послѣ того были провозглашены еще тосты за здоровье: 1) главнаго начальника края К. П. фонъ-Кауфмана, 2) графа Михаила Николаевича Муравьева, 3) ковенскаго губернатора графа Николая Михаиловича Муравьева и 4) нашихъ ковенскихъ гостей: А. И. Энгельмейра, Н. Н. Новикова и И. Я. Шульгина, отъ лица которыхъ г. Шульгинъ, въ нѣсколькихъ задушевныхъ словахъ, выразилъ теплое участіе, участіе, принимаемое ими въ нашей радости, благодарилъ за радушный пріемъ и провозгласилъ тостъ за здоровье всѣхъ вилкомирскихъ православныхъ и въ особенности членовъ церковно-строительнаго комитета, на долю которыхъ выпала честь быть дѣятелями по сооруженію новозаложеннаго храма. Общій, долго неумолкавшій восторгъ при поднятіи бокаловъ за здоровье графа Михаила Николаевича, ясно доказалъ всѣмъ, какъ дорого вилкомирскимъ православнымъ имя доблестнаго умиротворителя сѣверо-западнаго края Россіи, и какъ высоко цѣнятся незабвенныя его заслуги отечеству и труды, подъятые для возстановленія въ Литвѣ православія и русской народности.

Въ этотъ достопамятный для насъ день, отъ лица вилкомирскихъ русскихъ людей отправлены были слѣдующія депеши:

Въ Вильну. Генералъ адъютанту фонъ-Кауфману.

„Празднуя сего числа заложеніе каменнаго православнаго храма въ Вилкомирѣ, русскіе, здѣсь проживающіе, поспѣшаютъ довести о столь радостномъ событіи до свѣдѣнія вашего высокопревосходительства, и благодарятъ за содѣйствіе, оказанное вами въ дѣлѣ сооруженія этого храма.“

Въ с. Сырецъ, лужскаго уѣзда. Графу Михаилу Николаевичу Муравьеву 2-му. „Русскіе въ Вилкомирѣ, празднуя сего числа заложеніе каменнаго православнаго храма, по предначертанію вашего сіятельства воздвигаемаго, приносятъ вамъ, какъ главному виновнику этого торжества, свою душевную благодарность“ [1]).

---

1) Эта депеша отправлена изъ Луги въ С.-Петербургъ, гдѣ графъ нынѣ находится.

Въ Ковно. Ковенскому губернатору, графу Николаю Михаиловичу Муравьеву. „Вилкомирскіе православные, празднуя заложеніе храма во имя Святыя Тройцы, поздравляютъ съ нынѣшнимъ русскимъ торжествомъ и подносятъ бокалъ за здоровье вашего сіятельства.“

Вотъ отвѣтныя депеши, послѣдовавшія на имя военнаго начальника маіора Бирина:

Отъ главнаго начальника края. „Радуюсь закладкѣ православнаго храма и поздравляю дѣятелей съ этимъ счастливымъ событіемъ. Да послужитъ положенный вами камень твердою основою православію и русской народности, возстановляемымъ въ этомъ краѣ.“ Кауфманъ 1-й.

Отъ графа Михаила Николаевича Муравьева 2-го. „Душевно поздравляю русскихъ людей города Вилкомира съ общимъ нашимъ торжествомъ—возстановленія тамъ православнаго храма—и искренно благодарю за извѣщеніе.“ Графъ Муравьевъ.

Отъ ковенскаго губернатора. „Искренно сожалѣю, что не могъ лично присутствовать съ православными жителями города Вилкомира на заложеніи храма. Благодарю отъ души за привѣтъ и добрую память обо мнѣ.“ Генералъ-маіоръ, графъ Муравьевъ.

По освященіи заложеннаго 26 августа каменнаго храма, могущемъ послѣдовать не ранѣе 1867 года, нынѣшнюю деревянную вилкомирскую приходскую церковь предполагается перенести на здѣшнее православное кладбище, которое до сего времени не имѣетъ никакой ограды. На устройство этой ограды, а также на внутреннее украшеніе нашихъ церквей, потребуются немаловажныя издержки. Вотъ почему мы не можемъ не выразить живѣйшей благодарности тѣмъ лицамъ, которыми сдѣланы уже для этой цѣли нѣкоторыя пожертвованія. Будемъ надѣяться, что на этомъ не остановятся посильныя приношенія русскихъ людей, любящихъ благолѣпіе храмовъ Божіихъ, и заключимъ статью нашу повтореніемъ обращеннаго къ намъ Константиномъ Петровичемъ фонъ-Кауфманомъ пожеланія: да послужитъ краеугольный камень вновь созидаемаго храма твердою основою православію и русской народности, возстановляемымъ въ здѣшнемъ краѣ!

Р.

31 августа 1865 г.

Библіографическая замѣтка о книгѣ «Церковно-историческое и статистическое описаніе Варшавской правосл. епархіи, составленное б. ключаремъ варшавскаго каѳедральнаго собора протоіереемъ Аѳанасіемъ Лотоцкимъ (нынѣ намѣстникомъ Почаевской Лавры архимандритомъ Амвросіемъ. Почаевъ въ типографіи Почаевской Лавры 1863 года.»

Вотъ одна изъ самыхъ любопытныхъ современныхъ книгъ. Любопытна она во всѣхъ отношеніяхъ, даже и потому что напечатана въ *Почаевѣ*. Шрифтъ хорошъ, изданіе приличное, безукоризненное,—хоть бы для столичной типографіи. А по содержанію своему эта книга, конечно, еще замѣчательнѣе: тѣми отчетливыми, въ высшей степени знаменательными, и для большинства читателей совершенно—новыми свѣдѣніями, какія представляетъ намъ о варшавской православной епархіи, она можетъ доставить всякому самое интересное чтеніе. Надобно прислушаться къ этому необыкновенному сочетанію словъ: „*варшавская православная* епархія!", надобно узнать, такъ ли легко жилось и живется православію въ Варшавѣ, какъ, напримѣръ, римскому католичеству въ С.-Петербургѣ, или въ Москвѣ. Духъ нетерпимости и фанатизма, свойственный папизму нигдѣ не уживается съ православіемъ,—вездѣ и всегда искалъ и ищетъ первенства и преобладанія; а православіе, какъ единая соборная и апостольская церковь, исполненная любви и терпѣнія, въ защиту себя всегда выставляла только слѣдующія апостольскія слова: сія есть побѣда, побѣдившая міръ,—вѣра наша! Весьма поучительно прочитать „описаніе варшавской православной епархіи" всякому, истинно—православному христіанину; но преимущественно рекомендуемъ ее всѣмъ священнослужителямъ православной церкви въ западной Россіи. Эта книга, доселѣ еще не пущенная въ продажу въ книжныхъ лавкахъ, можетъ быть легко пріобрѣтена отъ самого сочинителя и издателя о. Архимандрита *Амвросія*, который теперь, послѣ управленія св. Почаевскою лаврою, переведенъ настоятелемъ первокласнаго *Мълецкаго монастыря,* Волынской губерніи, Ковельскаго уѣзда,—куда и надобно желающимъ относиться съ своими требованіями, прилагая за каждый требу-

емый экземпляръ книги 1 рубль серебромъ. Издана эта книга въ большую осьмушку, въ ней 367 страницъ.

Чтобы познакомить читателей нашего журнала съ этой интересной книгой, мы намѣрены помѣстить на его страницахъ нѣсколько изъ нея отрывковъ.

Ред. Вѣстника.

..одержаніе 2-й книжки „Вѣстника западной Россіи" за $18\frac{65}{66}$ г.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.